

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ЛАРА ИНГВАР

ИМПЕРАТРИЦА
Академия пяти дорог

Annotation

Чем ближе ты находишься к власти, тем больше у тебя врагов. Таинственная ведьма продает зелья, похищая жизненную силу у ни в чем не повинных магов, аристократы недовольны слабым претендентом на престол и планируют переворот, любимый отдаляется, поглощенный бременем власти, а Роах с каждым днем все больше походит на ледяную статую, и только Маримар может понять, что же с ним происходит. Девушке предстоит стать той, кем она должна быть согласно пророчеству, а для этого нужно измениться, не изменяя себе.

- [Лара Ингвар](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
-

Лара Ингвар
ИМПЕРАТРИЦА

ГЛАВА 1

Маримар

Отныне белые лилии будут ассоциироваться у меня с похоронами. Цветы уложили на гроб с телом императора, чтобы хоть как-то скрыть витавший вокруг него запах разложения. Маги земли ничего не могли сделать со зловонием, исходившим от Терениса-старшего.

Большинство придворных разводили руками и косо смотрели на меня, считая, будто я таким образом решила опорочить память почтенного старца, разорванного моим зверем. На самом деле Теренис так часто крал и пил жизненную силу других магов, совершая непростительное зло, что его душа буквально протухла, оттого и тело смердело, невзирая на все усилия скрыть запах. Аназис и ее братец вместе с другими представителями клана Черного Ветра были взяты под стражу и на похоронах не присутствовали. Приказ отдала я. Тавр — я стояла по правую его руку — со слезами на глазах глядел на отца, чей гроб несли в специально выстроенную из голубого мрамора гробницу в его любимом месте в императорских садах. Принц уговорил меня вызвать мелкий морозящий дождик, чтобы создать видимость, будто природа оплакивает смерть его отца. Я согласилась — настроение соответствовало погоде. Но не потому, что печалилась о смерти Терениса, старый жук ее заслужил. Мои мысли занимали мучительные размышления о судьбе империи.

Единственный человек, который точно знал, что делать, улетел в свой замок на севере. Роах, которого поддерживали военная элита и армия и боялись, а потому и уважали многие дворяне, который медленно, но верно брал в свои руки судебную власть в империи, пропал, напоследок пообещав вернуться.

Мой жених мастерски умел управлять придворными, он нравился людям, а вместе со мной, магом воды с силой элементаля, был бесспорным и единственным претендентом на трон. Однако Тавр не представлял, как быть с областями, насильно захваченными его отцом и Роахом в последние годы правления. Теренис держал все силой, заставляя подчиняться целые регионы магией голоса. Я же так и не

научилась этому трюку и была способна влиять самое большее на трех-четырех людей одновременно. Чак-Чо, сидевший рядом, прижался к моему бедру огромной головой и сам того не желая толкнул меня: «Я с тобой, императрица. Я всегда буду рядом».

Увы, Чак-Чо не всегда оставался разумным. Ему стоило больших усилий мыслить по-человечески два-три часа в день, а потом он превращался в верного и необыкновенно сильного зверя, прекрасного сторожевого пса, но никак не советчика.

— Все скоро закончится, моя прекрасная невеста, — шепнул Тавр, чувствуя мою усталость.

Похоронная процессия затянулась, прошло уже три часа. Две тысячи гостей, истоптавших траву в императорских садах, плакали, заламывали руки, стеная «На кого ж ты нас покинул!». Мои верные стражницы стояли за спиной и оглядывали толпу, готовые в случае необходимости предотвратить покушение. У клана Черного Ветра было много союзников, а я стала для них врагом номер один — старого императора за его грехи убил волшебный зверь, а ненавидеть и бояться будут меня.

Страха за свою жизнь я не испытывала, но боялась за родителей, боялась за Тавра. Принц искал новых союзников, коронация была назначена через две недели после похорон. Я сильно ослабляла его власть, отказываясь сразу идти под венец, но как бы сильно ни любила Тавра, мне нужны были свобода, заверченный хотя бы первый курс военной академии и мои друзья.

Роман стоял среди привилегированных гостей и в открытую зевал, за что попал под перекрестный огонь взглядов своей матушки и сестер. Негоже дворянину, наследнику богатейшего в империи рода проявлять невоспитанность. Роман был со мной, когда старый император пытался избавиться от меня как конкурента, вылечил мои раны и не позволил Теренису убить Тавра. На лице друга красовалась извечная маска балагура и прожигателя жизни, но я точно знала: если мне понадобится его сила элементаля земли, он окажется рядом. Укр и Элия, приятельница из школы Танцующих леди, тоже здесь присутствовали. Подумала, что нужно уговорить Тавра назначить Укра помощником главы дворцовой стражи. Ему точно смогу доверять, а когда-нибудь он и старика сменит. Сейчас же мой друг готовился к свадьбе. Вряд ли испытывая хоть какое-то сожаление по поводу

кончины Терениса, он улыбался, окрыленный думами о столь желанном браке. По законам империи, если у них родятся дети со способностями к магии земли, унаследованными от Элии, можно даровать им дворянский титул.

Невдалеке заметила Самара и Марину, сестру Романа. Она глядела на процессию серьезно, толстые очки придавали ей усталый вид. Девушка обладала на редкость некрасивыми чертами лица и не самой лучшей фигурой, ее можно было бы назвать дурнушкой, если бы не исходивший от нее какой-то необыкновенный свет, который видели избранные. Ее разум был столь же остер, как у Самара, последнего выжившего представителя клана Серебряной Воды, побочной ветви императорского рода. Раньше я не замечала, что в глазах друга сверкали серебряные искры, показатели спящей силы, способностей к магии воды. В Самаре они уже никогда не проявятся, он не просто так носил позорную приставку «мар» к имени. Но сила может проснуться через поколение, и тогда его дети создали бы конкуренцию императорской фамилии в борьбе за трон. Меня это не пугало. И совершенно не нравилось быть последним магом воды в империи. Конечно, оставался Теренис-младший, однако он отправился покорять новые земли, поддавшись зову моря. Неизвестно, вернется ли он когда-нибудь в империю. Когда я узнала о силе, скрывающейся в моей крови, меня тоже преследовала мысль сбежать от ответственности. Но в этом и минус, быть в чем-то последней. Когда выбора больше нет.

К Тавру подошел советник Хард из клана Синих Гор и что-то зашептал на ухо. Как относиться к Харду, пока не решила, но этот пожилой, похожий на шарпея мужчина давал моему жениху неплохие советы. Тавр нахмурился, ему явно не понравилось услышанное.

— У нас гости, — известил меня принц. — С окраины империи.

— Дальний Восток?

— Да.

Я тяжело вздохнула. После известия о смерти монарха первые попытки бывших свободных княжеств снова отделиться были лишь вопросом времени. Теренис держал страну цельной благодаря страху. Все знали, что он способен одним взглядом заставить истечь кровью боевой отряд. Цена такой силы высока, чтобы ей обладать, приходилось расставаться с частицами души. Моя душа пока что

находилась в целости, а зверь-покровитель не желал обучать меня магии крови.

Нынешний правитель Дальнего Востока не ответил на приглашение на похороны, следующий его шаг становился очевиден. И где Роах, когда он так нужен?

Гроб традиционно несли вручную, в знак уважения к покойному не прибегая к магии. Прощание с Теренисом закончилось, и я едва не издала восторженный вздох — недолго осталось стоять, словно кукле, затянutoй в траурное платье. Черная вуаль мешала обзору, но позволяла скрыть сухие глаза.

— Предложите гостям напитки и что-нибудь поесть. Пусть ожидание станет комфортным, — тихо отдал приказ принц.

— Предлагаешь кормить предателей?

— Ласка города берет. — Тавр с нежностью во взоре взял меня за руку. Почувствовала, как губы сами растянулись в улыбке, а сердце забилось как безумное. Вечно он вытворяет это со мной одним невинным прикосновением. — Хочешь быть рядом, когда встречусь с ними? Посмотришь, что такое настоящая дипломатия.

Кивнула. Я не тешила себя иллюзией, что смогу взять бразды правления в свои руки. У меня было несколько идей, которые хотелось бы претворить в будущем, но опыта в государственных делах не имелось, и хватало благоразумия не лезть на рожон. Исключение — жестокий приказ в отношении клана Черного Ветра, стоивший мне множества косых взглядов. Но лучше быть презираемой, чем мертвой.

Идя по задрапированным в черное коридорам, максимально прямо держала спину — небольшой рост не способствовал прибавлению значимости. Вошли под объявление глашатая о нашем прибытии:

— Наследный принц империи Тавр, даровавший жизнь Великой пустыне, с невестой Мари, повелительницей воды, хозяйкой Чак-Чо.

Правда, зверя рядом со мной уже не было. После церемонии он растерял мыслительные способности и радостно плескался в фонтане, вылавливая и потроша золотых карпов.

Мы с Тавром сели на кресла из красного дерева, инкрустированные серебром, — трон станет золотым, когда принц примет наследование.

— Мы требуем сепарации от империи! — стало первыми словами мужчины с узкими, как у Ниньо, глазами, но у нашей

преподавательницы по магии огня они были с крохотными алыми искрами, у него этого показателя силы нет, скорее всего, очень слабый маг.

— Мы — это кто? — поинтересовалась.

Невысокий мужчина стоял впереди, облаченный в традиционные золотые с красным одежды, и уж очень открыто нарушал протокол визита в императорский дворец.

— Я Наомир, сын Наорама. До пришествия вашей армии в наши земли моя семья считалась княжеской.

Как и ожидала, местный князек. Слишком самонадеян, раз решил столь скоро потребовать отсоединения. К моему удивлению, Тавр улыбнулся.

— Вы вправе заявлять о требованиях. И если так желаете, немедленно выведу войска из ваших земель, а вам верну власть, что мой отец забрал у вашего, — мягко вещал принц, медовыми глазами оглядывая процессию.

Несколько женщин подались вперед, словно загипнотизированные его взглядом и красотой. Научиться сопротивляться тяге к принцу и мне-то стоило немалых усилий, а видевшие его впервые были не способны бороться с собой. В землях Дальнего Востока царило равноправие, женщины получали образование наравне с мужчинами и могли занимать высокие посты. Одна из них сделала шаг вперед, старательно опуская глаза. Сообразительная.

— Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— О, это правда. Но вынужден сообщить, выведу я не только войска. Помнится, в ваших землях на деньги империи были построены ткацкие фабрики. Думаю, будет справедливо, если перенесу производство в другое место. И торговлю специями впредь придется вести с верными империи регионами. И ваши солнечные камни тоже будут никому не нужны. Я ничего не забыл? А, да... учебные заведения прекратят свою деятельность на вашей территории, покинут земли врачи-маги. Естественно, никакой речи об обмене талантливыми магами впредь. Зачем нам маги огня, коих у вас так много, если вы более не желаете с нами сотрудничать. Что думаешь, Мари? Это справедливо?

Тавр поставил регион в такое положение, что все их мечты о самостоятельности территории разбились в пух и прах.

— Я думаю, что также нужно обязать Дальний Восток выплатить... — подобрать правильное слово оказалось сложно, — неустойку за проложенные дороги и возведенные здания, а также вернуть новые торговые суда, построенные из нашей древесины. У вас, сколько мне помнится, дерево не самого лучшего качества.

Историю я знала хорошо, а осознав, что велика вероятность стать императрицей, прочитала все что могла об экономике страны, ее ресурсах, товарообмене между частями империи. Делегация молчала. Ожидали увидеть красивого, но глупого и слабого принца и его невесту — выпускницу школы Танцующих леди, которая волей судьбы оказалась обладательницей способностей к магии воды? Что ж, ошиблись.

Я любила Тавра и понимала, что никому не нужна рядом тупая кукла. А если и нужна, то только для произведения на свет потомства. С этой целью меня уже пытался похитить мой близкий друг Ану. Конечно, можно попытаться найти оправдания: его мать — помешанная на власти особа, он сам — представитель восточной культуры, где права женщин не ценятся ни на грош, еще и пробужденные способности элементаля огня буквально сводили его с ума. После инцидента Ану вернулся в столицу и продолжил учиться в академии, только теперь не как маг огня, а как лишенный способностей. Способности Ану гасили специальные браслеты, в сплав которых добавлен боцник, растение, забирающее у магов их силу.

Тавр привычно прятался за маской красоты как за щитом. На самом деле помимо умения располагать к себе людей и пользоваться их восхищением он был прекрасно образован, владел и мечом, и магией ветра, а еще был наследником ведьмовских знаний, что передавались в его семье из поколения в поколение по женской линии. Запрещенные знания, из-за которых маги-стихийники веками сжигали ведьм на кострах. Золотые глаза принца были свидетельством его силы, вот только ведьм в мире осталось так мало, что мало кто верил в их существование. И поиск их был поистине непосильной задачей. Лишь королевские ищейки, к которым относился Роах и весь клан Ледяного Ветра, могли это делать, чувствуя магию ведьм буквально носом.

Делегация замерла. Бывший князек ссутулился, сомневаюсь, что ему доводилось вести серьезные переговоры. Вместо него выступила женщина, благоразумно не смотревшая на принца.

— Если позволит ваше величество, мы бы хотели отклонить выдвинутые ранее требования и принести глубочайшие извинения. Нас сразило горе о смерти вашего отца, затмило разум. Может ли наш визит остаться в тайне?

Тавр милостиво кивнул, ему польстило, что к нему обратились как к уже законному императору, а я изучала женщину, облаченную в традиционные алые одежды. Выше среднего роста, со спускающейся до талии черной косой. На вид лет тридцать — тридцать пять, но уроженцы Дальнего Востока стареют медленней.

— Как вас зовут? — спросила.

— Наоми, я сестра Наорама.

— Каковы ваши обязанности?

— Заведую внешней торговлей.

Поэтому так быстро и поняла, что отделение от империи будет смертью для их края. Я выразительно посмотрела на принца, стараясь передать взглядом мысли. Горана, его тетя, только начала учить меня этой ведьмовской премудрости, к которой, по ее словам, у меня талант благодаря способностям к магии воды. Если можешь навязывать свою волю голосом, почему бы не «сказать» мысленно. Тавр понял и согласился, что сестра представляет для нас куда больше интереса, чем ее братец.

— Наоми, вы не могли бы остаться во дворце на несколько дней? Нам нужно обсудить возможности развития региона.

Женщина коротко кивнула. Предложения для других незваных гостей не последовало, и они будут вынуждены покинуть дворец.

— Но территорией управляю я, — возмутился глава делегации.

Возможно, лет сто назад по праву наследования так бы и было, но не сейчас.

— Официальный правитель всех земель — я. — Тавр поднялся, гневно глядя на князька. Если бы так сделал его отец, тот бы уже рухнул на колени и каялся во всех грехах, но Тавр не обладал достаточной силой, чтобы внушать страх, поэтому Наомир встретил его взгляд. — Аудиенция окончена.

И все тот же вопрос — где Роах, когда он так нужен? Я собрала остатки сил и заставила выползти из фонтана два ручья, принявших вид огромных змей. Они медленно подползли к трону и встали в агрессивную стойку по обе стороны от него. Желание препираться тут же испарилось, Наомир приклонил колена, а затем коротко что-то сказал на не известном мне языке и покинул тронный зал.

Едва дверь за ним закрылась, я выдохнула, теряя концентрацию. Мои змеи пали, вода растеклась лужами.

— Спасибо, Маримар. — Принц поднес мою ладошку к теплым губам.

А я боролась с возрастающей головной болью и мечтала только о том, чтобы хорошенько поесть и поспать. Магия отнимает много энергии, и сколь бы впечатляющи ни были способности ее носителя, рано или поздно силы его истощаются. Исключение составляют элементарии с почти безграничными способностями. Вот и все мое окружение было уверено, что я элементарий воды. Но я-то осознавала, что сил у меня поменьше, чем у Терениса-старшего.

Тавр улыбнулся, встал с трона, протянул руку, помогая мне подняться, и приобнял с нежностью, заставившей сердце пуститься вскачь. Он знал, что в последнее время мне приходилось нелегко: создание пасмурной погоды в день похорон, хотя природа желала солнечных дней, постоянные фокусы, дабы доказать свою силу, и напряжение, связанное с новым титулом, который невозможно оспорить, за кого бы ни вышла замуж: я последний маг воды, и мой муж автоматически возглавит империю.

Мой отказ Тавру в скором бракосочетании аристократы расценили как нежелание вовсе выходить за него замуж и немое позволение продолжить ухаживания. Мне постоянно подбрасывали записки с обещанием вечной любви, подарки. Знать окружила вниманием мою матушку, надеясь через нее подобраться ко мне. Однако я любила Тавра. От одного запаха тепла и меда, что исходил от него, кружилась голова. Его поцелуи заставляли меня трепетать и желать большего, вот и сейчас, когда он взял меня за руки, а потом каким-то невероятным образом поднял над землей и заключил в объятия, я рассмеялась, несмотря на усталость и головную боль.

— Поставь меня!

— Нет, о прекрасная императрица, — Тавр притянул меня к груди и поцеловал в губы, — я отнесу тебя в комнату, где ты поешь и поспишь. Иначе скоро тебя сдует ветром. — И подбросил меня в воздух.

Отчасти Тавр был прав. Из-за постоянных тренировок по управлению магией воды и полного отсутствия свободного времени на моем теле не осталось ни грамма жира, лишь грудь чудом никуда не пропала. Принц нес меня по коридору, невзирая на косые взгляды. В монарших браках не приняты проявления чувств, тем более по протоколу Тавр сейчас должен быть разбит смертью отца. Но он шел широкими уверенными шагами в сторону наших с ним спален и улыбался счастливой шальной улыбкой. Я понимала, что принц горюет по отцу, но стыдится своих чувств к нему, все-таки Теренис-старший приказал убить мать Тавра. Узнав, что она ведьма, устроил показательный процесс и сжег жену на костре на глазах у маленького сына. Император так мечтал обрести силу элементаля, что решил пожертвовать ради нее любовью всей своей жизни.

Принц замедлился, едва не сшибленный мощным порывом ледяного ветра, внезапно пронесшегося по коридору. Я зябко поежилась, еще не догадываясь, что стало причиной внезапного сквозняка во дворце.

— Тавр, Маримар, — раздался до боли знакомый голос.

Я вывернулась в руках принца, чтобы увидеть Роаха. Он стоял в нескольких метрах от нас, облаченный в обычный свой черный мундир. Глаза сверкали как два небесно-голубых кристалла, короткие стриженные волосы имели удивительный пепельный оттенок, какой не часто встречается даже у северян. Роах был выше и крупнее Тавра, чье сложение скорее можно назвать аристократическим. Граф из тех, кто умеет держать в руках оружие, не брезгует мечом, невзирая на свои удивительные способности к магии воздуха. Я порадовалась, что Чак-Чо побежал охотиться в лес. Зверь графа недолюбливал.

Тавр почувствовал мое желание и опустил меня на землю. Мигом преодолела разделявшее нас расстояние и обняла Роаха. Прикосновение вышло неловким.

— Боялась, что ты не вернешься.

Кожа обжигала холодом. Скорее всего, прилетел — он всегда превращается в ледышку, когда долго использует свою магию. Граф

отстранился, на бледном лице заиграла нежная улыбка.

— Я же обещал вернуться. Ты выглядишь очень изможденной, котенок. — Роах осторожно убрал прядь волос, выбившуюся из высокой прически.

Пальцы холодили, но я знала, что он согреется, если будет прикасаться ко мне достаточное время. Я любила Тавра, но, чувствуя потребность Роаха в тепле, не могла ему в нем отказать. Я поговорила об этом с принцем, и он разрешил мне обнимать графа, если я видела, что ему это нужно. Тавр ревновал, но учился сдерживаться, понимая, что без Роаха нам не выжить.

— Нужно просто поесть. — Улыбнулась ему, покачиваясь от усталости.

Это не скрылось от внимания графа, он гневно посмотрел на Тавра.

— Как часто в последнее время она использует магию?

Роах мог себе позволить грубо говорить с будущим императором, их давняя неприязнь была всем известна. Во многом это было связано с тем, что граф ощущал исходящий от принца запах магии ведьм. Если учесть, сколько времени я провожу в домике в трущобах, от меня пахло не лучше.

— Слишком часто, — процедил Тавр. — Те две недели, что ты отмечал свободу с кланом, были нелегкими.

Тавр был прав. Многие дворяне восприняли самовольную отлучку Роаха как знак неповиновения. Они не знали, что я сбросила цепи кровавой клятвы императорской семье с клана Ледяного Ветра, даровав им свободу выбора. Мне казалось несправедливым, что в случае послушания монаршего приказа пострадают все представители семьи Роаха, даже женщины и маленькие дети. И в день, когда я освободила его, он поклялся мне в верности из любви. И когда пропал, улетев на север, и даже не написал письма, чувствовала себя преданной.

— Я больше никуда не пропаду, — уверил граф, нежно глядя по голове. С трудом отпустив меня, подошел к принцу. — Тавр, с этого дня я начну выражать тебе свою полную лояльность. Нужно, чтобы как можно больше аристократов уверилось в нашей дружбе. Потому что некоторые регионы предпримут попытку отделиться.

— Это уже произошло, — сказал принц со справедливой обидой в голосе: — Сегодня к нам пожаловала делегация с Дальнего Востока.

— Эти так зависят от нас финансово, что никуда не денутся. — Граф махнул рукой. — С халифом с Ближнего Востока конфликт уладили благодаря Маримар, тем более в академии обучается официальный наследник этих земель... — Я развесила уши, слушая о политике, но Роах вдруг резко замолчал. — Маримар, твоя задача — отдохнуть и восстановить силы. Мы с Тавром обсудим текущую ситуацию.

Тот кивнул. Теперь, когда Роах вернулся, деточку решили отослать баиньки. Я было насупилась, но встретилась взглядом с медовыми глазами принца, в голове раздался нежный голос: «Я все тебе расскажу, обещаю». Вздохнула и отправилась спать, предоставив мужчинам решать судьбу этого мира. Хоть одно общее у них имелось — они оба любили империю.

ГЛАВА 2

— Ваше гребаное величество, бежать будете или в облаках витать? А может, прислугу позовете, чтобы вас на ручках по плацу носили? — орал Эльдар, пытаюсь подстегнуть меня к активным действиям.

Я же еле волочила ноги после принятия всех недовольных режимом и демонстрации своих способностей. За свою жизнь Теренис-старший нажил немало врагов, а теперь они стремились предъявить претензии его сыну. Я мрачно размышляла над тем, что старый жук создает нам проблемы даже после смерти, мешая сосредоточиться на поставленной задаче. Хорошо, что Роах вернулся и во всем помогал Тавру, правда, после его возвращения я практически не могла побыть наедине со своим женихом. Мне было некомфортно, ледяной взгляд заставлял чувствовать себя виноватой, уязвимой. Каждый раз, когда Роах пытался поговорить со мной наедине, я делала вид, что страшно спешу, или мой зверь-покровитель чудом обретал сознание и мешал беседе, мощным телом оттесняя графа в сторону. Роаха он на дух не переносил.

Чак-Чо, в данный момент растерявший остатки человеческого разума, радостно неся рядом, оставляя мокрые следы, что еще больше раздражало Эльдара. Влюбленная парочка из двух самых злобных преподавателей академии теперь устраивала смежные занятия, и, пока мы скакали, выполняя команды Эльдара, Ниньо швыряла в нас небольшие огненные шары, оставлявшие небольшие круглые ожоги, словно кто-то прижег сигарой кожу. Доставалось не мне одной. Мои телохранительницы тоже бежали из последних сил, а Снежа, сестра Роаха, так и вовсе сослалась на поврежденную лодыжку и уселась в углу. Лучше всех из обучающихся в академии девушек с заданием справлялась Алекса, умудрявшаяся не только уворачиваться от летящих в нее фаерболов, но и магией отправлять их обратно. Ниньо только улыбалась, она любила студентов, которые оказывались способны ей противостоять.

— Закончили, личинки. Как всегда плохо. Ты, — Эльдар ткнул пальцем в крупного парня с факультета магии земли, — еще раз увижу,

что прибегаешь к зелью-энергетику, поставлю вопрос об отчислении. И где вы их только берете... — Парень поспешно коснулся оттопырившегося нагрудного кармана спортивной формы. Юношей она не так облепляла, как девчонок, иначе это стало бы хорошим поводом для шуток. Женская униформа прилегала как вторая кожа, но в ней было необыкновенно удобно, и мы не просили ее заменить. — До экзамена по моему предмету осталось меньше месяца. Вы знаете, второго шанса я, в отличие от супруги, не даю. Все провалившиеся могут попрощаться с академией.

Иногда мир по-настоящему безумное место. Эльдар поцеловал Ниньо в губы, с нежностью и трепетом глядя на грозу студентов. Парочка удалилась, воркуя, как обычные молодожены, только он был одним из немногих императорских берсерков, способных в порыве ярости высвободить колоссальную силу, а она — первой женщиной, заслужившей звание командующего войском. Когда-то плененную Ниньо подвергли пыткам, ее руки до сих пор украшали следы глубоких ожогов, стесняться которых она перестала лишь недавно. Поговаривали, что у преподавательницы в них все тело. Когда ее освободили, она еще год не могла пользоваться собственным огнем, так боялась пламени.

Уже не в первый раз слышала о зельях-энергетиках, они распространились по академии со скоростью сплетен о том, кто с кем встречается. Я подошла к пойманному Эльдаром магу. Как и многие другие, он при моем появлении согнулся в три погибели. Титул как-никак.

— Привет. — Парень с каштановыми волосами южанина и загорелой кожей смотрел на меня настороженным взглядом, все знали мои отношения с двумя самыми могущественными людьми в империи. — Ты не мог бы рассказать мне, что это за зелье? — Дабы убрать проступивший в его глазах ужас, поспешно добавила: — Я в последнее время так устаю, пригодилось бы нечто подобное.

На самом деле я опасалась, не из рук ли это ведьмы, снабжавшей Терениса эликсиром вечной жизни. Поймать ее было одной из важнейших задач для нас с Тавром и Роахом. Основным компонентом зелья являлась жизненная сила невинно убитого мага-стихийника, но причина была еще и в том, что принц подготавливал закон, позволяющий ведьмам выйти из подполья, иметь равные права и

практиковать свою магию. Но этот закон никогда не поддержат совет и аристократия, если узнают, какой опасной силой обладают настоящие ведьмы.

Парень затараторил:

— Это просто смесь трав, настойка... Ничего незаконного.

В последнее время многие студенты изменились — перестали засыпать на занятиях, могли сосредоточиться на предметах, проявляли чудеса выносливости. После слов Эльдара стало понятно, с чем это связано. А то уж посчитала, что жизнь при дворе меня разбаловала и я недостаточно энергична для занятий в военной академии.

— И где такую достать?

Старалась не выдать, подлинных мотивов интереса, но парень все равно перепугался. Мой теперешний статус довлел над однокурсниками, и они перестали нормально со мной общаться.

— Можешь взять этот флакон, я не успел из него отпить, — он протянул мне прозрачную бутылочку.

Только мне нужен вовсе не флакончик, а изготовитель содержимого.

— Не буду ж я тебя обирать. У меня достаточно средств, чтобы купить целый ящик.

Что правда, то правда, денег у меня теперь было слишком много. Мама от такого изобилия финансов просто обезумела, количество ее новых платьев не переставало расти, мебель уже не умещалась в нашем скромном доме. Даже отец, обычно безмолвно потакавший ее прихотям, начал тихо препираться: «Может быть, хватит, дорогая?»

— Не знаю, стоит ли говорить... — Парень замялся.

Ну конечно, я все еще протеже Роаха, что знаю я, знает и он. И хотя эти зелья не были запрещены официально, студенты не хотели лишаться возможности подстегнуть свои силы.

— Как ты купил зелье? — спросила невинно, но используя магию голоса.

Обещала себе без необходимости не подчинять людей своей воле, но ситуация была как раз такой необходимостью.

— Оставил деньги в дупле дерева в парке, на следующий день там был флакон с моим именем. — Парень и не понял, что я сломила его волю.

Люди часто думали, что делают что-то сами, когда на самом деле им приказывала я.

Поблагодарила его, выгнав о месте, где происходила продажа. Шара, моя внимательная телохранительница, уже стояла рядом и лишь кивнула с присущей ей молчаливостью, когда я попросила ее и других девушек изучить «обменный пункт». До следующего занятия оставалось полчаса, как раз хватит времени увидеться с Роахом и обсудить с ним распространение странного энергетика в академии. Стараясь побороть сомнения, уверенными шагами направилась в его кабинет.

Граф оказался не один. В кресле сидел Амир, второй преподаватель магии воздуха, когда-то заменявший графа на индивидуальных занятиях. В глубоких черных глазах я увидела узнавание за долю секунды до того, как он улыбнулся узкими губами.

— Ваше высочество. — Он поднялся, отдал короткий церемониальный поклон.

Хотя Роах и объявил на всеобщем собрании, что ко мне как к студентке академии все должны обращаться как прежде, преподаватели, кроме Ниньо и Эльдара, стали видеть во мне принцессу или того хуже, императрицу.

— Маримар, ты по важному делу? — Граф не церемонился.

Очевидно, своим появлением я прервала важный разговор. Хотела извиниться и уйти, но Амир произнес:

— Мы уже закончили, ректор. — Он поклонился и слинял.

По недовольному взгляду Роаха и тому, как скоро Амир затворил за собой дверь, поняла, что он хотел бы продолжить беседу.

— Амир сделал что-то не так? — поинтересовалась.

Мне он нравился, этот мужчина олицетворял тот образ преподавателя, который я рисовала в своем воображении, еще только намереваясь поступать в военную академию. Умелый маг, сильный, способный молниеносно принимать решения, он вызывал уважение, никогда не повышал голос, а главное, не имел любимчиков.

— Я не могу поделиться деталями разговора, скажу только, что не ожидал от него подобного. Уволить не могу, но выговор сделать обязан, — в голосе Роаха сквозило разочарование.

Что мог сделать Амир, чтобы заслужить выговор? Пьянство или азартные игры отпадали, за такое Роах уволил бы. Решила обязательно

разузнать позже, сейчас хотелось поговорить о ведьмах и зельях. Достала флакон и протянула графу. Тот ничуть не удивился, откупорив и понюхав содержимое, молча достал из ящика стола похожий.

— В зельях нет запретной магии, — сообщил он, — но тебе пить не рекомендовал бы. Дополнительная нагрузка на сердце, а ты и так еле справляешься после работы, что вынуждена делать из-за Тавра.

Я смерила графа жестким взглядом, давая понять, что не хочу слушать, как он поливает принца грязью.

— Если бы ты так защищала меня, — грустно улыбнулся Роах, — был бы самым счастливым человеком на земле. Но ведь верность и любовь нельзя купить или продать, неправда ли?

— В школах Танцующих леди вполне возможно, — напомнила графу о дне нашего знакомства.

Тогда он попытался купить меня, чтобы сделать своей младшей женой или любовницей, и родители с радостью подписали контракт, по которому я должна была принадлежать ему после своего восемнадцатилетия. Только я смогла укрыться в академии и... снова попала к нему в лапы.

— Можно купить иллюзию, но не настоящую любовь. Кстати, раз уж напомнила, твоя бывшая директриса просила меня о встрече. Умоляла нас двоих посетить школу.

Я дернулась. Аделина была моим ночным кошмаром с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Она отвечала за занятия в школе Танцующих леди, где девушек из бедных семей обучали искусству угождать мужчинам, быть услужливым куском мяса, который должен иметь товарный вид. «Спину прямо», «Не смотри господину в глаза», «Смейся любой шутке», «Веди себя, будто влюблена в него. Мужчины глупы и тщеславны» — наставления до сих пор звучали в ушах как удары хлыста.

— Никуда не пойду. — В голосе упрямство и обида, но я ничего не могла с собой поделать. — Думаю, будет достаточно, если вы отправитесь один.

— Я тоже так посчитал, потому и не хотел тебе сообщать. Но разве тебе не любопытно узнать, почему Аделина просила именно тебя прийти к ней? Возможно, это связано с твоей просьбой? Кто уговаривал принца закрыть квартал Красных Фонарей и запретить аристократам иметь младших жен?

Тяжело вздохнула. Откуда Роах мог узнать об этом? А Аделина? Да, я хотела, чтобы варварский обычай иметь по несколько жен остался в прошлом, чтобы дома порока навсегда закрыли свои двери, чтобы девочек прекратили обучать искусству соблазна с маленького возраста, а потом продавать их по достижении совершеннолетия.

— Почему вы об этом заговорили?

Роах поднялся, приблизился. Неужели снова замерз? Раньше он нуждался в моих объятьях, только когда начинал превращать все вокруг себя в лед. Граф погладил меня по щеке теплой ладонью, значит, его сила под контролем и не превращала его в Ледяного короля.

— Я очень сожалею, Маримар. Годы в школе Танцующих леди оставили раны в твоей душе. Я вижу это, более того, понимаю, каким напыщенным и самодовольным ублюдком показался тебе в день нашей встречи. Им я и был. Тебе неприятно вспоминать об этом месте и общаться с Аделиной. Но пойми, для многих девушек быть младшей женой или даже любовницей дворянина остается единственным способом выжить, получить положение в обществе, родить детей, которые получают права наследования. А если ты продолжишь настаивать на закрытии квартала Красных Фонарей, то совершишь большую ошибку. — Я фыркнула. Что за ошибку? — Давай встретимся с директрисой, узнаем, что от тебя хотят, выслушаем аргументы. Ты же не станешь прятаться, как неразумное дитя?

Вздернув подбородок, посмотрела в его льдистые глаза. Последняя фраза и сравнение меня с ребенком были откровенной провокацией, но от того она не стала менее действенной.

— Она хотела встретиться в школе...

Это был не вопрос. Я знала, что директриса желает увидеть нас там, потому что практически никогда не покидает места работы. Конечно, как и младшим женам, ей был запрещен вход во дворец, но от этого женщины не становились менее осведомленными в государственных делах. Я могла приказать Аделине явиться на аудиенцию, но это было бы мелочно, тем более что обратилась она не к Тавру, а к нам с графом.

— Можем отправиться к ней вечером, — предложила. — Я буду готова после занятий.

С этими словами решительно направилась к двери.

— Маримар, — окликнул меня граф. Тон его был уверенным, и я оглянулась. Почему-то с первого дня после возвращения Роаха в столицу я ждала и боялась этого рокового признания. — Я люблю тебя. Просто хочу, чтобы ты это знала. — Фраза была произнесена будничным тоном, словно мне сообщали об изменениях в расписании.

В ответ лишь кивнула, чувствуя, как сжалось сердце в груди, а душа наполнилась болью. Не было сил сказать что-то или двинуться с места. Стояла за дверью кабинета ректора, судорожно сжимая кулаки и надеясь, что буря в моей душе не прольется ливнем над академией.

* * *

Погода все-таки испортилась, и когда мы с Роахом в сопровождении Чак-Чо вышли из здания и направились к поджидающей нас карете, дождь лил уже вовсю. Граф создал над нашими головами невидимый воздушный полог, не дающий холодным каплям попасть на одежду и волосы. Чак-Чо веселился, прыгая по лужам, потом залез в карету, и та моментально заполнилась запахом мокрой псины.

Я вздохнула. Может, это и волшебный зверь-покровитель, но пахнет он ничуть не лучше обычного. Мы с Тавром успели обменяться письмами, я спрашивала, не возражает ли он против нашей с графом поездки, на что принц написал: «Не сомневаюсь в твоём благоразумии, ожидаю во дворце. На десерт будет твой любимый шоколадный торт». Роах пытался завести светскую беседу, я отвечала односложно, глядя в окно и отмечая, что весна полноправно вступает в свои права. Деревья красовались зеленоватыми почками, под ногами проглядывала трава, хотя кое-где еще лежали островки снега, сквозь который проклюнулись первоцветы. Показалось даже, что я увидела бабочку, спрятавшуюся от дождя под крышей одного из домов, граничащих с академией. Место считалось престижным, и раньше, когда Роах еще не был главой этого учебного заведения, студенты из самой верхушки дворянства позволяли себе покупать здесь небольшие дома, где они обитали вместо общежития.

— Как твои ощущения перед предстоящими экзаменами? — Холодный взгляд графа пронзал и заставлял чувствовать себя открытой

и ранимой.

— Все прекрасно, — сказала с улыбкой, подумав, что с моим новым титулом и сдавать-то ничего не придется, слишком все боялись единственного в империи мага воды и будущей императрицы.

— Тебе не хватает вызова, неправда ли? — Светлая бровь графа поднялась и изогнулась, давая понять, что он знает меня гораздо лучше, чем хотелось бы.

— Теперь меня никто ни о чем не спрашивает, предварительно не поинтересовавшись, готова ли ответить, — пришлось признать. — Это отбивает желание учиться. Зато понятно, почему все наши императоры были такими... узколобыми.

Теренис вечно бил себя в грудь, крича: «Государство — это я», его предшественник почти не покидал дворца, да и другие представители императорской фамилии не блистали знаниями и пониманием жизни своего народа.

Роах одобрительно улыбнулся, рассматривая мою несчастную мордашку:

— Ты озвучиваешь то, о чем я давно думаю. Огромной империей невозможно править из одного кресла. Я предложил Тавру вариант замены имеющейся системы, но он отказался. Считает, что поделить власть, оставшись главой государства лишь формально, равно ее потере. На самом деле это значит...

— Разделить ответственность, — закончила за графа, полностью с ним согласная.

Идея на самом деле отличная. Империя слишком огромна, чтобы ей мог управлять тот, кто не может себе позволить часто покидать столицу.

Чак-Чо поднял голову и тихонько рыкнул, во взгляде блеснула холодная синева, и я поняла, что на время к нему возвращается разум.

«Что бы ни предлагал тебе Ледяной король, не слушай его», — раздалось в голове. Чак-Чо был способен общаться словами, но предпочитал транслировать мысли лично мне. После занятий с Гораной я стала слышать его гораздо отчетливей. Зверь-покровитель дурного не посоветует, поэтому я постаралась сменить тему:

— От меня наверняка пахнет ведьмами куда сильнее, чем раньше.

Учитывая, сколь сильно Роах ненавидел запах их магии, было удивительно, как он умудряется сидеть со мной в одной карете, да еще

и светские беседы вести.

— Океаном от тебя пахнет, котенок. — Наедине граф все еще звал меня «котенком», и в душе я понимала, что нужно его одернуть, но не делала этого.

Здание, в котором располагалась школа Танцующих леди, стремительно приближалось. Я затаила дыхание, мысленно пытаюсь стереть из памяти проведенные здесь годы. Безуспешно. Столетние клены, что росли перед школой, уже выпустили листву. Девочки были на уроках, из многочисленных витражных окон доносилась музыка. Наверняка Гектор, наш бессменный барабанщик, отбивает ритм, под который ученицы танцуют, учась демонстрировать свои лучшие черты. «Сделайте вид, что не нарочно коснулись груди, это подогреет внимание к вам, — твердила наша преподавательница по танцам. — Кокетливо опустите взгляд, оголите лодыжку чуть больше положенного». Танцующая леди должна уметь поддержать разговор, быть хорошо образованной, разбирающейся в литературе, музыке и искусстве. А еще должна уметь заинтересованно смотреть на любого мужчину, так, чтобы он почувствовал себя значимым. Но главное — должна быть соблазнительна, иначе не сможет выгодно себя продать.

Сразу за школой, высокими шпилями и полукруглыми окнами схожей с богатым поместьем аристократа, начинался квартал Красных Фонарей. С территорией школы граничили дорогие элитные дома, куда ходили самые состоятельные посетители, и девочки, не устроившиеся младшими женами или содержанками, направлялись туда. Дальше следовали дома победнее, где работали некрасивые или стареющие женщины, не сумевшие выторговать себе более достойную судьбу. А на самой окраине квартала располагались трущобы, где можно было сыскать чью-нибудь благосклонность за пару медных монет. Кошмар каждой девушки, что попадала в школу.

Наша карета привлекла внимание, я увидела несколько любопытных мордашек, высунувшихся посмотреть, кто приехал. Роах вышел первым, подал мне руку, сегодня очень теплую, и я вышла из кареты. За мной выпрыгнул Чак-Чо. У окон столпилось больше девочек, очевидно, побросавших занятия, чтобы поглазеть на нас. Роах под руку ввел меня в здание школы, где нас встретил безукоризненно одетый личный слуга Аделины. Он был уроженцем Черных Островов, на бритой наголо голове танцевали блики. Я хорошо помнила его из

детства: массивная фигура внушала страх, он никогда не разговаривал, безмолвно подчиняясь директорисе. Имени его никто не знал — Аделина обычно щелкала пальцами, и он появлялся, словно отделившись от ее тени.

Низко поклонившись, мужчина склонил голову, молча приглашая нас следовать за ним. Я пыталась сосредоточиться, рассматривая спину в черной ливрее, чтобы не обращать внимания на взгляды и тихий шепот девочек всех возрастов. Видимо, Аделина поведала им целую историю, что мое сегодняшнее положение стало возможным только благодаря ее урокам. А еще наверняка придумала, что я была ее любимой ученицей, — она всегда преувеличивала собственную значимость разными историями.

Мы вошли в ее натопленный кабинет. Пахло табаком, на столе стоял графин, наполненный ледяным чаем. Аделина, одетая в розовое платье, низко поклонилась нам в знак приветствия.

— Ваше высочество, граф. Не могу передать словами, как благодарна за ваше внимание, — голос женщины звучал взволнованно, из безукоризненной высокой прически выбился черный локон.

Я держалась прямо, стараясь контролировать дыхание. Для всей империи я была Мари из клана Синего Огня, повелительницей воды и волшебного зверя Чак-Чо, но сейчас снова стала двенадцатилетней девочкой-сквиром, впервые встретившейся с этой властной женщиной и потрясенной ее внутренней силой, хотя Аделина никогда не обладала магией. Как бы я ни относилась к директорисе, ее пример заставил меня по-другому взглянуть на свои возможности.

Роах подвел меня к креслу, Чак-Чо опустился подле меня на пол, сам граф уселся в соседнее, и его холодный голос рассек тишину:

— Надеюсь, мы приглашены не ради праздной беседы. Вы понимаете, что наше время ограничено? — одной фразой он поставил все точки над «і», дав понять, что наш визит — вопиющее нарушение этикета и что мы делаем большое одолжение, выслушивая директорису.

— Я бы никогда не посмела злоупотребить временем высокопоставленных особ, если бы это не было вопросом жизни и смерти. — Аделина прикрыла узкие глаза, сделавшись похожей на лису. Как и раньше на ее лице не угадывались следы возраста. — В моей школе, да и во всем квартале стали пропадать девушки.

ГЛАВА 3

Слуга поставил на стол свежие фрукты — сладостей в школе не держали даже для гостей, не говоря уж о девочках: по словам директрисы, дабы не испортить фигуру. Аделина распорядилась, чтобы нам принесли ее любимый ледяной чай. Я с наслаждением пила лимонный напиток из высокого прозрачного стакана, Роах к нему едва притронулся — сам являясь источником холода, он любил все горячее. Какой недочет хозяйки!

— Какая-то часть девушек всегда пропадала, — тем временем вещала Аделина, — сбегали с заезжими актерами или военными. Вы не представляете, как легкомысленны они в этом возрасте! Увидят красивое лицо, наслушаются обещаний и теряют голову.

Сказано так, словно я не была старше этих девушек на какие-то два года. Льстило, конечно, что Аделина отделяла меня от них, но, с другой стороны, старая лиса умела выбирать слова, иначе не выбилась бы из ниоткуда, не победила бы конкурентов и не считалась бы лучшей свахой младших жен в империи.

— Но теперь по-другому. — Женщина вздохнула, задрала подбородок, открыв морщинистую шею, так что стало ясно, что Аделина далеко не молода. — За год пропажи утроились, а в последнее время превысили все мыслимые пределы.

— Назовите число пропавших, — строго попросил граф, не любивший ходить вокруг да около, предпочитая сухие факты красивым словам.

— Девяносто пять. Из школы — пятнадцать.

Женщина выглядела недовольной, словно эти цифры ее оскорбляли. Одновременно в школе Танцующих леди обучалось около двухсот пятидесяти девушек, пятьдесят из них — старшеклассницы. Значит, пропала почти треть учениц из старших классов. Я вскочила с места, потрясенная.

— И почему вы никому об этом не сообщили?!

Уголок рта Аделины коротко дернулся, показывая ее раздражение.

— Ходили слухи, что новый император не жалуется квартал и школу и готовит указ по их закрытию. — Директриса тщательно

подбирала слова, не могла же она сказать мне в лицо: «Я знаю, что ты ненавидишь это место и всей душой мечтаешь о его исчезновении».

— Но это не значит, что государство не позаботится о девушках. Это долг империи — хранить и защищать ее граждан.

За спиной раздалось сдавленное фырканье, и я оглянулась. Слуга Аделины с трудом удерживался, чтобы не расхохотаться. А раньше мы даже улыбки его не видели.

— Эти девушки никому не нужны. — Аделина наклонилась ко мне, и я почувствовала сильный запах табака. — Их семьи ими не интересуются, их опекуны пожелали избавиться от ответственности, большинство из них обучаются бесплатно, чтобы потом отработать вложенные средства. И, благословите духи стихий, они станут младшими женами. Это хорошая судьба, если знать альтернативу.

Глаза Аделины горели темным огнем, какого я не замечала раньше. Она неприкрыто злилась.

— Законопроект не скоро вступит в силу, он даже не разработан до конца!

— Спасибо вам за это.

Аделина с Роахом переглянулись понимающими взглядами, и я вдруг поняла, что эти двое неоднократно встречались и что-то обсуждали. Но что? Чак-Чо посмотрел мне в глаза светящимся синим взором: «Выслушай ее и помоги, отбрось в сторону старые обиды. Это то, что должен сделать великий правитель». Зверь прав. Желая поставить точку в этой неприятной беседе, произнесла со вздохом:

— Речь сейчас о другом, о защите ваших учениц от неизвестного похитителя. Роах, вы лучше меня знаете, что нужно для расследования. А я посодействую вам, лично расспрошу девушек, контактировавших с пропавшими. Составьте список тех, кто их знал. Начнем завтра после полудня. Если не найдем зацепок в школе Танцующих леди, проведем допросы в квартале. Еще бы усилить охрану... Вы можете прислать человек пять из дворцовой стражи, граф?

Роах кивнул, изогнув губы в гордой улыбке. Если он думал, что я пересмотрела свое отношение к кварталу Красных Фонарей, то сильно ошибался. Но я никому не позволю безнаказанно творить злодеяния в столице своей империи.

— Спасибо, ваше высочество. — Аделина склонилась в уважительном поклоне, но выглядела обескураженной, видимо, ожидала, что буду с ней препираться.

Я вышла из кабинета, Чак-Чо мелкой поступью следовал за мной и мурчал, словно был доволен результатом беседы. Утробное низкое урчание делало его похожим на пугающе огромную кошку. Я опустила руку на голову зверя, погладила теплую влажную шерсть — Чак-Чо везде умудрялся найти место, чтобы поплавать или хотя бы намочиться, хотя вода и не была ему жизненно необходима.

В коридоре меня нагнала миловидная рыжеволосая девушка. Резко развернувшись, встретила с ней взглядом. Девушка затараторила, склонившись:

— Ваше высочество, позвольте спросить...

Было видно, что она боится, а Чак-Чо, моментально вставший передо мной в защитной позе, не добавлял ей душевного равновесия.

— Позволяю. — Интересно, что ей от меня нужно?

— Меня зовут Лимар, мне шестнадцать. Я сквир. Ходили слухи, что вы сами смогли поступить в военную академию и стать слугой государства до того, как вас насильно выдали замуж. Это правда?

Я кивнула. Это обреченное выражение лица я хорошо знала. Видела его в зеркале многие годы. Девушка была аристократкой, лишенной магии. Ее родители, как и мои когда-то, отправили дочь в школу Танцующих леди, чтобы скрыть за ее стенами свой позор. Избавились до тех пор, пока не найдется толстосум, готовый жениться или взять содержанкой, тогда она станет его проблемой.

— Сейчас все больше академий открывают свои ворота для девушек. Ты можешь сдать экзамены и поступить, но придется быть наравне с юношами.

— Юридическая тоже? — Поднятые на меня глаза изумительного цвета осенней листвы светились надеждой.

— Со следующего года, я обещаю, — ответила с улыбкой.

Девушка еще раз низко поклонилась и ушла в одну из комнат. Я же почувствовала, что делаю правильно, позволяя таким как Лимар вырваться за пределы предписанных границ. Кто сказал, что девушки глупее? Просто у нас никогда не было шанса доказать, что мы ничуть не хуже мужчин.

Я вернулась в карету одна, но граф не заставил себя ждать. Шагая, он снова забывал касаться ногами земли. А когда присел напротив, от него повеяло холодом. Роах был молчалив, но меня это устраивало. Нам обоим нужно было подумать.

— Я горжусь твоим сегодняшним решением, котенок.

Чак-Чо поднял голову и недовольно рыкнул. Не любил он фамильярность в общении.

— Зачем вы привезли меня сюда?

— Этим девушкам нужно было увидеть императрицу, — ответили мне после секунды раздумья. — Им нужно было увидеть, что к их судьбам небезразличны. Когда об этом узнают в столице, у всех на устах будет имя императрицы Мари.

Политика, снова политика.

— Но не императора Тавра... — нахмурилась я.

Мне не нравилось, что граф пытался отодвинуть моего жениха. Подозрительность подняла свою мерзкую голову. Роах одаренней Тавра, многие представители знати желали следовать за ним, не говоря об армии. Любовь народа — то, что могло помочь наследнику удержаться на престоле, а граф делал так, чтобы эта любовь досталась мне.

— Принц одобрил это решение. — Роах подался вперед, внимательно глядя мне в глаза, словно пытаюсь прочесть мысли. — Маримар, я догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь. Но я слуга империи, а Тавр — принц по крови, и пока он единственный, кого я поддерживаю. Но не буду отрицать, что, если Теренис-младший вернется, возможно, поддержу его кандидатуру.

— Спасибо за честность, но откуда вы знаете, что наследный принц пожелает вернуться?

Он сбежал полгода назад покорять новые земли, ведь только с магом воды на корабле можно пройти сквозь опасные шторма и попытаться счастья переплыть Великое море. С тех пор вестей не было. Теренис-младший, владея магией воды, мог по праву занять место на троне после смерти деда, минуя дядю. Вот только он был мнительным и трусливым, и я не понимала, почему Роах предпочел бы быть верным ему, а не Тавру.

— Слухи летят быстрее птиц. На Черных островах говорят, что недавно у них останавливалось судно, пересекшее Великое море.

Капитан — молодой мужчина, чье лицо пересекает свежий шрам, владеет магией воды.

— Вы думаете, это Теренис?

Воскликнула так громко, что задремавший под мерное раскачивание кареты Чак-Чо проснулся. Роах пожал плечами.

— Думаю, нужно точно выяснить, кто это. И как можно скорее.

— Тавр знает? — Готова была воспользоваться магией голоса, если он не пожелает отвечать.

— Знает. — К моему удивлению, граф не стал скрывать. — И хочет посетить острова до коронации, удостовериться, что это самозванец.

— Осталось меньше десяти дней. А что будет, если Теренис-младший и правда вернулся?

У нас и так было множество проблем из-за того, что не вся знать желала принимать императора, не владеющего магией воды. Если вернется другой наследник, может начаться гражданская война. Я читала о войнах, что велись за расширение границ, они были жестокими, кровопролитными, и я не хотела быть свидетельницей такой войны, тем более виновницей.

— Если он вернется, нужно будет созвать Совет. Ни я, ни принц не имеем права принимать решение о престолонаследии в одиночку. Поэтому я отправляюсь с ним на Черные острова.

— Вы все еще ему не доверяете.

— В книге Четырех стихий говорится: «Бойся ведьм и предсказателей. От них одни беды». Древние, что ее писали, были правы. Сила ведьм опасна, — пробурчал Роах, моментально превратившись в узколобого дворянина.

На руке нагрелась метка, что я получила в храме Кровавой богини на Востоке. Я не верила в богов, но они, кажется, верили в меня. Поэтому ничуть не удивилась, когда мой рот открылся, и помимо моей воли Полились слова:

— Сила ведьм и магов идет из одного источника. И будет проклят тот, кто не понимает этого.

Карета наполнилась запахом цветов и трав. Граф схватил меня за руку, его ладони были прохладными, голос — обеспокоенным.

— Маримар, что это такое?

— Вечная женственность, — ответил все тот же чужой голос, прежде чем божественная милость меня покинула.

Я терпеть не могла, когда происходило подобное. Будто в моей жизни и так не хватало странностей! Встряхнувшись, высвободила свою ладонь и коротко пересказала, что произошло со мной в храме, продемонстрировав метку на запястье.

— Кто-нибудь еще знает об этом? — строго спросил граф, будто я сделала нечто предосудительное.

— Мои телохранительницы, ведьмы и Тавр.

Роах откинулся на сиденье, льдисто-голубые глаза обреченно уставились в потолок.

— Не говори никому из аристократов. И не появляйся ни в одном из храмов четырех стихий.

— Почему? — удивилась я.

— Есть старый закон, запрещающий жрецам править государством, которым можно будет воспользоваться, чтобы отлучить тебя от престола, несмотря на твои способности. — Под моим вопросительным взглядом Роах пояснил: — После того как твой зверь загрыз императора, я повторно изучил своды древних законов. Мы их забыли, а между тем на них основано все право.

— О тех законах забыли потому, что ни одного Чак-Чо не видели столетия, — мягко сказала я.

— И ни одного настоящего жреца, чьими устами говорили бы боги. Но все меняется, Маримар. Магия возвращается в наши земли в полной мере.

Я подумала, хорошо ли это. Только благодаря ослаблению магов начала развиваться техника, талантливые личности могли достигать вершин в карьере, невзирая на отсутствие магических способностей. С другой стороны, простых людей можно было бы обучить магии ведьм, и тогда шансы сравнялись бы. Метка на руке приятно нагрелась, как бывало, когда высшие силы одобряли мои планы и действия.

Карета въехала в ворота, приблизилась к дворцу, где нас встретил Укр. Мой друг, выкупив свою невесту из школы Танцующих леди, подрабатывал в дворцовой страже, чтобы скопить денег на достойную свадьбу и покупку дома в столице. Как Укр умудрялся совмещать работу с учебой в академии, оставалось для меня загадкой, но, судя по его высоким баллам, вполне успешно. Когда мы только познакомились,

многие дразнили его «тупым кочевником», однако Укр быстро разъяснил, что обзывать невежливо, а оценками доказал, что называть его тупым не стоит.

— Ваше высочество! — окликнул он меня. Укру не очень хорошо удавалось светское общение, в этом он походил на моего отца. — Принц просит вас немедленно подняться к нему. А вас, граф, — подождать в приемной.

Последнюю фразу выговаривал сквозь краску смущения. Укр глубоко уважал Роаха, мечтал стать таким же великим военачальником, поэтому ему было неприятно просить своего кумира подождать, пока будущая императорская чета поговорит вдоволь.

Роах дернул уголком рта, но кивнул и расположился на красной кушетке с львиными ножками, больше подходившей дамам в платьях с кринолинами. При своих внушительных размерах граф смотрелся на ней немного странно, словно огромный мастиф на пуфике комнатной собачонки.

Я взлетела по лестнице, с трепетом предвкушая встречу с Тавром. Миновав несколько коридоров, в начале и конце которых неизменно стояла пара стражников, оказалась перед дверью, ведущей в покои принца. Чак-Чо отстал по дороге, заинтересовавшись прудиком с золотыми карпами и выращенными магами земли розовыми кувшинками.

Стоило мне войти в комнату, Тавр медленно обернулся, распахивая объятия, в которые я привычно нырнула. Принц как всегда пах медом и специями, его бархатные алые одежды согревали. Наклонившись, он нежно и дразняще прикоснулся к моим губам.

— Моя прекрасная невеста, — промолвил, неохотно отстраняясь. — Как прошла встреча в квартале порока?

Я обняла его крепче, уткнулась носом в грудь и пробормотала:

— Все прошло хорошо, я обещала помочь разыскать пропавших девушек. А почему ты не сказал, что Теренис-младший, возможно, вернулся?

Тавр погладил меня по голове, как всегда от этого его жеста я внутренне расслабилась.

— Он не написал мне, поэтому я не совсем уверен, что это он. А даже если и так, он сбежал, сняв с себя ответственность за империю. Стоит ли доверять ему сейчас?

Тавр прав, наследный принц и второй маг воды в империи предпочел путешествия и интересную жизнь скучным обязанностям правителя.

— Какие у тебя планы? — Я знала, что Тавр не просто так хочет отправиться на Черные острова и повидаться с Теренисом.

— Хочу попросить его подписать официальный отказ от притязаний на престол, конечно, если он на это согласится.

— Роах едет с тобой, потому что не доверяет?

Принц кивнул. Он не держал обиды на графа, который все еще подозревал его в нечестной игре в битве за трон. И вправду, Тавр должен был стать первым в истории императором, который не владел магией воды.

— Возьмите меня с собой.

Мне очень хотелось увидеть Черные острова и узнать, чем живут на них люди, открыть для себя новую культуру и понять еще один народ, населяющий империю. К моему разочарованию, принц покачал головой.

— Один из нас должен остаться в столице. Маримар, ты такой же правитель, как и я, возможно, даже важнее меня. Пока буду в отъезде, попроси Романа сопровождать тебя. Рядом с сильным магом Земли тебе нечего бояться.

Хотела было упрямо упереть руки в бока, но поняла, что жених прав. Из-за отсутствия в столице обоих будущих правителей знать могла начать задаваться вопросами. Тавр улыбнулся и поцеловал меня в нос.

— Твое лицо — открытая книга, Мари. Приятно видеть, что ты признаешь мою правоту.

Он переплел наши пальцы и повел за руку в приемную, где нас ожидал Роах.

— Почему ты попросил графа ждать и не спустился к нему сразу?

— Я очерчиваю границы, — ответил принц с кошачьей улыбкой. «Прочитав» мой вопросительный взгляд, пояснил: — Он еще тешит себя надеждой, что сможет заполучить тебя. Я знаю этот взгляд, сам так смотрел на тебя когда-то.

Мои щеки зарделись. Самый красивый мужчина империи начал за меня бороться еще до того, как узнал, что я маг воды.

Когда мы спустились, Роах подписывал какие-то бумаги. Перед ним уже летал десяток листов, которые находили его, где бы он ни был. Благодаря графу магическая почта использовалась наравне с обычной, это он разработал заклинание, которое, впитываясь в бумагу, заставляло ее лететь к адресату. Говорили, что вся магпочта империи и ветряные мельницы работают за счет силы Роаха, но проверить это можно будет только после смерти мага.

При появлении принца граф поднялся, коротко поклонился, как того требовал этикет. За отношениями этих двоих с любопытством следили стражи. Армия станет выполнять приказы нового императора до тех пор, пока их выполняет Роах.

— Оставьте нас, — приказал Тавр, и стража покинула зал, затворив за собой двери.

В том, что нас не подслушают, сомнений не было, и граф, и принц могли создавать воздушные потоки, препятствующие любопытным ушам.

— Нам многое предстоит обсудить, — начал Роах. Они с Тавром переглянулись, поскольку оба знали что-то, мне пока не известное. — Маримар, в наше отсутствие управление империей ложится на твои плечи.

Для меня эта новость стала неожиданностью.

— Но у меня нет ни опыта, ни знаний. Понятия не имею, что я вообще должна делать. — Посмотрела Тавру в глаза.

Нет, я не боялась ответственности, но мне становилось жутко от того, что могла не справиться со своими обязанностями и тогда бы посрамила не только свое имя, но и его. Прослыть самодуркой было страшно. Самодурство спускают с рук настоящим правителям, а не девчонкам. Девчонок убивают.

— У тебя все получится. — Принц поднес мою ладонь к губам и поцеловал. — Во все века жены императоров оставались в столице, пока те отправлялись в военные походы. По сути, твоей задачей станет светская жизнь. Устрой несколько приемов, завяжи знакомства со знатными дамами. Веселись, танцуй, следуй этикету. С тобой останется Фиримар, ему можно доверять.

После его слов я вздохнула еще тяжелее. Нет бы разрешили продумывать новые законы или реорганизовать дворцовую стражу. А

тут платья, приемы... Чем это отличается от миссии женщины из школы Танцующих леди? Разве что статус выше, да тряпки дороже.

Роах понял мой страдальческий взгляд.

— Приемы могут стать своеобразным способом слезки. Под воздействием алкоголя у многих развязывается язык. Ты сможешь изучить настроения знати, определиться в политике по отношению к ней. Начни создавать ближний круг. Поверь, многие девушки готовы на все, чтобы стать подругой императрицы.

А ведь он прав!

— Насколько у меня развязаны руки? — спросила Тавра.

Тот улыбнулся, заставив мое сердце трепетать.

— За исключением объявления войны ты вольна делать все, что пожелаешь. Вся столица в твоём распоряжении.

— Мы отправимся завтра, — добавил Роах. — Маримар, я распорядился, чтобы твои экзамены не мешали государственной деятельности. Держись рядом с Романом и не снимай кольца, которые я тебе подарил.

Я все еще носила украшения, подаренные Роахом на день рождения. Они были немного грубоваты, но имели заряд магии и не раз меня выручали. Бросила виноватый взгляд на Тавра, вряд ли ему приятно видеть подношение графа, в то время как его подарки я носила нечасто. Взгляд ведьмака потяжелел, но он промолчал. И даже если бы возразил, я бы нашла что ответить. Подарок графа уже помог мне однажды спасти жизнь свою и Романа, и никакая ревность не могла заставить меня избавиться от колец.

Роах поцеловал мою руку, хотя мог ограничиться поклоном, и ушел. Стоило резной двери затвориться, принц сделал несколько шагов ко мне и жадно впился, сминая губы, заставляя позабыть обо всем на свете. Когда он отстранился, я с трудом стояла на ногах, пришлось ухватиться за ворот камзола. Это вызвало удовлетворенную улыбку на красивом лице.

— Ты моя, Маримар.

— Твоя.

— Пустишь к себе в спальню сегодня?

Я почувствовала, как краска заливает лицо. Хотела пробормотать что-то вроде «после церемонии», но принц рассмеялся, нежно поцеловал меня в лоб и сказал:

— Знаю, знаю. Я подожду.

* * *

В день, когда мой жених и Роах покидали столицу, я проснулась с рассветом. Солнце было красным и предвещало ветреную погоду. Это хорошо, магам воздуха на руку естественный ветер. Тавр поцеловал меня на прощание, Роах кивнул. Он выглядел отстраненным, бледным. Долгая зима сказывалась на графе. Чак-Чо был рядом со мной и по обыкновению не подпускал Роаха близко.

— Поспи сегодня, милая, отдохни. Тебя ждет сложная неделя. — Принц понизил голос: — Позаботься о Горане и моих кузинах. Им может быть одиноко в последнее время.

Тавр с графом переглянулись и одновременно взмыли в воздух. У ведьмака были свои преимущества, например, он мог ненадолго заимствовать силу Роаха и пользоваться магией с ним наравне. Я стояла на широком балконе и смотрела вслед путешественникам, которые вскоре сядут на корабль, что доставит их на Черные острова. Отбыть они хотели без лишнего шума, слишком велик был риск, что, узнай дворянство о возвращении Терениса-младшего в империю, кто-нибудь мог постараться встретиться с ним тайно.

После отбытия мужчин я постаралась уснуть, но так и ворочалась на пуховой перине, раздумывая, что же я могу сделать в отсутствие Тавра. Бал был хорошей идеей, хотя от мысли, что придется облачаться в шелка и кринолины, у меня сводило зубы. Еще и организовать его придется во дворце. Хотя... Я подскочила как ужаленная. Роах же говорил, что народ должен любить свою будущую императрицу, а что как не большой праздник на городской площади поможет возникнуть этой любви? Естественно, кого попало звать нельзя, но я не ограничусь коротким списком дворян и людей благородных фамилий. Я приглашу талантливых ремесленников, купцов, представителей свободных профессий, сниму запрет для сквиров и младших жен. Высокородные, которых подобный ход оскорбит, могут катиться к черту. Посмеиваясь, я размышляла над тем, к чему приурочить праздник, когда в комнату вежливо постучали.

После приглашения войти в комнату возник Фиримар. Придворный кутюрье и знаток дворцовых интриг выглядел взволнованным. Парик немного съехал набок, под глазами залегли мешки. Опять старик не спал всю ночь, придумывая новые платья для фрейлин. Требования моих девушек сильно отличались от того, с чем ему приходилось работать раньше. Фрейлины, они же телохранительницы, просили, чтобы одежда и обувь были достаточно удобны и просторны, чтобы можно было драться, бегать, а также прятать многочисленное оружие. Другие дамы недоумевали из-за столь кардинальной смены модных тенденций и стилистики работ маэстро, однако безропотно принимали его новые решения.

— Милая, доброе утро. — Фиримар нес в руках серебряный поднос с ароматным чаем и сладкой выпечкой с творогом. — Сомневаюсь, что вы позавтракали.

Маэстро упорно пытался меня раскормить, чтобы я соответствовала его представлениям о женской красоте. Ну или о том, как на мне должны сидеть платья. Конечно, вслух он ничего не говорил, но его не устраивали мои слишком сильные и мускулистые от частых тренировок руки, худые ноги с накачанными икрами. Хотя узкой талией и грудью Фиримар был доволен. Благодаря мне из моды вышли корсеты, правда, большинству дам пришлось поспешно сесть на диету.

Я схватила плюшку и радостно вгрызлась в нее зубами. Черный чай оказался с медом и жирными сливками. Маэстро удовлетворенно смотрел, как я ем, и не спешил начать разговор, пока первая булочка не исчезла без следа.

— Их высочество покинули столицу и попросили меня помочь вам в организации вашего досуга.

Вся жизнь Фиримара была одним большим праздником, он умел развлекать звать, и именно это качество позволило ему оставаться придворным, несмотря на то, что он был сквиром. Придворные знали его под именем Фири, думали, что он слабый маг воздуха. Но это было не так. Фири не обладал магическими способностями, хотя и принадлежал к знатному роду. Когда я посвятила мужчину в свои планы, тот так поразился, что вскочил со стула. Фиримар был одним из немногих мужчин, которым я могла смотреть в глаза без необходимости вставать на носочки.

— Но, милая, подобное мероприятие может стать причиной серьезных конфликтов и ухудшить вашу и без того скверную репутацию среди высшей аристократии.

Я улыбнулась. Эта самая высшая аристократия раньше кривила носы при упоминании моего имени. Император Теренис умел держать в страхе всю империю, и я, хотя и не одобряла его методов, понимала, что иногда страх идет на пользу. Тавра бояться невозможно, он умеет вызывать к себе только любовь. Граф — хорошее пугало, но он не всегда бывает рядом. Поэтому пусть аристократы боятся меня. Я все равно вряд ли заслужу их любовь.

— Я хочу, чтобы они увидели, что расположение новой власти можно и нужно заслужить. Что аристократия формировалась и изменялась веками, и ничто не помешает мне выдворить их из родовых замков и занять их места кем-то другим. Тем более что эти семьи больше не столь могущественны и одарены, как раньше.

Не секрет, что магия медленно уходила из семей аристократов. Часто в них рождались сквиры, примером были Фиримар и Самар, а еще чаще в могущественном некогда клане мои ровесники могли лишь зажечь спичку или сдвинуть лист бумаги. Они не считались сквирами, но и полноценными магами их назвать было невозможно. А потому они убивали время тем, что злословили и кичились своими корнями и подвигами предков.

— Это серьезное заявление, ваше высочество. Вы хотите, чтобы кланы вроде Голубой Земли и Белого Пламени присутствовали на одном празднике с ремесленниками, которые вообще не владеют магией?

— Толку от хороших ремесленников куда больше. Они платят налоги, на которые мы строим дороги и обучаем детей аристократов. Я не говорю о всеобщем равенстве, Фири. Я говорю о равенстве среди равных. И заведующий мануфактурой серебряных дед мастер ничуть не хуже дворянина, даже если он не имеет способностей к магии.

Как я и ожидала, маэстро не посмел оспаривать мое решение. Мне даже показалось, что втайне был им доволен. Мы решили назвать праздник «Приветствие лета», нарядить городскую площадь лентами и цветами, отгородить центр для привилегированных гостей, которые придут по приглашениям, а горожанам позволить веселиться в отдалении, поставив столы со снедью и бочки с сидром и пивом. Мы с

Фиримаром набросали список приглашенных, маэстро пообещал доработать его в соответствии с моими пожеланиями. Отдав короткие распоряжения о празднике, я уже хотела было бежать в академию в надежде присоединиться к тренировке с Ниньо, когда Фиримар одернул меня:

— А ваше платье? Это же самое важное!

Я страдальчески вздохнула, понимая, что настало время бесконечных примерок, подбора цветов и тканей, а также украшений, соответствующих важности события. Фири, прочитав выражение моего лица, улыбнулся.

— А знаете, Мари... Не буду похищать ваше время. Я, кажется, знаю, что именно вам нужно.

— Фиримар, ты лучший!

Коротко обняла Маэстро и помчалась в академию. Чак-Чо вынырнул из-за угла и мелкой рысью поспешил за мной. Волшебный зверь-покровитель каким-то чудом всегда знал, где я нахожусь.

* * *

Несмотря на свой ныне высокий титул, я продолжала ездить в академию верхом. Рыська не очень любила пристальное внимание, которому мы стали подвергаться с недавнего времени, но мужественно терпела добродушные приветствия горожан.

«Принцесса Мари! Ура принцессе Мари!» — скандировали простые люди, которым нечасто удавалось увидеть особ королевских кровей. Мне, конечно, больше нравилось быть неизвестной дворянкой из обедневшего рода, но изменить положение дел не могла, поэтому просто желала всем хорошего дня. Тавр беспокоился, что рано или поздно мои поездки в академию без охраны придется прекратить, потому что с каждым днем внимание публики к моей скромной персоне становилось все пристальней.

Оказавшись за стенами, отделяющими территорию академию от города, вздохнула. Благодаря усилиям графа студенты перестали кланяться мне, а преподаватели — завьшшать оценки, хотя я чувствовала, что никогда уже не быть мне прежней Маримар.

Чак-Чо вдруг встал на задние лапы, догнав Рыську в холке. Уши зверя подергивались, улавливая слышимые только ему звуки. Я впервые видела, чтобы он сделал что-то подобное.

— Что случилось?

— Я не единственный здесь зверь-покровитель. Она решила, что он достоин.

Мне не нужны были дальнейшие слова, чтобы понять Чак-Чо. Золотая олениха Романа, его волшебный зверь, наконец-то пришла к нему. Она могла становиться прекрасной девушкой с золотистой кожей, являя собой саму жизнь. Олениха не имела имени, позволяя каждому новому элементалю земли дарить себе имя. В день нашей первой встречи она назначила Роману испытание, которое тот прошел. Мой друг чуть не расстался с жизнью в попытке оживить Черный лес, но ему это удалось.

Я пришпорила Рыську, кобыла недовольно фыркнула, но поспешила пересечь аллею стройных кленов, которые только начали покрываться молодыми нежно-зелеными листочками. Мы оказались перед главным корпусом академии, старым серым строением с огромными окнами, в которые бился утренний свет, и массивными колоннами на входе.

На поляне, где в теплые деньки студенты оттачивали свои навыки владения стихийной магией, стояла обнаженная девушка в окружении пускающих на нее слюни молодых магов. Ее золотую макушку венчала пара витых рожек, поза сквозила раздражением. Мужчины моментально влюбились в нее, особенно маги земли. Они не понимали, что в первую очередь она зверь, пусть и способный принимать человеческую форму.

Стремглав спрыгнув с Рыськи, я подбежала к девушке и накинула на нее плащ, скрывая от чужих взглядов.

— Здравствуй. — Она посмотрела на меня черными озерами глаз, и я на секунду покачнулась, едва не провалившись в их глубину. У Тавра и всей его семьи были похожие волосы и оттенок кожи, потому что золотая олениха приходилась ему пра-пра-пра... бабушкой. — Я жду своего хозяина.

У оленихи было плохо с принятием имен. Она считала, что те не отражают суть.

— Ты все-таки готова признать его таковым?

Девушка кивнула. Это была потрясающая новость. Чак-Чо приблизился, и она опустила на колени, чтобы в невесомом касании соприкоснуться с ним лбами.

— Мне очень жаль, — прошептала, — когда мы встречались в последний раз, ты еще ходил на двух ногах.

— Все меняется, за все приходится платить, — ответил мой зверь человеческим голосом с печалью в сияющих синих глазах: у Чак-Чо была своя история, которой я пока не знала, но надеялась ее услышать.

На третьем этаже распахнулось окно, из него показалась рыжая шевелюра моего лучшего друга.

— Ты пришла!? — восхищенно воскликнул он и, не задумываясь, спрыгнул вниз.

Я привычно вздрогнула, пусть Роман и был бессмертным благодаря своей силе, но его наплевательское отношение к возможности покалечиться внушало ужас.

— Ну-ка, отвернулись все, грязные извращенцы! — собственнически воскликнул парень, оказавшись на земле.

Естественно, приказа никто не послушался. Я повторила, применяя свои способности.

— Парни, расходитесь по своим делам. Не на что тут смотреть.

Воздействовать на большую группу людей у меня пока не очень хорошо получалось, но в этот раз удачно, юноши неохотно покинули поляну.

— Ты наконец-то пришла ко мне!

Роман подбежал к девушке с явным намерением обнять, но ее уже не было на прежнем месте.

— Дай мне имя, — сказала она, оказавшись за моей спиной.

Я могла понять, почему она не жалуется мужчинам, — они вечно пытались пленить ее. Но Роман был хорошим и неглупым парнем. Он обязательно сообразит, что лезть к бессмертному порождению природы не стоит и для страсти найдет себе другой объект.

— Жасмин. Я называю тебя Жасмин, — выпалил друг.

Девушка кивнула, ее лицо было серьезным.

— Впредь, когда буду тебе нужна, зови меня этим именем, и я приду к тебе, где бы ты ни был. — С этими словами она скинула мой плащ и превратилась в зверя.

Олениха подошла к Роману, положила голову ему на плечо и позволила прикоснуться к своей шерсти. Я надеялась, что друг поймет — Жасмин не человек, и забудет о своих чувствах к ней. Но по взгляду, полному восторга и обожания, и дрожащим пальцам поняла, что этот день настанет еще не скоро. Золотая олениха ускакала по направлению к лесу, там, где она ступала, распускались цветы.

Я подошла к Роману, положила руку ему на плечо.

— Я ее завоюю, — заявил он с улыбкой умалишенного. — Я обязательно ее завоюю.

— Пойдем на занятия, сегодня Роаха заменяет Амир, расскажет об уловках на допросе.

С недавнего времени студентов военной академии начали учить организовывать патруль в городах, искать преступников, допрашивать подозреваемых. Войн в империи не предвиделось, поэтому нас все больше учили охранять внутренний порядок в пределах границ государства. Роман коротко кивнул, все еще охваченный фантазиями о девушке своей мечты.

— Хорошо, что ты человеком становиться не можешь, — потрепала я по холке Чак-Чо.

Зверь опустил голову, но на секунду мне показалось, что в уголках синих глаз скопились непролитые слезы.

* * *

Подготовка к празднику проходила в безумном темпе. Члены гильдии ремесленников были потрясены и очень польщены приглашениями на него. Многие аристократы ответили на приглашения холодно, но все как один приняли их, не посмевав отказать императрице. Я также написала Рауху из клана Ледяного Ветра, отцу Роаха и Снежи. Их клан десятилетиями выполнял грязную работу за императорскую семью, но никогда не приглашался ни на одно торжественное событие — палачам не место среди чистеньких аристократов. Мне хотелось исправить эту несправедливость. Снежа, сестра Роаха, и Алексис, моя кузина, негласно входили в список моих фрейлин наряду с девушками из храма Кровавой богини с Востока. Они мне нравились куда больше изнеженных белоручек, больше

интересовавшихся расположением принца Тавра, чем моим. Старых фрейлин я отослала обратно в их семьи, а чтобы не возникло скандала, разрешила им появляться на балах, чтобы найти себе мужей. Все-таки поиск будущих супругов являлся их основным интересом служения мне.

Была еще одна девушка, которую я собиралась сделать своей фрейлиной. Гизелле, златовласой кузине Тавра, уже исполнилось шестнадцать лет. Она, как и принц, была ведьмой и всю свою жизнь проводила в доме в трущобах на окраине города, опасаясь выйти оттуда и быть схваченной. Необыкновенная красота, которая передавалась в семье принца по женской линии, делала девушку легкой мишенью, выделяла ее среди остальных, поэтому к ее присутствию я подготовилась со всей тщательностью. Гизелла не должна была отходить от меня или моих фрейлин и ни в коем случае не пересекаться с кланом Ледяного Ветра. Когда я озвучила свою идею тете Тавра, та сначала хотела отказать, но потом посмотрела на зажегшиеся от волнения глаза племянницы и, скрепя сердце, позволила мне взять ее на праздник.

В назначенный день Фиримар явился ко мне в комнату с платьем. Оно походило цветом на стальную воду зимних озер, отлично сидело на мне и не привлекало лишнего внимания к кинжалам, которые я всегда носила на бедрах. Однако восторг Фири по поводу моего внешнего вида закончился, едва он увидел Гизеллу, что скромно стояла, потупив золотисто-карие глаза. Девушка, впервые оказавшаяся за пределами дома тетушки, не знала, как себя вести.

— Муза! Вдохновение! Прекрасное создание! — Старик схватился за сердце. — Вы должны носить сатин и шелк, золото и живые цветы. В ваших волосах должны гореть желтые бриллианты, а на запястьях висеть тонкие цепочки из драгоценных металлов.

Маэстро был прав, девушка, чья красота только вступала в силу, была прекрасна. Однако ей самой комплименты не льстили. Когда-то ее маму похитили и держали в распутном доме, где та в итоге и погибла. Я плохо знала Гизеллу, но она не любила, когда ей слишком восхищались.

— Это всего лишь плоть, — услышали мы раздраженное. — Кожа, мускулы, волосы. Не то, на что стоит обращать много внимания.

Фири отвел глаза. Чем-то способности Гизеллы были схожи с моими: непостижимым образом она могла забалтывать других людей, отводить от себя любопытные взгляды, становясь практически невидимой. Но это требовало от нее огромных усилий. Фири стал вести себя так, будто девушки и не было в комнате, что вызвало наш с ней синхронный довольный вздох. Если маэстро сумел отвести глаза от подобного созданного природой шедевра, значит, сил Гизеллы хватит, чтобы отвести и других излишне любопытных.

Мы отправились на городскую площадь в наряженной цветами карете. Со мной рядом помимо Гизеллы сидели Шара и Алексис. Шара была главной среди моих телохранительниц. Статная, очень сильная, с темными смоляными волосами и оливковой кожей. После тренировок в академии девушка стала еще лучше владеть коротким мечом, который всегда находился в ножнах за ее спиной, прикрытый густыми прядями. Пока мы ехали, я мысленно разгоняла облака над площадью, чтобы солнце приветствовало наш праздник. Теренис-старший мастерски владел этим трюком, куда бы он ни ехал, солнечные лучи освещали его карету, словно сами духи стихий благоволили ему. Империей могли управлять только маги воды, но, хотя моя сила была велика, я так и не овладела магией крови, делавшей нас такими опасными, — прежний император мог заставить любого человека истечь кровью за считанные секунды. Я этой способностью не обладала, а Чак-Чо не желал меня ей учить.

Карета миновала толпу горожан, что радовались празднику, плясали, пели и приветствовали меня, и въехала в огороженную часть, куда были приглашены избранные. Я вышла из нее под аплодисменты, подняла руки, и заранее подготовленная в многочисленных бочках подкрашенная вода взлетела над площадью радужными фонтанами, изумительно переливаясь и украшая праздник. Мы обсудили это с Фиримаром, идея ему понравилась. Площадь разразилась гулом и криками. Этот безобидный фокус многие видели впервые и считали доказательством силы императорской семьи.

Первыми ко мне подлетели родственники. Мама, как обычно в розовом, демонстративно расцеловала в обе щеки. Отец смущенно улыбнулся. Я знала, что подобные сборища действуют на него не самым лучшим образом. Затем подошли мои братья с женой, ставшие причиной большого скандала этой зимой. Вопиющее происшествие

для империи — женщина взяла себе сразу двух мужей. Законом не возбранялось обратное, а их случай стал первым прецедентом в истории. Живот Киары рос так быстро, что ни у кого не оставалось сомнений — женщина носит близнецов. Незаконнорожденная дочь императора выглядела и чувствовала себя прекрасно. Ее дети имели крохотный шанс быть урожденными магами воды, поэтому пристальное внимание к ней не слабело. Следующими подошли друзья, потом настала очередь всех остальных.

«Она собирает новый круг приближенных», — шептались главные интриганы столицы, подсылая ко мне своих сыновей и дочерей. Я вела с ними вежливые беседы, в ходе разговора пыталась учиться читать между строк, как советовал Фиримар.

Таким образом, фраза «Так современно, пригласить на бал мастеров города. Вы новатор», на самом деле означала: «Как вы посмели ставить с нами вровень каких-то торговцев без способности к магии?» Я говорила коротко и ясно, давая понять, что затея целиком и полностью моя и принц не имеет к ней никакого отношения. Мне хотелось узнать, побегут ли аристократы жаловаться Тавру по его приезду. Судя по всему, они собирались это сделать, как только принц вернется. На вопрос, где мой суженый, отвечала, что Тавр не может вечно находиться в столице — государственные дела охватывают всю империю. О Роахе спрашивать боялись, но сомневаюсь, что кто-то не заметил, что эти двое пропали одновременно.

Зазвучала музыка, но я отказалась участвовать в танцах и присела на возвышающееся на помосте кресло, этакий импровизированный трон. Было очевидно, что аристократы не собираются даже пытаться принять в свой круг мастеров. Эти снобы кривились, когда к ним приближался кто-то из новых гостей. Исключение составляли друзья, которых я попросила постараться узнать приглашенных лучше. Роман вовсю болтал с главным строителем столицы, а Алексис строила глазки золотых дел мастеру, который разработал технологию чеканки монет без использования магии огня. Полагала, что по поведению моих друзей аристократы поймут, чего именно я от них хочу, но они предпочитали подлизываться к вышестоящим, как и было заведено столетиями, не оглядываясь вокруг. Я взмахнула рукой, отдавая молчаливый приказ прекратить играть. Музыка стихла, все присутствующие уставились на меня.

— Леонард из клана Серого Огня, подойдите ко мне, — попросила. Парень, разряженный в шелк и бархат, вышел вперед. Он был типичным молодым аристократом: красивым, заносчивым. Конечно, он не заслуживал унижения, которому я собиралась его подвергнуть, но мне нужно было продемонстрировать знати ее слабость. Этого юношу я помнила со времен вступительных экзаменов в академию, тогда он не смог создать и простенький огненный шар. Юноша выпрямился во весь свой немалый рост, оглянулся назад, где стояли его родители, своими вытянутыми лицами похожие на породистых лошадей.

— Вы владеете магией огня, верно? — Парень кивнул. — Продемонстрируйте нам свои способности.

— Не думаю, что в этом есть необходимость...

— Продемонстрируйте свои способности, — повторила, используя магию голоса.

Человеческое море всколыхнулось в ужасе, все помнили приказы Терениса-старшего. Чак-Чо прижался к моей ноге, понимая, что мне самой не доставляет удовольствия подобное поведение.

Губы юноши дернулись, он сосредоточил силы и создал в воздухе небольшой огонек, который плясал и двигался согласно его воле. Леонард моргнул, и огонек издох. Родители юноши опустили глаза, зная, что любой на этом празднике мог увидеть слабость их сына и их клана.

Я позвала другого человека.

— Ник — золотых дел мастер. — Мужчина из гильдии ювелиров вышел вперед. — Покажите нам изделия, которые вы изготовили мне в подарок.

Ник пытался вручить их мне в начале праздника и очень смутился, когда я сказала, что не время дарить эту красоту; Он тогда покраснел до кончиков ушей и в расстройстве едва не оторвал кончик щегольских усов, но теперь понял, почему просила повременить. Широким жестом он извлек из принесенного свертка золотую цепочку тончайшего плетения, украшенную голубыми камнями, в каждом из которых словно плескался океан.

— Ник не обладает магией огня, как и никто из его семьи, но он настоящий творец. Ник полезен империи своим талантом, своими руками. И империи не важно, какая кровь течет в его жилах, есть ли

магия. Хотел бы ты, Леонард из клана Серого Огня, тоже стать полезным стране? — Парень кивнул, было видно, все его силы уходят на то, чтобы не разрыдаться. — Ник, возьмете ли вы Леонарда к себе подмастерьем?

— Как не взять? У меня с магией, даже с маленькой, совсем ребят нет. Если его подучить, цены такому работнику не будет.

— Посему так. — Я чувствовала гневные взгляды аристократов и восхищенные простых людей. — Каждый дворянин отныне должен доказать свою полезность империи. Высокие способности к магии, новаторство в ее использовании великолепны. Однако если вы родились без способностей или с минимальными задатками, вам придется потрудиться, чтобы остаться в своем праве наследования и при дворянском титуле. На этом все. Музыка!

Снова заиграли музыканты, и многие дворяне отправились наводить мосты и заводить контакты с мастерами. Наверное, поняли, что я не шучу. Не хотелось бы прослыть самодуркой, но, видимо, такова участь всех, кто пытается привнести новое. Аристократов было слишком много, а пользы для страны от них мало.

После произнесенной речи мной завладела усталость. Нелегко быть правителем. Слуга принес мне бокал красного вина, изрядно разбавленного водой. Я не имела права терять концентрацию во время важного праздника.

К трону уверенными шагами направлялся мужчина, и я точно знала, кто он. Семейное сходство с Роахом и Снежей было налицо. «Властный» — ключевое слово, которым могла его описать. О семье Роаха сплетничали, что его отец не обладает и десятой долей таланта сына, я слышала, что он знатный ловелас, харизматичный картежник, имеет склонность к выпивке. Мужчина с сединой в светлых волосах не походил на пьяницу или повесу. Взгляд зимних серых глаз был цепок и холоден, ноздри породистого носа слегка шевелились. По поведению графа я знала, что так он себя ведет, когда чувствует магию ведьм.

— Раух из клана Ледяного Ветра. Демонстрация выше всяких похвал. — Он коротко поклонился.

На вид мужчине чуть больше пятидесяти, хотя ему давно перевалило за шестьдесят. Рядом с ним стояла Снежа, глядя на отца с обожанием и легким налетом страха.

— Маримар, будущая императрица.

Он поцеловал протянутую руку, взгляд изумленно скользнул по кольцам, которые его сын подарил мне на прошлый день рождения. Одними губами произнеся «Любопытно», вслух сказал:

— У меня не было возможности поблагодарить вас за то, что вы сделали для моего клана и моего сына. — Мои губы дрогнули в улыбке. Этот мужчина умел располагать к себе, хоть что-то из сплетен о Раухе из клана Ледяного Ветра правда. — И это приглашение, полученное от молодого правителя спустя столько лет, как клан был забыт императорской семьей, мне чрезвычайно приятно. Снежа, мое северное солнце, не могла бы ты оставить нас с императрицей наедине?

Девушка кивнула и отправилась искать знакомых в толпе. Я еще не была коронована, и обращение ко мне как к императрице было лишним, о чем я тут же заявила.

— У меня нет сомнений насчет вашего титула. Для меня вы императрица, единственная возможная, — произнес он в ответ на мои сомнения.

Очевидно, не просто так отослал дочь, явно хотел мне что-то поведать. Он играючи создал вокруг нас тонкий как шелк поток воздуха, мешающий подслушивать. Сила графа была гораздо выше, чем у отца, однако тот был способен на тонкие воздействия, не требующие больших энергетических затрат.

— Я уверен, вы прекрасно осведомлены о том, что делал клан Ледяного Ветра для императорской семьи последние несколько столетий.

Мужчина имел в виду уничтожение маленьких магов воды, пока те не вошли в полную силу. Клан Ледяного Ветра служил императорскими палачами и убийцами, каждый его член был скован Кровавым договором и не мог избрать другой судьбы, не подвергнув смертельной опасности всех своих родственников. Когда-то ради меня Роах едва не преступил его условия. К счастью, я нашла договор и смогла его аннулировать.

— Вижу, вы помните. И хотя я благодарен вам от всего сердца, намерен просить вас предоставить моей семье иную службу. Мы рождаемся и воспитываемся с одной целью — служить императору или императрице, а потому оставить нас без службы — как оставить собаку без хозяина.

Его слова заставили меня тяжело вздохнуть. Да, я слышала об этой особенности клана Ледяного Ветра, видела ее в Роахе, который до последнего находился на стороне безумного императора Терениса, но одно дело знать и догадываться, а другое — услышать подобную просьбу от главы клана.

— Мне нужно подумать, какую альтернативную службу предоставить вашей семье. И для этого решения нуждаюсь в своем женихе.

Раух покачал головой.

— Мы служим только магам воды. Даже если Тавр покажет себя прекрасным правителем, я не буду ему подчиняться. Мой старший и единственный сын тоже чувствует это, он готов бросить свою жизнь к вашим ногам, но не принца.

Знать, косясь на нас, перешептывалась. Для многих стало шоком, что на праздник оказался приглашен клан Ледяного Ветра. Раньше только Роах был вхож во дворец, и то лишь потому, что заслужил это право собственной пролитой кровью.

— Однако Тавр вступит в наследование, а я стану его женой, — проговорила, чтобы развеять возможные сомнения Рауха в положении дел в империи.

— В любом случае я предлагаю свою службу вам и только вам. А сейчас хочу спросить, знаете ли вы, что на празднике находится ведьма?

Я завертела головой, выискивая взглядом племянницу Тавра. Девушка, одетая в изумительно красивое платье, отбивалась от поклонников с помощью моих телохранительниц, которых я попросила присмотреть за ней. Мужчина проследил за моим взглядом, который сказал ему больше слов. Однако я все равно посчитала нужным объяснить:

— Положение дел скоро изменится, запрет на нестихийную магию будет снят.

Раух кивнул.

— Мой сын никогда не участвовал в охоте на ведьм, мне же приходилось выслеживать и убивать их. Скажу вам, это не доставляло мне удовольствия. Однако некоторые из них обладают разрушительной силой. И я бы хотел, чтобы вы осознавали опасность, которую они представляют.

Я знала, о чем он говорит. Зелья, повышающие силу и дарующие здоровье, которые наводнили империю, изготавливала какая-то ведьма. Она вытягивала жизненную силу из магов-стихийников и продавала ее, разливая в колбочки. Меня воротило даже от мысли, что кто-то на такое способен.

— Моя семья потеряла право посещать дворец, когда старый император женился на ведьме и она родила ему сына. Не смотрите на меня так, Маримар, я прекрасно знаю, какими способностями владеет наш будущий монарх. А еще чувствую, он и вас учит тайнам своей семьи.

Идея пригласить Рауха с каждой секундой казалась мне все более неудачной. Кто же знал, что отец графа — внимательный и серьезный, что его серые глаза подмечают все детали, а сам он прекрасно осведомлен о дворцовых тайнах. Но этот мужчина просит должность и хочет быть полезным.

Мы изучающе смотрели друг на друга, когда произошло несколько событий одновременно: раздался пронзительный свист, все гости зажали ладонями уши, Чак-Чо взвыл и бросился наутек, пораженный этим звуком, мои телохранительницы выхватили мечи и побежали ко мне, осознавая, что грядет некая невидимая опасность, но они были слишком далеко. Стража сплотила ряды около моего трона, но все тот же невыносимый свист заставил их бросить оружие и схватиться за головы. Я активировала кольцо с магией огня, выстраивая вокруг себя и Рауха горящую стену, в нее-то и влетели первые три стрелы, выпущенные неизвестным. Магия долго не продержалась и распалась, но я успела сползти с трона и, преодолевая головную боль, оглядеться. Все гости лежали вповалку на земле, кое у кого из ушей текла кровь. Нападающего не было видно, я наивно предположила, что он уже скрылся, и поднялась, чтобы помочь раненым. В этот момент очередная стрела с огромной скоростью полетела в меня. Я видела свою смерть в ее черном наконечнике, осознавая, что не успею увернуться, когда передо мной взметнулся мощный поток воздуха, изменяя ее курс. Стрела улетела в сторону и вонзилась в трон, за секунду превратив его в тлеющие угли.

Раух поднялся быстрее меня, несмотря на возраст, отец графа был крепок. Он подал мне руку, помогая встать. Атака миновала, стража

бросилась в сторону, откуда летели стрелы. Раух всматривался вперед, щуря глаза.

— Стрелы начинены магией Черной смерти. Такие может создать мощный маг огня. Парадокс в том, что эти стрелы противостоят магии воды, та на них не действует. Они могут сгореть только в пламени. Очень удачно, что кольцо с силой этой стихии оказалось на вашей руке. — Раух коснулся пепла, растер его, поднес пальцы к носу и понюхал. — Это точно не магия ведьм.

Он взглянул на меня, глазами продолжив мысль: «Значит, виновник кто-то из аристократии». Я кивнула, принимая его слова к сведению, и поспешила к гостям. Большинство из них уже встали, кто-то отряхивал одежду. Маги земли помогали тем, чей слух пострадал во время атаки свистом. Чак-Чо не было рядом, но я чувствовала, что зверь неподалеку и вернется, как только перестанет бояться. Роман лечил Алексис, кузина смотрела на парня влюбленными глазами, наслаждаясь его прикосновениями. Киара ошалело держалась за живот, но выглядела неплохо в отличие от остальных гостей. Римус каким-то образом защитил ее и брата от свиста. Я подошла к ним узнать о самочувствии, заодно поинтересовалась, как он смог уберечься.

— Это магия воздуха. Когда я учился в юридической академии, один из наших преподавателей издавал подобный свист, если кто-то из студентов засыпал во время занятия. Только он был направлен индивидуально и никогда не был столь мощным. Ты знаешь, каким я был в то время, поэтому частенько засыпал во время лекций, вот и научился создавать защитный барьер против этого звука.

Брат с любовью посмотрел на Киару, до встречи с ней он был картежником, много пил и вообще вел мало приемлемый образ жизни. А сейчас даже восстановился в юридической академии, которую забросил два года назад.

Я подходила к гостям, помогала им, улыбалась и успокаивала. Два раза пришлось применить магию голоса: против разбушевавшейся мамыши великовозрастного лорда, которая убеждала, что ее сынок, двадцати трех лет отроду, теперь не сможет нормально спать, и бунтующего архитектора, решившего, что нападение — происки аристократов, желающих показать простым людям их место. Телохранильницы сплотились вокруг меня, но проку от них было

немного. Во время нападения рядом оказался только Раух. Он и сейчас незримо следовал за мной, каким-то образом умудряясь оставаться незамеченным. Я подозвала его.

— Свист — это магия воздуха. Кто-то намеренно пытался отвлечь охрану. — Мужчина шагал рядом, оглядывая гостей цепким взглядом. — При этом магия относительно новая, никогда не видел, чтобы ее можно было направить на такое количество людей одновременно.

Я кивнула. И вдруг вспомнила, как давным-давно Роах воздействовал на меня подобным методом. Он засвистел, а я потеряла сознание. Тогда граф узнал, что я маг воды, и отвез во дворец к Теренису. Словно вечность прошла...

— Кто помимо вашего сына обладает такой мощью?

В том, что граф к нападению не причастен, сомнений нет, но я думала, в империи ему нет равных. Раух внимательно на меня посмотрел, удостоверился, что я ни в чем не подозреваю ни его, ни его семью.

— Должен признаться, я в затруднении. Ни один из кланов больше не несет в себе силу, сравнимую с той, что осталась в нашей семье. — Это было сказано не без нотки гордости в голосе.

Императорские палачи оставались последним кланом в полной силе. Возможно потому, что так долго оставались связанными Кровавым договором. Но мне не хотелось сейчас думать о клане Ледяного Ветра, куда важнее было найти нападавшего. А для этого нужен был Раух.

— Хотите стать моим личным советником? — спросила мужчину, чувствуя, что поступаю правильно.

К моему удивлению, он обогнул меня и замер, преградив путь. Я не понимала причины поступка, пока Раух не опустился на одно колено и не склонил голову.

— Вы не представляете, какую честь оказываете мне, возвращая былое звание. Я буду служить вам до последнего вздоха.

Он схватил мою руку и поцеловал ее холодными губами. Подозревая, что назначать личного советника надо в более торжественной обстановке, я стояла и неловко улыбалась. Отца Роаха, казалось, все устраивало. Он поднялся и командным голосом начал раздавать указания, усадив меня под старым вишневым деревом рядом

с Фиримаром. Тот, круглыми глазами наблюдая за происходящим, шепотом поинтересовался:

— Дорогая, вы понимаете, какую власть вручили своему новому знакомому?

Честно говоря, не знала, о чем и сообщила старику. Тот почесал макушку, позабыв о том, что на ней парик.

— До того, как клан Ледяного Ветра был изгнан, его главы исполняли роль личных советников императоров. К сожалению, северяне оказались настолько хороши в управлении страной, что на несколько поколений маги воды были никем иным, кроме как марионетками в их руках. Так было до прихода к власти деда покойного Терениса-старшего, изменившего род деятельности клана и сославшего их на север.

— Спасибо за урок истории, Фиримар. Я буду внимательна к своему новому советнику. Но он мне нужен, и он нужен империи.

— Как пожелает ваше высочество. — Фиримар не посмел оспорить мое решение, время покажет, правильное или нет.

Я глядела на воцарившуюся суматоху и думала о том, что в целом вечер прошел неплохо. Никто не умер, не пострадал, мой спонтанный план реформ был воспринят без возражений, а еще я приобрела советника в лице отца своего ректора. Меня попытались немножко убить, но что-то должно же быть неидеальным за вечер.

Я смотрела, как садится солнце, как загораются звезды в ночном небе. Где-то на другом конце страны Роах и Тавр общаются с Теренисом-младшим, не зная, что мои приключения ничуть не менее волнующи.

ГЛАВА 4

Оставшиеся экзамены я сдала с легкостью, и теперь корпела над черновиком курсовой работы. Тема досталась скучная — «Система магических редутов в Первой объединяющей войне», и я мужественно пыталась сосредоточиться над стопкой книг в академической библиотеке, когда на плечо опустилась холодная рука. Граф все еще в отъезде, значит...

— Ваше высочество, прошу прощения, что отвлекаю, но стали известны имена подозреваемых в покушении.

Раух оказался прекрасным следопытом, но его навязчивость начинала утомлять. Маг мог постучаться в мою комнату во дворце в шесть утра или чудесным образом найти меня во время занятий магией воды с Чак-Чо. Я боялась, что он будет относиться к отцу графа так же, как к нему, но опасения были напрасными: зверь довольно быстро нашел с советником общий язык и ластился к нему в обмен на красную форель, а на вопрос «почему», объяснил, что «Раух не претендует на трон и не требует твое сердце взамен на свое».

На стол передо мной опустился листок со списком из двадцати имен. Десять магов воздуха и десять — огня. Около большинства фамилий стоял знак вопроса.

— И что это значит?

— Это значит, что они выступают против вас, но их сила недостаточна для совершения подобного нападения.

Большинство имен принадлежало знатным дворянам. Я вздохнула. Сама могла бы предположить, что мои идеи и реформы никому не понравятся. Хотя дело не в них. Кто-то спланировал покушение заранее. Кто-то, кто очень сильно меня не любит.

— Большинство подозреваемых — женщины, — отметила с удивлением.

Часть имен была знакома, поскольку принадлежала бывшим фрейлинам императрицы, которых я отослала по домам после того, как они проявили неуважение ко мне.

— Дело в том, что ваш жених — до того, конечно, как сблизиться с вами, — довольно тесно общался с этими... девушками. Наверняка

каждая была уверена, что станет законной женой или хотя бы останется под его патронажем. И, естественно, вы знаете, что говорят о принце в салонах...

Я не знала, и хотя подозревала, что ответ мне не понравится, спросила:

— Что же?

— За одну ночь с ним женщина теряет волю и душу, — сообщили мне безразличным тоном. — И меня, если честно, поразило, что вы все еще в своем уме и здраво мыслите.

Предпочитая не смотреть в глаза советнику, сосредоточилась на книге перед собой. Но строчки расплывались перед глазами, потому что сердце сжалось от ревности. Понятно, что до знакомства со мной Тавр не был монахом, но составленный на бумаге список его любовниц стал для меня настоящим ударом. И это лишь имена тех, кто обладал достаточными способностями к магии воздуха или огня, чтобы навредить мне.

— Раух, прошу, узнайте, где находились эти люди во время праздника. Вычеркните тех, кто был на виду и имеет свидетелей, и тех, кто по тем или иным причинам пребывал в другом месте. Остальным я нанесу визиты и узнаю правду с помощью магии голоса. — Я потеряла виски. — Еще необходимо узнать, как обстоят дела в школе Танцующих леди и в квартале Красных Фонарей.

Я ни на секунду не забывала о своем обещании Аделине. Стража ежедневно дежурила в квартале, дурные новости оказались бы у моего порога мгновенно. А значит, кто бы ни похищал девушек, вылазки он на время прекратил. Но если виновник не будет найден, опасность остается, и если не в этом, то в следующем году или через год преступления возобновятся.

— Я все исполню, ваше высочество. До тех пор, прошу, не оставайтесь в одиночестве. Ваши «фрейлины» весьма искусны, — Раух указал на девушек из храма Кровавой богини, которые, как и я, сидели за книжками, но то и дело окидывали библиотеку цепкими взглядами, — но им не сравниться в бою с опытными воинами. Если у вас есть еще какие-нибудь... любые возможности защитить себя магией, я бы ими не пренебрегал.

А ведь он почти открытым текстом предлагал мне прибегнуть к магии ведьм! Не ожидала, что кто-либо из клана Ледяного Ветра

предложит это правителю.

— Сегодня вечером я отправлюсь в место, где смогу эту защиту получить. — Однажды магия семьи Тавра уже спасла меня от смерти, возможно, помогут мне и сейчас.

— Хорошо. Хотя лучше было бы, если бы рядом с вами остался мой сын. Он готов положить свою жизнь к вашим ногам.

Чак-Чо предостерегающе рыкнул. Зверя полностью устраивало, что ректор академии от меня далеко. Я опустила руку на лобастую голову, нежно почесала за ушками. Зверь-покровитель тут же расслабился и заурчал на всю библиотеку. В последнее время он все меньше находился в здравом уме, а на мои вопросы отвечал, мол, копит силы, и что я сама скоро все увижу.

Я сдавила виски в попытке выдавить из головы разыгравшуюся мигрень. В последнее время усталость буквально осаждала меня, преследовали приступы головной боли. Я не чаяла дожидаться каникул, чтобы наконец как следует отдохнуть и выспаться. После свадьбы Тавр обещал мне путешествие по империи, я с нетерпением ждала его. Мысль о том, что скоро мы станем мужем и женой, меня восхищала, правда, идея завести детей пугала до дрожи в коленях. Но принцу, чтобы упрочить свою позицию на троне, нужен наследник, сын, обладающий магией воды.

— Что-то еще? — спросила Рауха.

— Если не сложно, не могли бы вы подписать бумаги о моем официальном назначении, — сказал он, тщательно подбирая слова, и протянул свиток, который я внимательно прочла.

Ни разу не обозначив принца Тавра как своего суверена, граф составил свои обязанности так, что он должен был отчитываться лично мне. Документ я подписала, в конце концов, у принца и так достаточно советников, не помешал бы один и мне. Раух низко поклонился и покинул библиотеку.

Одна оставалась недолго, вскоре появился Роман. Он едва ли был сосредоточен на экзаменах, все больше думал о том, как бы завоевать сердце своего зверя-покровителя, в итоге должен был пересдать несколько предметов.

— О, Маримар, привет. — Парень уселся на соседний стул. — Смотрю, ты уже курсовую пишешь. Слышал, ты отлично сдала историю империи...

Смотрела на этого рыжего лиса и не могла сдержать смешка.

— Дать тебе конспекты?

Роман расцвел в улыбке. Рядом с ним жизнь казалась нормальной, что бы в ней ни происходило. Это удивительное качество не относилось к магии земли, которой он обладал, оно было личным, только его, веселого и добродушного парня. Иногда я задавалась вопросом, это сила в нашей крови влияет на характер или же мы обладаем той или иной магией благодаря своим личным качествам?

— Было бы потрясающе! Я тут видел отца графа, кто бы мог подумать, что он окажется таким славным мужиком! Подарил мне вот... — Роман вытащил из кармана россыпь белых семян, похожих на огромные тыквенные семечки.

Я не очень разбиралась в магии земли, а потому спросила, что это.

— Северный клен. Их в мире остались единицы. Если смогу, выращу настоящие деревья. Ух! Тут семян на рощу хватит.

— Чем эти клены так ценны?

Роман хлопнул себя по лбу.

— Вечно забываю, как долго ты жила без магии. Северные клены распространяют и усиливают магию, привлекают волшебных существ. Раньше беременные женщины обнимали стволы этих деревьев и молились, чтобы у детей проявились способности к волшебству.

— А почему мало осталось?

Если это такая ценность, было бы глупо их уничтожать.

— Это как раз загадка. — Роман хитро улыбнулся. — Лет триста назад северные клены просто начали умирать, сохнуть. Сигурд говорил, потому, что магия решила покинуть империю. Может и так, но сейчас, когда в столице живут четыре элементаля, самое подходящее время, чтобы снова вырастить их.

Мой друг имел в виду себя, Роаха, Ану и меня. Все мы обладали выдающимися талантами, но я сомневалась, что являюсь элементом.

— Теренис-старший был гораздо сильнее меня. Я все еще не научилась той магии, которой он управлял. — Старик мог повелевать волей сотни человек одновременно, обладал неподвластной мне магией крови. — Да и Ану пока вынужден носить браслеты с бошником, чтобы не сойти с ума.

Огонь был стихией ярости, и ярость эта захватывала своего носителя. Мой друг едва не убил тысячи людей, когда его поглотило

пламя. Не говоря уже о том, что он похитил меня с явным намерением жениться и объединить нашу силу в одну. Хорошо, я вовремя поняла, что с ним не так, и всадила в него клинки, пропитанные боцником, ядом, забирающим у магов силу. Так я спасла Ану и целый город от разрушения.

— По легенде каждый из элементарей должен непременно бороться с проклятием своей силы. А элементарь воды... Ну, ты знаешь.

— Станет обладать силой великой только после того, как уьет любовь всей своей жизни, — с грустью продолжила. Если для того, чтобы обрести силу, мне нужно убить Тавра, не нужна мне такая сила. И плевать, что там сказано в пророчествах. — Эти разговоры навевают на меня тоску. Хочешь съездить со мной в трущобы к родственницам Тавра? — Я надеялась получить дополнительную защиту в виде какого-нибудь ведьмовского амулета. — А ты очень понравился Гизелле.

Мой рыжий друг расплылся в улыбке. Он имел удивительное влияние на представительниц противоположного пола, мгновенно располагая к себе. Тайна его очарования заключалась в том, что у Романа было три сестры и чрезвычайно властная матушка.

— Хотя мое сердце и отдано Жасмин, я с удовольствием навещу родственниц принца. Люблю ведьмочек. К тому же ты говорила, что они недолго пробудут в столице.

Это правда. После того как с Черного леса — места обитания ведьм — было снято проклятие, и деревья снова начали расти на месте бесплодной пустыни, ведьмы готовились вернуться на родину. Не только родственницы принца, но и оставшиеся в империи ведьмы начали переселяться в Черный лес. Пока миграция не приняла массовый характер, мы с Тавром могли скрывать перед знатью факт возрождения леса и возвращения ведьмам их сил. Но вскоре придется объяснять магам, что ведьмовство больше не запрещено в империи. Документ о терпимости к любым видам магии лежал на столе принца и должен был стать первым, подписанным им после коронации.

Я встала, почувствовав очередную волну головной боли. Приступы учащались, оставалось надеяться, что они вызваны переутомлением. Не хотелось бы свалиться от неизвестной болезни.

— Ты устала, хочешь, сниму боль? — участливо предложил друг.

Я упрямо мотнула головой. Не все проблемы можно решать магией.

— Потерплю. А как только вернется принц с графом, я как следует выплюсь, и все пройдет само, — уверила Романа. — Пойдем скорее, хочу успеть к трем часам. Горана как раз в это время готовит чай с печеньем.

Я и не заметила, как семья принца стала мне роднее собственной. Тетя Тавра не только учила меня магии, но и проявляла заботу, какой я никогда не получала от родной матери.

* * *

Мятный чай успокаивал и придавал сил. Племянница Тавра, во время праздника произведшая фурор своей красотой, привычно помогала Горане. На вопрос, понравился ли ей вечер, со смущенным румянцем ответила, что безмерно мне благодарна, однако добавила, что все равно ждет не дождется, когда сможет вернуться в Черный лес. Он снился ей ночами, а днем она перелистывала потрепанные книги со сказками о ведьмах и их родине. Вернуться туда мечтали и остальные девочки. Впору было гадать, было ли их страстное желание вызвано рассказами тети или их притягивала возвращающаяся магия леса.

— Ты уверена, что довериться одному из представителей клана Ледяного Ветра — хорошая идея? — с подозрением хмыкнула Горана.

Привыкшая к постоянному преследованию, она абсолютно никому не доверяла. Роман снискал ее расположение только после того, как поучаствовал в восстановлении Черного леса и едва не погиб там. А еще ей нравилось... как он ел. Сын одного из самых богатых людей в империи, которому были доступны любые лакомства и изысканные блюда, искренне считал, что нет ничего на свете вкуснее ее мясного рагу.

— Мне нужен защитник, маг. А Раух показал свои способности.

— Если только он сам не стоял за этим покушением... — задумчиво произнесла Горана.

Я криво усмехнулась. Интуиция подсказывала, что отцу Роаха я довериться могу. Клану Ледяного Ветра была присуща собачья

верность магам воды. Горана поняла меня правильно и устало добавила:

— Я создам амулет, оберегающий от зла. Но он не сравнится с тем, что подарила тебе малышка. — Куколка, что когда-то дала младшая из ведьм, приняла на себя предназначавшийся мне удар и тем самым спасла жизнь.

Потом Тавр объяснил, что такая сложная магия доступна только детям, подарок должен быть от чистого сердца, лишь тогда она работает.

— Как поживает мой племянник? От него давно нет вестей.

Горана не знала точно, где сейчас принц. После того, как он стал наследником престола, их связь ослабла. Женщина не винила Тавра, но было видно, ей горько от того, что он отдаляется. Их с Тавром связывали сложные отношения. Они любили друг друга, Горана заменила ему мать, но и он в некотором роде стал отцом девочек. А еще магии ведьм нельзя было обучать мужчин. Ведьмы хранили секреты силы для девочек, считая, что у мужчин и так слишком много власти. Тавр стал единственным исключением из правила.

— Он должен вернуться дня через два. Я тоже не получала весточек от него, но, если учесть, как много у нас врагов, лучше, если он не будет пока писать. Сейчас все зависит от Терениса-младшего. Если он захочет вернуться, коронацию придется отложить.

— И ты готова отказаться от трона? — с улыбкой спросила Горана, наливая Роману чай.

Я поморщилась от очередного приступа головной боли.

— Если бы увидела, что Теренис достоин престола, уступила бы его, ни на миг не сомневаясь. В конце концов, младшего готовили к роли будущего императора. Но в последнюю нашу встречу он показал себя трусом и сбежал от ответственности. Может ли такой человек управлять судьбами миллионов?

— Ты мудрее, чем мой племянник, Маримар, — улыбнулась Горана.

Я откинулась на спинку кресла, устланного овечьими шкурами, и потеряла виски. Роман, до того молчавший, фыркнул:

— Нет сил смотреть, как ты терпишь боль.

Он подвинулся ближе и без спроса положил ладонь мне на лоб. Вместо чувства облегчения голова взорвалась всполохами боли, перед

глазами заплясали алые пятна. Я истошно заорала, уже не видя перед собой исказившееся лицо друга, не слыша криков Гораны. Сознание, не способное бороться с болью, нашло единственный выход, и я отключилась.

* * *

На лбу лежал холодный компресс, с него на веки и щеки стекала какая-то жидкость, пахшая лесными травами. Кто-то держал меня за руку. Открыв глаза, увидела, что мои ладони сжимала Горана.

— Это наша сила... Кто-то использовал боевую магию ведьм, чтобы убить тебя.

Женщина поправила повязку на лбу и пойманной птицей заметалась по подвалу, куда меня перенесли, разыскивая что-то среди многочисленных стеллажей с настойками и висящими пучками трав.

— Как именно? — произнесла я хриплым от криков голосом. — О таком волшебстве я не читала.

Ответ последовал незамедлительно.

— Заклинание должно было вызвать чувство недомогания, чтобы ты обратилась к лекарю, магу земли. Его магия должна была наполнить заклинание силой, и это убило бы тебя, а все следы указывали бы на лекаря, и его бы признали виновным. Синяя птица удачи явно недалеко пролетала, раз ты оказалась в моем доме. — Женщина выглядела воодушевленной.

Она принесла черный флакон, попросила открыть рот. Масляная капля растеклась по языку. Жидкость была горькой на вкус и вонючей, будто ее сварили из протухшей лягушатины, но сняла последние следы боли.

— Из чего она? — спросила, прикрывая рот рукой.

— Тебе лучше не знать, — усмехнулась Горана и убрала пузырек в шкаф, дверь которого украшали размещенные в причудливом порядке самоцветы. — Не думала, что помимо моего клана у кого-то из ведьм еще сохранились подобные умения и знания. Если бы они не были твоими врагами, многое отдала бы за встречу.

— Вы встретитесь, — пообещала я, мысленно ставя новую фигуру на шахматную доску со своими врагами. Маг воздуха, маг огня

и ведьма — это трио мне предстоит отыскать и наказать. Если они думают, что могли меня напугать, то сильно ошибаются. На удар отвечают ударом, так меня учили, таков мой характер. — Когда закончу с допросом, заставлю ее выдать тебе все тайны и знания своего клана, а потом казню гадину.

Мысль об убийстве вызвала чувство удовлетворения, интонация напоминала речь графа, и мне это не слишком нравилось. Но я сделаю то, что должно, в конце концов, правители всегда были вынуждены подавлять мятежи. Я поднялась с жесткой кушетки, на которую меня уложили. Роман, до этого не проронивший ни слова, обнял меня.

— Прости, Маримар! Я такой дурак, что попытался тебя лечить. — Ладони парня вопреки обыкновению были холодны, он сильно переживал.

— Рано или поздно я бы обратилась к тебе за помощью, и все бы закончилось гораздо хуже, если бы мы не оказались здесь.

Я с благодарностью посмотрела на тетю Тавра. Та лишь кивнула. Она была из людей, скупых на слова и эмоции, выразивших поддержку делами. Горана и сейчас осталась верной себе и дала мне холодной воды с лимоном и мятой. Резкий вкус лекарства стал чуть слабее.

— Чтобы наслать это проклятье, необходимо быть недалеко от жертвы и иметь ее вещь, лучше всего волосы. Проверь всех, кто имел доступ в твою комнату во дворце и мог передать прядь твоих волос ведьме. После того как спросишь, заставь человека забыть о беседе. Если поползут слухи, ты никогда не найдешь того, кто покушался на твою жизнь.

— Два покушения за неделю... Весело живем, Маримар! — воскликнул Роман, по своему обыкновению превращая все в шутку.

— Главное, чтобы не стало еще веселее. Третье могу и не пережить. — Я расправила плечи, поправила воротник академической формы, которую продолжала носить, хотя в моем гардеробе были платья на любой вкус. — Мы возвращаемся во дворец. Продолжу притворяться, что мучаюсь головной болью, а ты должен непрерывно уговаривать меня прекратить страдания и принять твою помощь. Так мы выиграем немного времени до следующего покушения. Меня явно пытаются убить до коронации и свадьбы с принцем. То, что ни его, ни Роаха нет рядом, развязало им руки.

— Ну ты-то покажешь, что принцесса Мари слеплена не из конфет и розовых облаков.

Я криво усмехнулась. Моя внешность зачастую давала людям ложное представление. Как сказал тренер, красота обманчива: «Далеко не каждый человек сможет разглядеть за пухлыми розовыми губами и длинными ресницами настоящего борца». Быть может, нам повезет, и меня примут за капризную девицу, волей судьбы наделенную способностями к магии воды.

Напоследок Горана протянула мне перевязанный сургучом кожаный мешочек и велела всегда носить его на себе, ведь он должен уберечь меня от магии ведьм.

Во дворец прибыли к ужину, от которого я отказалась. Периодически хватаясь за лоб, распорядилась, чтобы Роману постелили в комнате неподалеку от моей. Служанка, выслушав приказ, бросила на меня косой взгляд. Что ж, эта, скорее всего, не причастна к отравлению, раз не понимает, зачем мне сильный маг земли под боком.

— Доброй ночи, сестренка, — произнес друг и ушел в свои покои.

Иногда я думала, что Роман — истинный баловень судьбы. Он легко получал все, о чем другие могли только мечтать: единственный наследник, наделенный немислимой силой, бессмертный элементаль, к тому же довольно привлекательный парень. Однако в его зеленых, как молодая листва, глазах привычная веселость иногда сменялась тенью печали. Роман понимал, что бессмертие несет с собой одиночество, а сила — большую ответственность за действия. Возможно, поэтому он и влюбился в своего зверя-покровителя: Жасмин всегда будет рядом, несмотря ни на что.

Эти мысли роились в голове, когда я входила в свою комнату. Закрыв дверь, развернулась и обомлела. В спальне меня ждал незваный гость. Я узнала его со спины, хотя не видела несколько месяцев. Теренис-младший сидел в моем любимом кресле напротив окна, рядом с ним находился Чак-Чо. Зверь выглядел умиротворенным, значит, опасность мне не грозила.

Гость повернулся. Косая сажень в плечах, отросшие собранные в хвост кудри, все та же радужка цвета морской волны, но взгляд изменился. Лицо действительно пересекал свежий шрам, удар чудом не задел глаз. Теренис-младший, законный наследник империи, сильно загорел и возмужал, мускулы на спине уже не наследного принца

стали как канаты. Пожалуй, габаритами он догнал графа. Жизнь вдали от дворца пошла на пользу.

— Маримар! Ох... Ваше высочество, Мари. — Он склонился в шутовском поклоне.

В голове пронеслось множество противоречивых мыслей: зачем здесь Теренис, не планирует ли он вернуть принадлежащее ему по праву, нужно ли мне бояться? Усилием воли отбросив их, раскрыла дружеские объятия.

— Как я рада тебя видеть! — И вправду приятно было осознавать, что я не одна, не единственный маг воды в империи. — Как жизнь? Как твои дела? И, надеюсь, ты не обидишься, если я спрошу, что ты здесь делаешь?

Постоянные покушения сделали меня столь же подозрительной, как Горана.

— Узнаю этот затравленный взгляд, сам с таким несколько лет жил. — Кривая усмешка исказила лицо. — Я пришел потому, что как только вести о том, что мой корабль пришвартовался у Черных островов, облетели империю, мне начали поступать предложения вернуться во дворец и не позволить отобрать мое по праву рождения место группке узурпаторов.

Я вздохнула. Этого следовало ожидать. В дверь постучались, и, не дождавсь ответа, любопытная прислуга заглянула внутрь. Видимо, девушка услышала мужской голос и решила узнать, кто ночью посетил мою спальню. Все-таки придется дать ей расчет.

— Выйди и забудь, что ты меня видела, — приказал Теренис, используя знакомую мне магию голоса.

Очевидно, его была слабее, потому как чепчик девушки, из-под которого торчали мелкие золотистые кудряшки, скрылся лишь через несколько секунд. Принц вздохнул и вернулся к разговору.

— Я привез письма тех, кто предлагал мне избавиться от тебя и Тавра. — Теренис бросил на стол стопку, беглым взглядом я насчитала восемь, возможно девять. Час от часу не легче. — Тавр не пытался меня отравить, он рассчитывал свести меня с ума. Теперь я понимаю, что ему доступна магия, сильно отличающаяся от нашей. Его мать... Она была ведьмой.

Я лишь кивнула, шока его слова не вызвали. Принц потрясенно оглядел меня с головы до ног, словно теперь сам задался вопросом,

представляю ли я для него опасность. Поэтому постаралась объяснить:

— Не все ведьмы злые. Я знаю нескольких выживших во время охоты на них, мечтающих жить в мире так же, как и мы. Это женщины и дети, они слабы, нуждаются в защите и помощи. Веришь ты или нет, но Тавр — хороший человек, он желает лучшего для них.

— Тавр желает власти. И он ее получил. Он пытался разыскать меня, даже привлек на свою сторону Роаха, считая, что его присутствие усыпит мою бдительность. Но я не дам себя одурачить. Интриги, власть, этот холодный дворец... Они мне не нужны, я возвращаюсь к своей команде, чтобы пересечь Великое море и открыть новые земли.

От восхищения приоткрыла рот. Мне не верилось, что Теренис способен на такой смелый поступок. Никто не знал, что находится за Великим морем. Раньше считалось, что там конец мира или грань с миром мертвых, но сейчас мы понимали, что земля круглая и за морем могут быть другие острова и материки.

Младший протянул руку Чак-Чо. Тот понюхал ее, смешно фыркнул, неохотно позволил себя коснуться, а потом отошел ко мне. Это было знаком — Теренису не суждено стать великим правителем. И он сам это осознавал. Глядя на лицо с глазами цвета моря, я впервые прониклась уважением к этому мужчине. Он знал, что не состоится как император, и уходил. Неутомимый путешественник, первооткрыватель — таким Терениса запомнит история. Но мы должны были уладить одну формальность.

— Ты точно уверен, что не хочешь взойти на престол? — чувствуя толику стыда, спросила его, выискивая глазами перо и свиток; кинжалы, чтобы добыть немного крови для подписи, всегда находились у меня под рукой.

Принц понял, к чему я клоню.

— Ты прагматична. Жаль, что станешь супругой моего дяди, а не Роаха. Вы были бы идеальной парой, а он — великим императором.

Чак-Чо тихо зарычал при упоминании имени графа, но Теренис не обратил на него внимания. Взял у меня перо, достал из-за пояса острый нож, глубоко рассек свою ладонь. Хлынувшей кровью он написал:

«Я, Теренис-младший, сын Тарима, внук Терениса-старшего, отказываюсь от всех своих прав на престол Великой империи. Я отрекаюсь от трона сам, а также лишаю своих детей и потомков права претендовать на него через год, через столетие, через тысячу лет. Документ написан мной не по принуждению, а по собственной воле. Я пишу этислова, находясь в здравом уме и памяти, скрепляю своей кровью и силой. Да будет проклята моя кровь, если я или мои потомки нарушат мою волю».

Теренис подписал этот страшный документ, подул, чтобы кровь быстрее впиталась. Она никогда не свернется, чернила останутся красными до тех пор, пока документ не потеряет силу. Через тысячу лет.

— Теперь все кончено, — сказал ныне отреченный принц, протягивая свиток. — Ты будешь лучше меня, ты уже сейчас гораздо сильнее.

В его словах звучала печаль, но не зависть. Потому что у Терениса отныне появилась возможность проложить собственную дорогу в будущее.

— Мы те, кем должны быть; Я буду ждать тебя и твои истории о путешествии. Когда вернешься, приезжай во дворец и расскажи о нем. И обязательно записывай все, я хочу знать, что же находится за пределами Великого моря.

Теренис-младший огляделся, мысленно прощаясь с дворцом.

— Это место никогда не было моим домом. Надеюсь, у тебя получится полюбить его.

Мы обнялись на прощание, принц прошептал: «Береги себя» и ушел. С его способностями он мог невидимкой оказаться где угодно. Странно было осознавать, что законный наследник бежит из дворца, словно вор, желая остаться неузнанным, а я, еще год назад считавшая себя сквиром, лежу на пуховой перине в императорских покоях и размышляю над тем, как все-таки стать великим правителем.

Чак-Чо улегся рядом и тихо заурчал. Среди ночи он убежит охотится, и я ненадолго останусь одна. Но одиночество было желанным и не пугало. Предостережения принца я решила пропустить

мимо ушей — он всегда недолюбливал своего дядю и не видел того Тавра, которого знала я.

Всю ночь слышала, как бьется в окна холодный ветер. Звук этот неизменно напоминал мне о графе и внушал чувство безопасности.

Роах

Отставлена в сторону четвертая чашка с горячим чаем. Горячим до того момента, пока я не взял ее в руки. Тонкий фарфор треснул, будто расколотый льдом. Корабль на всех парусах летел обратно в столицу. Тавр управлял им, спеша к своей невесте. К моей Маримар. Мысли о ней заставили сердце сжаться от боли, и даже живущий в нем лед не способен избавить от этого. Маримар моя женщина, моя. Судьба создала ее специально для меня — независимую, сильную, способную справиться с любыми трудностями и согреть меня. Но она по уши влюблена в этого смазливового жеманного принца. Целует его, ждет дня, когда они поженятся и будут жить долго и счастливо.

От холодного ветра, что вихрем взвивался с моей кожи, в каюте погасли магические огни. Я позвонил в колокольчик, подзывая мага огня, который служил Тавру.

Невысокий, похожий на шарпея старичок молча принялся восстанавливать уничтоженное моей магией освещение. Ни один человек из обслуги принца никогда не задавал вопросов и не выглядел удивленным. Надо будет узнать, как он этого добился. Может быть, тоже ведьмовские штучки.

Чем дальше я нахожусь рядом с Тавром, тем больше привыкаю к его тошнотворному аромату. Приторно сладкий запах ведьм перестал вызывать у меня рвотные позывы, возможно, со временем я даже смогу общаться с принцем, не задерживая дыхания. Слуга повторно разогрел чай, услужливо поинтересовался, не нужно ли еще чего принести. Отослал его прочь, не хватало еще, чтобы меня жалели.

«Рабы своей силы» — так раньше называли элементалей. Ану поглощает пылающая ярость, меня — холод, Роман осознает, что бессмертие — это проклятье, а Мари... рано или поздно убьет любовь всей своей жизни. Я бы многое отдал, чтобы, когда настанет этот момент, ее нежные руки оборвали мою жизнь. Это бы значило, что она меня любит.

Дверь в каюту распахнулась. На пороге, мокрый с головы до ног, стоял Тавр и улыбался. Женщина назвала бы его улыбку очаровательной. Глядя на этого мужчину, закатавшего рукава рубашки, так что стала видна золотистая кожа, переливающаяся на солнце, ясно для себя понял: я его ненавижу. Точка. Холодной, острой ненавистью, которая стала моим постоянным спутником после того, как Маримар вернула мне способность чувствовать. Если раньше ненависть к Тавру была обусловлена недоверием, то сейчас она еще и подпитывалась ядовитой ревностью. Принц же, напротив, оставив все наши разногласия позади, пытался стать мне если не другом, то приятелем. Явно для того, чтобы заручиться поддержкой. И это заставляло меня ненавидеть его еще сильнее.

— Там такой ливень, будто у моей Мари плохое настроение, — рассмеялся он.

То, что Тавр назвал Маримар своей, полоснуло меня ножом по сердцу. Выражение моего лица не укрылось от принца, он был одним из немногих людей, способных считывать по нему эмоции.

— Мы уже говорили на эту тему. Твои чувства к ней — всего лишь верность клана Ледяного Ветра сильному магу воды. Ты не любишь Маримар — просто, когда вы познакомились, ты не знал, кто она такая.

Я вздохнул, соглашаясь с его словами. Мы, клан Ледяного Ветра, верны каждому магу воды, как послушные собаки. Для нас маг воды — это дом. Были случаи, когда девушки из нашего клана становились любовницами императоров и только ради того, чтобы быть с ними, сбегали от своих семей, отказывались от возложенных на них обязательств. Мысленно возблагодарил судьбу за то, что Снежа не встретила с Теренисом-младшим. Ее, скорее всего, постигла бы та же судьба. Однако чтобы маг ветра безнадежно влюбился в императрицу — такого случая история не знала. Не желая развивать тему разговора, я бросил:

— Жаль, что мы так и не смогли проверить, остановился ли Теренис на Черных островах.

Моряки, которых мы допросили, сказали, что молодой капитан надолго их покинул, чтобы повидаться с другом, в один голос заявляли, что он владеет магией воды и что их целью является пересечение Великого моря в поисках новых земель и несметного

богатства. Для этого-то они и остановились на Черных островах — наполнить трюмы провизией и запасом пресной воды.

— Даже если это был он, мы никогда не узнаем. Главное, что он покидает империю и не собирается поддерживать наших врагов.

— Кроме власти тебя ничего не интересует, — ворчливо произнес я, откидываясь на крепком кресле из дуба.

Всегда прошу дать мне обычную каюту, не люблю роскошь и золото. К этому меня приучил отец. Заядлый картежник, харизматичный мерзавец, он убедил меня, что жизнь в скромности украшает. На самом же деле он проигрывал все вплоть до мебели. Хорошо, что вторая жена, мать Снежи, заставила его остепениться. Безобразная, толстая как бочка женщина, на которой он женился ради солидного приданого, обладала на редкость крепким стержнем и суровым характером. Когда отец проиграл часть ее украшений, она так его избила, что он больше не подходил к игровому столу. Также благодаря ей он бросил пить и кутить по злачным местам. А сколько лет она пыталась заставить его вернуться во дворец и продолжить службу! Хорошо, что пока не удалось. При дворе слишком много соблазнов, а отец плохо противостоит искушению без своего личного сторожевого пса.

— Меня многое интересует, — с улыбкой, от которой таяли женщины, сказал Тавр.

— Умерь свое очарование, знаешь же, меня тошнит от твоих трюков, — буркнул в ответ.

Ненавижу жеманство. Забавно, что Маримар лишена этого качества в отличие от своего жениха.

— Это не трюки, Роах. — Принц подошел к камину, в котором пылал магический огонь, протянул руки, греясь. — Я такой, какой есть. И всегда был таким. Магия возвращается в наш мир, это настоящее чудо. Боги снова смотрят на нас и видят нас.

— Ты говоришь о богах так, будто веришь в них.

Я не спешил сообщать Тавру о том, что видел, как богиня обращается к Маримар. Увидев на ее руке символ, я поднял документы из архивов и изучил несколько легенд. В разрозненных землях, которые сейчас объединены империей, раньше верили в мужскую и женскую ипостаси богов. Богиня — жена, мать, любовница, воительница, и бог — ее супруг, воин, отец, ученый. Со временем

люди перестали в них верить, строя лишь обезличенные храмы четырех стихий. Но изначально история гласила, что стихии воды и земли — дары богини, огня и воздуха — бога. Богиня — созидательница и разрушительница, бог — создатель нового, вечный новатор.

— Я верю в богов, Роах, — спустя несколько минут молчания произнес Тавр, задумчиво глядя на морскую гладь. — Настоящие драконы снова парят над землей, Чак-Чо следует за Маримар, золотая олениха пришла к Роману. Ты — последний, наделенный силой элементаря, к кому не пришел зверь-покровитель.

— Синяя птица удачи, — усмехнулся я.

Никто их не видел. Они были пугливы и переменчивы, как сама судьба, а может, и вовсе не существовали. На древних фресках их изображали огромными, как орлы, или похожими на диковинных павлинов, а иногда в виде созданий с крыльями и женскими головами. Легенда гласила, что если эта птица пролетела над тобой и спела, то удача будет сопутствовать весь день.

— Возможно, ее не существует, как призрачен и золотой век, который должен настать, когда четыре элементаря обретут свои силы.

— Ты пессимист, Роах. Войны уже окончены, это ли не признак наступления золотого века?

— Я реалист, а это — сладкая мечта. На самом деле, чтобы что-то было правильно, это что-то надо построить. А создание нового неизменно сопровождается разрушением старого. Сотни тысяч солдат скоро останутся без работы. Кормить армию более не выгодно. Империя едина как никогда. Куда ты отправишь этих солдат, Тавр? Только половина желает осесть на земле и создать семью. Другая неизменно жаждет крови. Это в их натуре. Многие начнут собираться в шайки и грабить, остальных придется использовать для борьбы с первыми.

Принц покачал головой и не нашелся, что ответить. Он слишком полагался на свою магию и способности Маримар и не думал о том, что правитель должен делать с простыми людьми.

Я же продолжал, чувствуя, что холод, исходящий из моей души, снизил температуру в комнате до нуля.

— Ты больше всего на свете хотел власти. Ты получил ее. Теперь распорядись ею с умом, или правление Тавра Красивого, — так принца

окрестили в народе, — продлится недолго.

Мне хотелось скорее вернуться в столицу. Мне смертельно необходимо было увидеть Маримар и посмотреть в ее глаза-океаны. Мою Маримар, что бы ни говорил Тавр. Мысленно я пронесся через море вместе с северным ветром, чтобы посмотреть, как она спит. Иногда мне казалось, что я действительно могу ее увидеть в светлой комнате во дворце, в столь неподходящей ей огромной кровати с тяжелым балдахином. Она бы смотрела в окно и думала обо мне, слыша завывания ветра. Слыша безмолвный крик моей души.

Маримар

Холодный бриз трепал мои волосы. Корабль на всех парусах легко шел против течения реки. Уже издали видна была массивная фигура графа, играючи управляющего судном, его короткие платиново-белые пряди ветер не трогал, ведь Роах сам был ветром. Тавр стоял на носу корабля и приветливо махал мне рукой. Я пока не могла разглядеть лица, но уверена, он улыбался. Сердце защемило от радости. Вот он, мой Тавр, скоро обнимет меня, и я расскажу ему обо всем, что произошло во время его отсутствия.

— Мари! — воскликнул он, и ветер донес его крик до пристани. — Мари!

Толпа горожан, пришедшая поглазеть на принца и принцессу, восторженно вздохнула. Наша любовь была главной темой для разговоров всей империи. История встречи обросла невероятными подробностями, в театрах ставились спектакли, в которых Тавр боролся за меня с драконом и возвращал с Востока, мои способности к магии воды пробуждались благодаря его поцелую, а Роах зачастую играл роль отвергнутого любовника, строящего козни влюбленной чете. Несколько писателей уже нажились на этих пьесах и не собирались останавливаться в творчестве. Писаки вообще народ ужасный, напридумают невообразимого, а мне с их фантазиями потом жить.

Наконец корабль пришвартовался, и Тавр стремительно вышел вперед, чтобы заключить меня в объятия. Раздавшийся со стороны женский визг был привычным явлением, кто-то лишился чувств, увидев наследника престола. Так принц иногда влиял на женщин,

увидевших его впервые. Роах не сошел следом, взмыл в воздух. Прежде чем он улетел, ветер донес до нас его слова «Продолжайте представление, встретимся во дворце. Мы так и не смогли отыскать Терениса».

От его холодных слов я как всегда почувствовала укол вины. Порой мне хотелось, чтобы Роах никогда не возвращался с севера, чтобы он обрел счастье и не стучался ледяным ветром в окна моей спальни. Иногда. Но обычно мысль о том, что граф покинет нас с принцем, пугала до дрожи в коленках — одно его присутствие внушало чувство безопасности.

Поцелуй Тавра был нежным и легким, словно дыхание весны.

— Я так по тебе скучал, — прошептал он.

Почувствовала, как что-то теплое наполняет меня, как растекаюсь восторженной лужицей от его слов и ласкового взгляда. С трудом взяв себя в руки, сказала:

— Многое произошло за время твоего отсутствия. Меня снова попытались убить. Дважды. — Принц отстранился, в золотых глазах заплескалось беспокойство, и я поспешила его успокоить: — Все в порядке. Во время одного из покушений рядом оказался умелый воин. И я назначила его своим советником.

— Мне стоит начать ревновать? — тон принца мгновенно сменился на игривый.

Мы медленно шли к карете, взявшись за руки. Чак-Чо двигался следом, внимательно вглядываясь в толпу. Зверь чувствовал себя виноватым после происшествия на празднике.

— Не думаю, что отец Роаха составит тебе конкуренцию.

Тавр оступился.

— Ты шутишь! — воскликнул, глядя на меня во все глаза.

Когда я мотнула головой, он откровенно заржал.

Утонченный, всегда контролирующий эмоции, жесты и выражение лица, наследный принц, будущий император, согнулся пополам и ржал на площади перед своей золотой каретой. А я не могла понять, что стало причиной столь бурного веселья.

— Раух — твой советник? Раух, проигравший в карты родовой замок! И его сын сейчас едет во дворец. Мари, я должен увидеть их встречу! Как же взбесится граф... Я до такого не смог бы додуматься:

назначить советником Рауха, минуя его сына. Ты великолепна, Мари! Ты просто восхитительна!

Тавр сгрел меня в охапку и поцеловал так крепко, что у меня колени подогнулись. Принц с Роахом постоянно пытались насолить друг другу, в этом был стержень их взаимоотношений. Что ж, видимо, я умудрилась испортить жизнь графу, сама того не подозревая. Но мне Раух не показался глупым картежником, как о нем отзывался Тавр, напротив, производил впечатление благородного дворянина. Когда я озвучила свои мысли принцу, тот, только успокоившись, снова принялся смеяться.

— Он благородный дворянин только тогда, когда рядом его стокилограммовый сторожевой пес.

Я попыталась представить эту удивительную собаку, охранявшую отца графа от опрометчивых поступков.

— Что за порода такая? Северный мастиф? Может, я смогу для матушки такую достать... — задумчиво пробормотала, вызвав очередной приступ смеха своего жениха.

Мне, конечно, приятно быть причиной его веселья, но я не понимала, почему Тавр буквально ржет, и оттого чувствовала себя не в своей тарелке.

Кучер распахнул дверцу кареты, подал мне руку. Я бы спокойно залезла и без его помощи, а еще лучше поскакала бы на Рыське. Но статус обязывал.

— Его жена. Мачеха Роаха, — наконец соизволили объяснить мне. — Только она умеет держать Рауха в узде, и, если ее нет поблизости — а столь примечательную особу, поверь, ты бы заметила издали, быть беде.

Веселья своего жениха я не разделяла. Не хотелось верить, что взяла на службу некомпетентного человека, доверила ему свою жизнь.

Тройка лошадей бодро поскакала вперед. Золоченая карета тронулась легко и без рывка.

— Люди меняются, — твердо заявила принцу. — И я не буду ни о ком судить по их прошлому.

— Так ли это? — Золотые глаза сузились, блеснули в полутьме. От веселья не осталось и следа. — Ведь меня ты судишь по прошлому.

Я понимала, о чем он. Этот разговор между нами велся не в первый раз.

— Сложно не судить, когда твои бывшие любовницы постоянно строят мне козни. — Тавр вздохнул, а я продолжила: — И я не буду твоей любовницей. Я буду твоей женой.

— Одно другому не мешает, — буркнул в ответ принц.

Ему надоело вынужденное воздержание, а дальше поцелуев я до свадьбы заходить не хотела. Мы уже спорили на эту тему, хотя, с другой стороны, она была единственной причиной разногласий между нами и вскоре будет закрыта. О чем и заявила Тавру. Он положил голову мне на колени, лучи закатного солнца, пробравшиеся сквозь занавеси на окошках, окутали сиянием золотистые волосы. Тавр поднес мою руку к губам, поцеловал каждый пальчик. Если бы Чак-Чо не дремал на полу и не попахивал мокрой псиной, момент был бы восхитительно романтическим.

— Прости. Мы с тобой проведем всю жизнь вместе. Давай не будем ругаться. Лучше расскажи, что творилось в столице в мое отсутствие.

Я охотно поведала обо всех нововведениях, о том, как прошел праздник. Рассказала о покушениях и о том, что нападающим помогает ведьма, а круг подозреваемых уже очерчен, и вскоре я проведу допрос.

— Я бы не злил дворянство так сразу, — со вздохом сказал принц. Он поерзал на моих коленях, устраиваясь удобней. — Врага нужно ослаблять постепенно. В следующий раз, когда решишься предпринять нечто грандиозное, обсуди это со мной, пожалуйста. Большая политика — не игрушка. — Я уже расстроено склоняла голову, когда принц продолжил: — Но я тобой горжусь. У меня бы не хватило смелости замахнуться на то, что сделала ты.

Чак-Чо перевернулся на бок, издав низкое урчание, а я улыбнулась.

— Пусть лучше ты будешь прекрасным принцем, а я злым цербером. Уверена, аристократы уже вовсю строчат тебе письма с требованием утихомирить вышедшую из-под контроля невесту.

Мы подъехали к воротам дворца, Тавр тягучим движением поднялся с моих колен.

— К их разочарованию, я нахожусь полностью в твоей власти. Почти как Раух под каблуком своей супруги.

Придворные выстроились в шеренгу, приветствуя своего будущего императора. Тавра при дворе любили, это меня не очень.

Большинство дам обмахивались веерами, выставляя вперед открытые декольте, невзирая на прохладу. Тавр даже бровью не повел в их сторону, полностью сосредоточившись на мне. А я в который раз задумалась о том, как бы отправить всех этих прихлебателей Терениса-старшего по домам. Обязательно исполню свой план, как только Тавр станет императором. Потому что дворец большой, а поговорить не с кем. Все бесконечные развлечения знати — карты, выпивка, балы, шумные застолья в вечнозеленых садах — навевали на меня тоску.

Раух возглавлял мою свиту, словно утка утят. Девушки из храма Кровавой богини послушно следовали за ним, внимая каждому жесту. Он учил их, как лучше охранять императрицу, и мои защитницы, хорошо усвоившие уроки, низко нам откланялись и растворились среди придворных.

После того как советник отпустил своих подопечных, он направился ко мне и склонился в глубоком поклоне, всем своим видом показывая, что кланяется именно мне, а не принцу. Если Тавр и заметил что-то, то бровью не повел. Придворные пялились на меня и мое новое доверенное лицо, я чувствовала, что каждое мое слово, каждый вздох и взгляд, как всегда, станут предметом для разговоров. Может, потому я и хотела уничтожить старую аристократию. Большинство из них давно ни на что не годились, кроме как распускать сплетни.

— Ваше высочество, мой сын ожидает вас. Он просил и меня присутствовать при разговоре.

Я кивнула, стараясь выглядеть как должно императрице. Не хотелось бы, чтобы Роаху приписывали больше власти, чем он и так имеет. Советник послушно последовал за нами с принцем, когда мы удалились в приемную, которую я любила за зелень и золото в интерьере. Там ждал граф в окружении нескольких покрытых коркой льда чашек.

Отец с сыном смерили друг друга тяжелыми взглядами. А ведь у них одинаковые глаза. Раух встал за моей спиной, выражая полную преданность. Тавр коротко оглянулся, проверяя, хорошо ли заперта дверь и нет ли за ней любопытных ушей, он был как всегда практичен. Граф безуспешно пытался согреться. В последнее время у него это выходило все хуже и хуже. Даже взгляд словно обледенел. Я раскрыла объятия, предлагая свое тепло, но мужчина не сдвинулся с места. Меня

его поведение немного обидело, но вида не подала. Опустив руки, с порога сообщила радостную новость:

— Теренис-младший был здесь и написал отречение от престола. Как и полагается, кровью. — Жестом фокусника достала из одной из многочисленных юбок, которые создал для меня Фиримар, заботливо свернутый документ.

Тавр внимательно изучил каждое написанное Теренисом слово.

— Моя прекрасная невеста, ты не представляешь, что сделала для нашего будущего. Но как ты смогла его убедить?

Граф поднялся из-за стола и, используя силу своей стихии, переместился к нам по воздуху. Придирчиво осмотрел свиток.

— Вроде почерк Терениса... Ты уверена, что это был именно он?

Я кивнула.

— В его планах — пересечь Великое море и, если удастся, открыть новые земли. Он не желает править империей.

— Это большое облегчение для всех нас, — тихо промолвил Раух.

Было видно, он чувствует себя не в своей тарелке. Даже попытался спрятаться за моей спиной от сына, который всем своим видом показывал, что не желает, чтобы отец находился здесь. Что бы ни произошло между ними, это заставляло Рауха испытывать такое бескрайнее чувство вины, что оно стало почти осязаемым.

— Тебя никто не спрашивал, — жестко оборвал его граф. — Маримар, почему мой отец решил, что он твой личный советник?

— Потому что он мой личный советник, — ответила тем же холодноватым тоном.

— Опрометчивое и отнюдь не мудрое решение. Этот человек ненадежен.

— Я сама решу, кто надежен, а кто нет.

Мне не хотелось вникать в семейные склоки клана Ледяного Ветра. Хватило знакомства со вздорной сестрой графа, которая считала, что я для него не лучшая компания. Роах, нужно отдать ему должное, не вынес сор из избы, не стал вспоминать о старых обидах, просто продолжил:

— Маримар, немедленно отправь моего отца обратно на север. Имеется ряд проблем, которые при дворе сыграют как с ним, так и с тобой злую шутку.

— Я не стану никуда отправлять человека, который спас мне жизнь, — прорычала в ответ.

— Я настаиваю, чтобы ты это сделала. Очень глупо не слушать меня.

— Вы забываетесь, граф. Здесь не академия, а я не ваша студентка. Более того, перед вами будущие император и императрица, а вы не следуете протоколу, не удосужились даже встать, когда мы вошли. Вам напомнить, что вы зависите от меня физически?

Последние слова вырвались у меня помимо воли, и я бы хотела взять их обратно. Сильным мужчинам нельзя напоминать об их слабости. А то, что графа поглощал холод его стихии, было слабостью. Роах переменялся в лице, я не только задела его гордость, но сделала это перед людьми, которых он, мягко говоря, не любил. Тавр вдруг заинтересовался узором на ковре, Раух перед своим властным сыном почти слился с тенью.

— Я найду кого-нибудь другого, чтобы согреться, — зло пообещал Роах мне в ответ.

Он не услышал — не захотел? — что я обязана его отцу жизнью. Не высказал слова благодарности человеку, который спас его любовь.

— Надеюсь, Ану не откажет вам в дружеских объятиях. Потому что в моих вы не окажетесь.

Тавр приблизился ко мне, коснулся руки, успокаивая. А мне было обидно. Роах не уважал никого. Ни своего отца, ни меня. Привык быть самой яркой звездой на небосклоне, абсолютно не слушая других. Пусть он и говорил, что живет, чтобы служить мне, и что любит меня, но на самом деле служил империи и был предан ей, а меня считал неразумной девчонкой, неспособной принимать решения.

— На том и порешили. Сейчас необходимо обсудить нововведения, которые появились в наше с Тавром отсутствие. Ваше высочество, — склонил голову граф, напоказ «позабыв» о нашей перепалке.

Остаток дня мы корректировали проект, о введении которого я объявила на празднике, чтобы в империи не началась гражданская война. Изменения в законе позволяли многим аристократам выкрутиться, затрагивая только обедневшие и потерявшие влияние рода магов. Теперь только они должны были доказать, что нужны двору. Мне такие послабления не нравились, но спорить с

Тавром и Роахом я не посмела. Тем более что принц пообещал, что я получу свое, но со временем.

— У нас с тобой вся жизнь впереди, — вещал Тавр тем вечером, поднося мои пальцы к губам.

Клан Ледяного Ветра поселился в северном крыле дворца, и оттуда сразу начал исходить лютый холод. Пришлось приказать растопить печи. В итоге по коридорам дворца гуляли холодные и горячие потоки воздуха, из-за чего придворные дамы резко полюбили тонкие шерстяные шали.

После сложного дня мы с принцем расходились по своим комнатам.

— Давай не будем наживать столь много врагов одновременно. Разберемся для начала с одними. Ты говоришь, тебя пытались отравить магией ведьм. С этого врага и начнем. И, Мари... — Я поглядела в золотые глаза Тавра. — Отец Роаха и правда ненадежный человек, пристрастный к азартным играм. И если ты хочешь, чтобы он не навредил тебе, вызови во дворец его жену. Тогда мне будет спокойней за тебя.

Пообещала, что так и сделаю. За это я и любила Тавра. Он слышал меня, не пытался за меня решать. Позволял мне совершать ошибки и самой их — исправлять.

— Доброй ночи, Мари. Тебя завтра ждет не менее сложный день.

— Почему?

— Забыла... — В золотистых глазах заискрилось веселье. — Фиримар будет снимать мерки для свадебного платья.

Я застонала. С большим удовольствием отправилась бы допрашивать подозреваемых в нападении или в одиночку патрулировать квартал Красных Фонарей.

Принц запечатлел теплый поцелуй на моих губах.

— Я понимаю, что ты устала за время моего отсутствия. Постарайся отдохнуть и хоть один вечер не ввязываться в сомнительные приключения и не заниматься переустройством империи.

Пообещала, что не буду. И действительно не ввязывалась. Ровно до полуночи, когда в мои покои постучался Роман.

Заспанная, я отворила дверь. Мой рыжий друг выглядел как всегда бодрым и отдохнувшим. В том, чтобы быть магом земли, есть свои

преимущества.

— Маримар, я уснуть не могу, — протянул он. — Впусти меня, в карты поиграем.

А я как раз заснула крепким и спокойным сном. Подавив желание выставить друга за дверь, впустила его в свою комнату.

— Что случилось? — прошептала тихо.

Не стал бы Роман будить меня посреди ночи, просто чтобы поиграть в карты.

— Кажется, я знаю, кто похитил твои волосы и отнес ведьме.

Несколько дней я прикидывалась, что с ума схожу от головной боли, и мы наблюдали за теми, кто заходил в мою комнату. Я уже допросила всех слуг. Одну горничную поймала на том, что она воровала платья и мелкие побрякушки, решив, что я их не считаю, другая имела нездоровую страсть к примерке моих туфель, но на этом все. Никто не похищал волосы с моей расчески. Я уже начинала думать, что кто-то мог просто подобрать их. В конце концов, была весна, и как обычно я стала «линять», отчего мои красивые темные волосы собирались в не очень красивые комки и могли валяться на полу, пока их заботливо не убирали.

— Тебе не понравится ответ.

— Не теми, Роман.

Я теряла терпение, было неловко стоять в полупрозрачной ночной рубашке, пусть даже перед лучшим другом. Тот, к счастью, вообще не воспринимал меня как женщину.

— Это была одна из телохранительниц. Она выбежала из твоей комнаты, зажимая что-то в руке. Сначала я принял ее за тебя, у нее похожее телосложение, темные волосы. Но если ты похожа на хищного зверя, то она скорее на лань.

— Лилиан...

Я вспомнила о девушке, которая отправилась вместе со мной на запад. Она и Шара были первыми, кто вызвался стать моими защитницами. Сердце неприятно кольнуло от такого предательства. Я встряхнула головой. Рано предъявлять обвинения. Пусть даже мысленно.

— Мы сейчас же пойдем в комнаты, где живут девушки.

Не было смысла оттягивать неизбежное. Если Роман ошибся, и Лилиан пришла ко мне в спальню по другой причине, я об этом узнаю.

Если нет... подпишу приказ о ее казни.

Набросив шелковый халат Тавра, вышла в темноту коридоров. Роман уверенной походкой следовал за мной, хотя я лишь недавно научилась ориентироваться во дворце и перестала теряться в его закоулках.

Девушки жили в комнатах на первом этаже. Я поселила их в гостевых с видом на вечнозеленые сады, не разрешив отправить в крыло для слуг. Когда я отворила дверь комнаты, в которой жили Лилиан и Шара, девушки вскочили с кроватей. Они мгновенно реагировали на любой шорох.

— Что случилось? — настороженно спросила Шара, выжывая из-под подушки клинок, готовая в любой момент броситься меня защищать.

Я подняла ладонь в успокаивающем жесте.

— Шара, будь добра, выйди. Мне нужно поговорить с Лилиан.

Девушка удивленно моргнула, но без вопросов покинула спальню.

Ни с кем из телохранительниц я не пыталась завести дружеские отношения. Немногое о них знала. Мы не делились девичьими секретами и не делали друг другу прически, за исключением одного раза. Но я доверяла им. Считала, что смогла им помочь, когда вывезла с земель Востока, где женщины были практически бесправными.

Лилиан тоже встала с кровати и смотрела на меня, как теперь казалось, затравленным взглядом. Усмирив свою подозрительность, я спросила:

— Ты недавно заходила в мою спальню?

Девушка покачала головой.

Я взглянула на Романа.

— Это определенно была она, подруга, — сказал он.

Роман не стал бы лгать и не перепутал бы. Но на всякий случай я применила магию голоса.

— Говори правду.

— Да! Я была там и взяла твои волосы, — выкрикнула Лилиан и закрыла рот руками.

Ощущение от предательства было сравнимо с ударом клинка.

— Почему? — мягко спросила, проглатывая подступающую к горлу горечь.

— Я люблю его, — прошептала она, склонив голову. От волнения в голосе девушки проступил восточный акцент. — Я так его люблю!

Понятно, о ком она говорит. Я не раз замечала, что Лилиан бросает на принца восторженные взгляды. Так смотрит щенок на любимого хозяина.

— Ты его даже не знаешь, — попыталась объяснить ей.

Я знала, как Тавр действовал на женщин. Знала, что они готовы совершать ради него безумные поступки.

— Я знаю его! Он благороден и добр, он защищает эту землю и всеми силами стремится избежать войны, которую вы раздуваете! — Последние слова буквально выплюнули мне в лицо.

Оказывается, так мои действия воспринимались со стороны.

— Поэтому ты попыталась меня убить? — спросила, не прибегая пока к магии.

— Убить? — Черные глаза девушки широко распахнулись. — Я отнесла ваши волосы ведьме, чтобы она приготовила отворотное зелье. Она сказала, что Тавр разлюбит вас и полюбит меня, как только она совершит обряд.

Я тяжело вздохнула, прежде чем переспросить девушку, вплетая в свой голос магию голоса. Она слово в слово повторила сказанное прежде.

Хоть маску на жениха надевай. Или вуаль, как принято на Востоке. Его красота буквально сводит женщин с ума.

Расспросив Лилиан, где она отыскала ведьму, и велев забыть разговор и уснуть, вышла в коридор, где меня дожидалась Шара.

— Завтра утром Лилиан должна вернуться домой. Собери ее вещи и отвези в порт с первыми лучами солнца, — приказала, чувствуя, что вымещаю раздражение и обиду на неповинной девушке. Она этого не заслуживала, и, пытаясь смягчить грубость, я добавила: — Очень на тебя рассчитываю.

Шара не стала задавать вопросов, только кивнула.

— Я просила ее выбросить из головы романтическую чушь про принца. Ей будет лучше вдали от него.

— Сообщи мне в следующий раз, если кто-то из девушек воспылет к нему любовью.

Шара снова кивнула. Наверное, подумала, что я неуверенная в себе ревнивица. Но лишний раз позорить Лилиан не хотелось, ей и так

достанется взбучка от настоятельницы храма.

В свои спальни возвращались молча. В голове зрел план на новый день. Придется Фиримару заниматься свадебным платьем без меня.

Роман положил руку мне на плечо, поддерживая. Я устало оперлась на него.

— Будь уверена, я в Тавра не влюблен.

— И на том спасибо. Завтра утром отправимся навестить ведьму.

ГЛАВА 5

Чем занимаются принцессы по утрам? Расчесывают длинные волосы, наносят легкий макияж, пьют мятный чай, томно разглядывая пейзаж из окон своих покоев. По крайней мере, именно так я представляла будни нормальных принцесс. Стоит ли говорить, что я ей не была.

Ну какая нормальная принцесса будет стоять ранним утром перед воротами квартала Красных Фонарей, держа под уздцы старую чалую кобылу? Именно в этом квартале, как призналась Лилиан, и обитала ведьма, торгующая любовными зельями.

Наш с Романом план был прост: я должна прикинуться очередной влюбленной в принца девушкой, служанкой из дворца. Шара смогла изменить цвет моих глаз на темно-карий, кожу я затемнила с помощью косметики, а волосы убрала в высокую, не свойственную мне прическу. Принцессу Мари все знали, как светлокую брюнетку с синими глазами, разъезжающую на породистом скакуне в сопровождении Чак-Чо. Зверь не хотел оставлять меня одну, так что я заперла его в комнате с большим напольным аквариумом, полным живой рыбы. Пока он всю не выпотрошит, обо мне и не вспомнит. Шара и остальные девушки из храма Кровавой богини отправились провожать Лилиан.

Ведьма, торгующая зельями, жила в неблагополучном районе квартала, куда моряки и солдаты отправлялись в поисках недорогой любви на одну ночь. Утром район был мертв, оживал лишь с приходом темноты, тогда над домами загорались алые огни, возвещающие, что их обитательницы готовы принять посетителей. Потому квартал и получил подобное название.

Роман должен был подъехать через полчаса, мы условились, что он обойдет здание с заднего входа и вызовет меня, если запахнет жареным. Я никого не стала посвящать в свою авантюру с поимкой ведьмы, потому что не хотела лишней мороки с привлечением вооруженного отряда. Войти, расспросить ведьму, используя магию голоса, привести во дворец, если она виновна в покушении. Сомневаюсь, что в таком крохотном домике есть хоть какая-то охрана.

Ненавижу квартал Красных Фонарей. Его было хорошо видно с верхних этажей школы Танцующих леди, и девочки знали, что их ждет, если им не посчастливится стать младшими женами. Каждый день с закатом квартал наполнялся искателями удовольствий. Правда, мы видели только первый ряд домов, где отдыхали состоятельные посетители.

Респектабельные аристократы с тугими кошельками могли позволить себе любой вид наслаждения. Глядя из окон школы на жизнь квартала, я заметила, что старики выбирали себе самых молодых девушек, юнцы без усов часто отправлялись к женщинам за тридцать, чтобы набраться опыта в любви. Приходящие компаниями мужчины подначивали друг друга, безудержно пили и возвращались по домам, где их поджидали жены.

Вторая линия строений в квартале уже не поражала роскошью, которой изобиловала первая. Сюда заходили торговцы и состоятельные ремесленники, девушки уже не блистали внешностью и часто поджидали клиентов на улице, зазывая в домики.

Третью линию я предпочитала не видеть. Именно сюда отправлялись бедняжки, не сумевшие построить карьеру куртизанки и не выскочившие вовремя замуж. Некрасивые, или не способные преподнести красоту, старые, больные... Они становились объектами желания простых работяг. Также в этой части квартала находились дома, где курился опиум и творились разные извращения.

Я заприметила двухэтажное строение, о котором мне сообщила Лилиан. Здание блекло-желтого цвета с черепичной крышей и двумя подъездами. Над одним из них висел красный фонарь, над дверью другого была нарисована лягушка. Туда мне и предстояло войти. Я старательно изобразила глупое, обеспокоенное выражение лица, с таким директриса в школе Танцующих леди учила слушать мужчин, когда те говорили о работе. «Вы должны внушить им, что они куда умнее вас. Мужчина любит чувство превосходства», — говорила она на занятиях по смене масок. Знала бы я, как часто эти маски пригодятся мне в жизни, не стремилась бы срывать уроки.

Лошадь послушно шла вперед, не реагируя на разбросанный мусор и неприятный запах. Я привязала ее возле поилки с водой, не боясь, что кто-то польстится на клячу, и вошла, отворив скрипящую дверь.

Меня окутала бархатная тьма и странное чувство, будто бы я находилась на грани мира.

— Есть здесь кто? — крикнула в темноту коридора. — Меня зовут Лиссар, я здесь, чтобы увидеть Синюю ведьму. — Так называла себя женщина, продающая зелья.

— Входи, дитя мое, — раздался приятный голос, дверь в комнату, которая возникла из темноты, распахнулась, из нее появилась бледная рука.

Какая театральность! Я изобразила ужас и залепетала, приближаясь к входу:

— Подруга рассказала мне об этом месте. Я влюблена, а он выбрал другую... Помогите мне, умоляю.

С этими словами я переступила порог комнаты, еще острее ощутив это место как иное, и почувствовала себя бессильной. Резко дернулась, словно испуганная лошадь, инстинкты кричали бежать отсюда как можно скорее.

На круглом столе в середине комнаты без окон горела одинокая свеча и стояли два стула. На одном из них восседала ведьма — высокая костлявая женщина, состоящая из одних углов. На ней было великолепное платье, которому позавидовала бы любая аристократка.

Понятно, отчего ведьма назвала себя Синей. Волосы и брови ее были удивительного темно-синего оттенка, по всему телу бежали татуировки, кожа под некоторыми из них покраснела, значит, нанесены они были недавно. Метка на моей руке предостерегающе нагрелась. Я чувствовала, что, несмотря на обманчивую хрупкость, эта женщина представляет опасность. Я присела на стул напротив улыбнувшейся мне хозяйки.

— Здравствуй, Маримар. Я очень рада, что ты сама пришла ко мне.

Эти слова заставили попытаться вскочить и броситься наутек. Безуспешно. Я оказалась прикованной к стулу неизвестно откуда взявшимися кожаными лентами, лишенная возможности пошевелиться.

Ведьма расхохоталась.

Это была ловушка.

Роах

Из головы не выходила вчерашняя ссора с Маримар. Грубости, высказанные друг другу, были лишними. Демоны преисподней!

Я взглянул на серое, покрытое тучами небо, поднялся над землей, чувствуя ласковое дыхание ветра. Среди облаков промелькнула крохотная птица с оперением удивительного синего оттенка. Никогда прежде таких не видел.

Я могу улететь куда угодно, взмыть в бескрайнюю высь, но единственное, чего хочу, — быть рядом с Мари. Пусть даже она любит этого смазливового, насквозь фальшивого... К слову, о принце. Мне нужно с ним поговорить.

Тавра я обнаружил за стопкой бумаг, которые он не глядя подписывал, делая глоток за глотком своего любимого сладкого вина.

— Разоришь ты империю со всеми этими празднованиями, — пробурчал я, заметив бесконечные столбцы о расходах.

— Наша свадьба с Мари должна стать событием века.

Привычно утихомирив стихию, готовую взорваться от слов принца, подошел к окну, из которого открывался вид на сад, вспомнил о цели своего визита.

— Мне необходимо твое разрешение, чтобы отправить Ану на Дальний Восток в храм на Золотых горах.

Тавр кивнул. Горы эти были частью империи лишь формально. В их вышине жили монахи, тренировавшие свои силы по управлению стихиями, и они могли научить парня сдерживать разрушительную мощь своей. Поскольку принц Ану официально был заложником Тавра, именно он имел право решить, дать ли ему разрешение на тренировки по контролю или обречь его на ношение браслетов с бошником на всю жизнь.

— Удивительно, что тебя волнует судьба этого юноши, — бросил Тавр.

— Меня она не сильно волнует, просто Ану — область моей ответственности как ректора академии.

— Кстати об этом. Ты желаешь им остаться? Помнится, отец назначил тебя на эту должность в наказание.

Покойный император решил, что я получил слишком много власти, командуя его войсками. Военные со временем стали вернее мне, чем ему, и это зародило в Теренисе сомнения. Почувствовав, что

может не удержать власть, он отправил меня работать ректором в военную академию, посчитав, что этим ослабит и унизит. Но даже сейчас, вспоминая о Теренисе-старшем, я не испытывал к нему ненависти. Собачья верность магам воды течет по крови как яд.

— Я останусь главой академии. Так что насчет Ану?

— Пусть отправляется в Золотые горы. Империи нужен могущественный маг огня, а не раб силы.

Тавр знал, что я сам ежедневно борюсь со своей стихией, пытаюсь окончательно не замерзнуть. Раньше мне помогала Мари. Теперь придется искать альтернативу. До этого я неплохо скрывался от холода в страсти. Подумать только, хотел купить Маримар в первый день нашей встречи именно для того, чтобы она согревала меня по ночам! Неудивительно, что я ей противен. Да, чуть не забыл...

— Изменения, о которых объявила твоя невеста, необходимо закрепить законодательно. Сомневаюсь, что Маримар подписала соответствующие указы. Она слишком полагается на силу слова.

Тавр, молчаливый, но не слишком довольный, достал подготовленный документ. То, что излишне резко и с юношеским максимализмом проделала Маримар со знатью, подрывало положение принца: аристократы были готовы терпеть на престоле кого-то без магии воды только в том случае, если их желания ставились на первое место.

— Иногда она напоминает мне моего отца. Видимо, все маги воды со временем привыкают, что их слово действительно закон. — Принц запустил руку в золотистые пряди.

Отрастил шевелюру, как женщина. Я снова невольно сравнил нас, прикоснувшись к своей военной стрижке. С длинными волосами неудобно сражаться.

— Она мудрее, а главное, добрее Терениса. С такой императрицей нас ждет процветание.

— Она заперла в комнате Чак-Чо и пропала, — сообщил Тавр со вздохом, оспаривая мои слова. — Фиримар ищет ее по всему дворцу.

Он выглянул в окно, небесную голубизну почти перекрыли густые темные тучи. Где бы ни была Маримар, ее настроение оставляло желать лучшего. Меня кольнуло беспокойство. Это чувство показалось мне настолько правильным, что я спросил:

— Она сообщила, куда направляется?

— Ищет ведьму, насколько я знаю, — пожал плечами Тавр. — Ее телохранительницы утром отбыли в порт, среди них затесалась предательница.

По тому, как спешно Тавр уткнулся в бумаги, я понял, что он о чем-то умалчивал.

— И ты отпустил ее одну?!

В душе медленно разгорался гнев, растапливая лед. Одно из самых приятных чувств. Ненависть разрушала меня, а гнев придавал сил. Почти так же, как любовь.

— Я предоставляю ей свободу и не пытаюсь управлять, — высокомерно заявил этот осел.

— Ей восемнадцать лет! — воскликнул я, поражаясь вспыхнувшему в сердце огню. — Да, она умна, сильна физически и духовно, но ей всего восемнадцать, и ее надо оберегать.

— Оберегать, но не ограничивать. — Тавр сделал глоток вина, жидкость искрилась в бокале, разбрасывая алые отблески. — Мари отправилась на приключение с Романом, он сумеет излечить любую ее рану.

Не став спорить, молча вышел за дверь. Ведьмы зачастую сильнее магов. Демоны! С таким безрассудным поведением рано или поздно Маримар угодит в настоящие неприятности. Я было направился к себе, чтобы подготовить документы о переводе Ану, но ноги сами понесли меня на балкон.

Тавр — осел. Маримар не может справляться со всем одна. А в последний раз, когда Роман помогал ей в возрождении Черного леса, он сам едва не погиб. Я никогда не ставил своей целью выявление ведьм столицы. Сегодня я найду их всех. Не успев даже подумать, как ускорить поиски, увидел идущих по коридору отца и сестру. А ведь и правда, в моем распоряжении есть еще два носа, способных учуять магию ведьм.

Маримар

— Ты — ошибка природы, — молвила ведьма, обходя меня по кругу.

Что она имела в виду, оставалось загадкой, но было неприятно.

— Природа не делает ошибок, — ответила ей не своим голосом.

Ведьма поморщилась, взялась за мою ладонь.

— Богиня оставила на тебе метку. Когда-то она даровала такую же мне. — Женщина поднесла к моим глазам запястье с выцветшим рисунком. На нем была изображена чаша, но татуировка словно желала сбежать с кожи женщины. Ведьма продекламировала с усмешкой: — Истинная императрица, она правительница, она же жрица. Не думаю, что что-то из этого пророчества сбудется.

— Отпустите меня, — приказала, устав слушать бредни, но она лишь рассмеялась.

— Ни одна из твоих сил не работает в этой комнате.

Ведьма обвела помещение рукой. Я не видела ничего, кроме темноты и горящих свечей. Сказать можно все что угодно, поэтому я все равно попыталась вызвать влагу из воздуха. Темнота не слушалась. Повторяла попытку за попыткой, но единственным результатом стала головная боль.

— Кто ты такая?

— Я — Синяя ведьма. Мой клан, как и все прочие, был почти полностью уничтожен магами воды. Мне пришлось многим пожертвовать, чтобы остаться в живых. — Она повернула голову, и в свете свечей я заметила, что под татуировками на шее видны следы старых шрамов.

— Что ты собираешься со мной сделать? — спросила, чтобы потянуть время.

Ведьма не знает о подкреплении в виде Романа, которое уже в пути. Пусть думает, что полностью владеет ситуацией.

В этот момент в комнату вошли две девушки и встали по обе стороны от ведьмы. Вид у них был какой-то сонный, словно они находились в трансе.

— Мы извлечем из тебя магию и отдадим достойному. У меня в этом богатый опыт.

Я не смогла удержать тихого возгласа. Старый император постоянно пил из бутылочки какую-то жидкость, которая позже оказалась сжиженной жизненной силой магов. Благодаря ей его болезнь отступила, а сил прибавилось. Стоит ли говорить, что маги вряд ли пережили отделение своих способностей. Ведь способности — это наша душа.

— Это ты продавала Теренису зелье!

Женщина наклонилась ко мне, взглянув полными глазами. Она выглядела молодо, но меня не покидало ощущение, что за ее внешностью скрывается старуха. Дыхание ее пахло мятой, маскировавшей другой запах, сладковато-зловонный.

— И не только Теренису. Если хочешь знать, многие готовы хорошо платить за возможность увеличить свои способности.

Пламя свечи на столе плясало как безумное.

В голове не укладывалось, где ведьма брала магов для своих зелий. Никто бы не пропустил исчезновения стольких... Боги, я идиотка... Бесповоротная, безнадежная тупица!

— Девушки из школы Танцующих леди. Это ты стоишь за их исчезновением?

Ведьма расхохоталась.

— Сначала я основательно проредила ряды местных потаскушек, коих в квартале были десятки со способностями к магии. Видишь ли, эти девушки никому не нужны. Незаконнорожденные или те, от кого родители стремились избавиться, как от тебя когда-то. Я поняла, что никто не задаст вопросов, если и будущие куртизанки тоже просто пропадут. Каково же было мое удивление, когда к школе была приставлена охрана.

Мои руки мелко тряслись. Я была так озабочена идеей закрытия квартала, что не думала, что станет с его обитательницами. Теперь я понимала слова Аделины. Их действительно было некому защитить.

— Они мертвы? — Голос меня не слушался.

— Жалеешь незнакомок? Не все. Многие из них пережили извлечение волшебной сути. Как вот она, например. — Женщина указала на бледную фигуру справа от себя. Девушка вся будто выцвела. Ее некогда карие глаза потеряли краски, волосы и кожа были тусклыми, а лицо не излучало никакого интереса. — Выжившие охотно помогают мне во всем. Возможно, и ты вскоре присоединишься к ним.

— Сомневаюсь, что они хоть что-то делают охотно. Эти девушки — твои рабыни. Очнитесь! — воскликнула, пытаясь до них достучаться, но обе не шелохнулись.

— Снова это мнимое благородство. Разве тебе есть до них дело?

— Я не потерплю несправедливости в своей империи.

— Она не потерпит... В своей империи... — снова расхохоталась ведьма. — Уже возомнила себя великой? Сколько я таких повидала... Теренис, к слову, тоже вещал такими же фразами. «Я все делаю для страны», «Империя — смысл моей жизни». Охотился на меня, пытался убить, а потом, когда судьба от него отвернулась, сам пришел за моей силой. — Ведьма была явно старше, чем показалось сначала. Я пыталась определить ее возраст, она тем временем продолжала: — Тебя я изучила и знала, что ты влезешь в ловушку сломя голову, никого не поставив в известность. Ты ведь никому не сказала? — В ее голосе звучал смех.

Неужели я настолько предсказуема? Дернулась, но путы удерживали крепко. Дурья моя башка, хорошо, что Роман вот-вот появится и вытащит меня отсюда. Боевой маг земли способен на немыслимое, он легко уничтожит все здание вместе с ведьмой и ее безвольными подручными.

Дверь в комнату отворилась, и двое мужчин внесли моего друга. В отличие от девушек они выглядели вполне в своем уме.

— Этого куда? — спросил тот, чья шевелюра неуловимо отливала синевой.

— Рыжие волосы, зеленые глаза... — Женщина рассматривала Романа. — Бессмертный элементаль земли. Не давайте ему очнуться. Потом решу, что с ним делать.

— Хорошо. Подготовить все для ритуала?

— Да, мой мальчик, — в голосе женщины прозвучала ласка. — В этот раз сила приживется, и *он* будет доволен. — Это «*он*» было произнесено с благоговением, будто речь шла о полубоге. Затем внимание Синеи ведьмы вновь сосредоточилось на мне. — А ты пока поспи, — она опустила руку мне на голову, — тебе предстоит сложный вечер. Возможно, последний в твоей жизни.

Стоило ей произнести это, как мое сознание заполонила ласковая тьма, душившая меня, невзирая на все попытки вырваться из ее объятий.

Роах

Отец и Снежа отправились один в северном, другая в западном направлении. Я сомневался, что ведьма прячется в богатых кварталах

города, поэтому просил прочесать окраины. Сестра, которую пришлось посвятить в семейную тайну клана о способности чують магию ведьм, пришла в восторг и воскликнула: «Теперь понятно, чем так воняет от Тавра!», вопреки серьезности момента вызвав улыбку. Сестренка правильно раскусила природу принца, даже его красота не помешала. Отец перед уходом сказал о ведьмах, что прячутся в трущобах. «Эти безобидны. Родственники нашего будущего императора». Его слова сильно сузили радиус поиска.

Я облетел кварталы, где работали ремесленники и торговцы, задерживался над конюшнями и скотными дворами, приближался к каждому подозрительному зданию. Поиски были тщетны. Возможно, стоило вернуться во дворец, может, Маримар уже там и всюду уплетает свои любимые пирожные...

Недалеко от квартала Красных Фонарей я завис, размышляя, стоит ли уже сейчас повернуть обратно или попробовать помочь отцу и сестре. Ко мне вдруг подлетела крохотная пичужка и с интересом начала накручивать надо мной круги. Обычно пернатые шарахались, принимая меня за хищника, эта же, казалось, вот-вот усядется на плечо. Я протянул руку, но птица отлетела, чтобы я не мог ее коснуться.

— Здравствуй, красавица, — шепнул ласково.

Никогда не имел привычки разговаривать с животными, но эта крошка с искрящимися в тусклом свете перьями навевала какое-то приятное чувство. Малышка повернула голову, коротко чирикнула высоким голосом в знак приветствия и была такова.

«Не пытайся ловить удачу за хвост. Она сама придет к тебе, когда будет нужно». Я потрясенно прикоснулся ко лбу. Сходить с ума рановато, а голоса в голове — будто признак приближающегося безумия.

Неожиданно сильный порыв ветра донес до меня нестерпимо сладкое благовоние, но мной оно воспринималось как запах разложения и мертвых цветов, как амбре мусорной свалки и душного тесного помещения с десятком вспотевших людей. Если от Тавра пахло лишь увядшими цветами и жженым сахаром, то от этого смешения вони ведьм мне захотелось взвыть. Поморщился, инстинктивно желая отвернуться, но взял себя в руки. Где-то творилась темная магия, нужно было поспешить.

Легко опустился на черепичную крышу старого здания. Вокруг него благоухали заросли мяты, обычно отвлекающие от запаха ведьм, и, если бы не удача, я пролетел бы мимо этого места и даже не заметил.

Подобравшись к распахнутому окну, заглянул внутрь. Солнце, на миг выглянувшее из-за туч, осветило ряд золотистых знаков, украшающих подоконник. Интуиция подсказывала, что лучше их не трогать. Осторожно влетев внутрь, опустился на паркетный пол. Комната принадлежала мужчине — всю ее меблировку составляли большая кровать и платяной шкаф.

Раздался громкий крик. Это была Маримар.

Стремглав пронесся по темному коридору, чувствуя, как с приближением к источнику шума силы покидают меня. Еще ребенком в книгах об охоте на ведьм читал про подобную магию, она вытягивала всю энергию из магов-стихийников, оставляя их безоружными. Хорошо, что я не относился к идиотам, полагающимся только на свою магию. В руке оказался длинный нож, подарок отца Ану. Восточные кинжалы славились своей остротой.

Безошибочно определив комнату, из которой тянуло зловонием, одним ударом ноги вышиб дверь. Картина, открывшаяся взору, оказалась неутешительной. Роман валялся без сознания, связанный веревками из боцника. Маримар лежала на огромном черном камне с широко раскинутыми в стороны руками. Ее крик свидетельствовал о ее полном отчаянии. Над сопротивлявшейся девушкой склонилась ведьма, шепчущая что-то на незнакомом языке. По обе стороны от нее стояли крепко сбитые парни, неумолимо напоминающие лошадей-тяжеловесов. Где-то в стороне пел хор одурманенных девиц, насчитал их с десяток.

— Убери нож, и никто не пострадает.

Мой голос резал, как осколок льда. Холод магии, что вытягивала ведьма, возвращался ко мне с утроенной силой, буквально парализуя сердце. Видимо, невозможно полностью обессилить того, кто сам по сути Ледяной Ветер.

Ведьма занесла нож, восприняв мои слова как сигнал к действию. Я швырнул свое единственное оружие, с поразительной меткостью попав ей в запястье. Женщина взвыла. Парочка амбалов как по команде бросилась ко мне с двух сторон. Они обладали огромной

физической силой, но совершенно не умели ей пользоваться. Повалил их, сломав одному ногу, другому выбив коленную чашечку.

— Мама! — взвыл мужчина от сильной боли.

Сомневаюсь, что ведьма являлась ему матерью. Даже с расстояния видел, что ей не больше тридцати. Я подлетел к баюкающей поврежденную руку женщине, отбросил ее в сторону. Маримар извивалась на алтаре, пытаюсь выпутаться, одно из ее запястий повернулось под неестественным углом. Такая болезненная техника освобождения от оков преподавалась нашим домашним берсерком его любимым ученикам. Не знал, что моя Маримар попала в их число. Когда я схватил ведьму за шею, Мари уже освободила руку и спешно развязывала вторую.

Женщина с отливающими синей тьмой волосами от короткого контакта с моей ледяной кожей вздрогнула.

— Ты из клана Ледяного Ветра... — сорвалось с ее дрожащих тонких губ. — Это палач! Бегите, сыновья!

Два огромных мужика, которые могли бы попытаться еще раз со мной сразиться, как зайцы побежали наутек. Девушки в стороне продолжали подвывать нечто заунывное, не замечая творившегося вокруг безумия.

— Не убивай ее! — прохрипела Маримар сорванным голосом. — Я должна знать, на кого она работает.

Я заломил ведьме руки за спину.

— Ты арестована за нападение на наследницу престола.

— Ты не моя смерть, — спокойно изрекла женщина. — Ты не достигнешь меня сегодня. Таршиуриену-смаркам! Атакуйте его.

Девушки очнулись от транса и бросились в атаку. Они не обладали физической мощью или умениями, но шли в мою сторону с таким упорством, будто остановить их могла только смерть. Одна из них ударила меня по глазам, и я потерял концентрацию. Воспользовавшись этим моментом, ведьма вырвалась из моих рук.

— Догони ее! — закричала Маримар.

Я выбежал в коридор, отбившись от девиц, как от надоедливых мух, но было поздно. Ведьмы и след простыл.

Маримар

Она пыталась принести меня в жертву как козу на закланье, и я почти ей позволила. Глупая, глупая я. Запястье все еще горело, я не слишком удачно сместила суставы, чтобы вытащить руку из плена. Страшно было осознавать, что смерть почти настигла меня. Если бы не Роах...

Он погнался за ведьмой, но я уже знала, что найти ее не выйдет. Девушки, чей кукловод сбежал, бродили по комнате с пустыми лицами. Жуткое зрелище. Никогда не испытывала ужаса, но то, что открылось перед моим взором, внушало дикий страх. Не смерти — страх потерять саму себя.

Соскользнув с черного камня, побежала к Роману. Голова его еще кровоточила, но рана затягивалась. Надо было вывести его из этого дома, магия земли мигом его исцелит.

Я как раз взваливала друга на плечи, когда вернулся Роах. Он молча забрал у меня ношу.

— Как ты... — я не успела закончить фразу.

— Нашел тебя? Чистая удача. Эй, вы! — Девушки оглянулись на громкий голос. — Быстро во двор!

К моему удивлению, марионетки послушно засеменили к выходу. Меня они даже не слышали, когда применяла магию. Граф нес Романа, но не сводил с меня тяжелого взгляда.

— Почему они послушались?

— Ты сама знаешь, магия не всегда имеет значение. А сейчас — за мной. Сама идти можешь?

Я кивнула. За исключением поврежденного запястья и уязвленной гордости, ничего плохого со мной произойти не успело.

Мы миновали темные коридоры, где погасли магические огни, как только ведьма сбежала, и вышли во двор. Девушки встали в тени раскидистой магнолии. Три из них прижали ладони к земле, две уставились в небо, одна прямиком на солнце, словно то вовсе не жгло ей глаза. Хорошо, что было облачно.

Роман шумно вздохнул, как только граф опустил его на полянке под деревом. На лицо вернулись краски, но он пока не очнулся.

Наконец Роах обратил внимание на меня. Его взгляд метал молнии, холодный ветер закручивался вокруг вихрем. Когда мужчина подошел ко мне, выглядел так, будто сейчас ударит. Вместо этого одна

его рука легла мне на талию, другая с пугающей нежностью приподняла подбородок.

— Не... — запротестовала я, но сопротивление было сломлено коротким приказом «Помолчи».

Ледяной смерч впустил меня в свои объятия, будто там я и должна была находиться, и закружил вокруг нас, когда холодные губы графа нашли мои. Он целовал меня с жадностью, словно умирал от жажды и нашел живительную влагу. Он сминал мой рот, лишал дыхания, а хилый протест, готовый сорваться с моих губ, не был услышан. Мои руки сами собой взлетели вверх, чтобы зарыться в коротких густых волосах. Роах тихо застонал и усилил напор, а у меня подкосились колени. Когда мы оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Военная форма графа больше не сидела с иголочки, я чувствовала, что волосы мои растрепаны, впрочем, как и мысли. Мы с Роахом смотрели друг на друга, я видела свое отражение в его глазах, и сейчас, когда понимала, что наделала, меня охватил стыд. Граф, напротив, выглядел довольным.

— Я тут глазки открыл. Вот это страсти! — донеслось с полянки.

Я покраснела от ушей до пяток, осознав, что за нами с интересом наблюдал Роман. Граф перевел на него холодный взгляд.

— Сейчас слетаю за подмогой, чтобы лекари занялись девушками, а затем вы подробно и четко расскажете, как здесь оказались. До скорого.

Роах посмотрел на меня долгим взглядом, коротко улыбнулся, так что сердце сжалось, и взмыл в воздух. Из-под дерева раздалось деликатное покашливание, привлекшее мое внимание. Роман растянулся, как кот, нежащийся на солнышке, и рассуждал:

— Знаешь, Маримар... Я, конечно, понимаю, что у вас, женщин, в голове все чудно устроено... Но, может, все-таки бросишь ты этого принца? Хороший же мужик граф.

Послав ему какой-то язвительный, но не слишком продуманный ответ, я тяжело вздохнула. Рассеявшиеся было тучи снова собирались над нашими головами, но они больше не были черными.

Я не буду думать о том, что мое сердце опустилось куда-то в пятки, как только меня коснулся Роах. Не буду думать о том, что даже не вспомнила о Тавре, пока целовала графа. Не буду размышлять, почему в минуты опасности думала именно о Роахе. Вместо ненужных

пока раздумий стоит сосредоточиться на поимке Синей ведьмы, на поиске того, кому она хотела передать мои силы, и попытаться вернуть души девушкам, что с потерянным видом бродили рядом.

Как и обещал Роак, вернулся он с подмогой. Из карет, примчавшихся в квартал Красных Фонарей, вышли лекари, которые поспешили к пострадавшим. Тавр прибыл с ними, но он первым делом направился ко мне, взял за руки, отчего я слегка поморщилась. Я отказалась от помощи Романа в лечении запястья, пусть боль какое-то время послужит мне напоминанием, что я сама виновата в произошедшем.

— Что случилось, Мари? — Тавр нежно провел пальцами по поврежденной руке, и от его простой ласки боль отступила.

— Тебе что-нибудь говорят слова «Синья ведьма»?

Принц поморщился, будто ему на язык выдавили сок лимона.

— Как она выглядела? — спросил, словно не веря мне. — После краткого описания похитительницы Тавр тяжело вздохнул. — Я ее знаю, — сказал он, чем поверг меня в шок. — Она обучала меня магии, когда я был подростком и еще не отыскал свою тетю и девочек. Она говорила что-то обо мне?

Я покачала головой. К нам подошел приземлившийся Роак. Я избегала смотреть ему в глаза, но граф, как обычно, сразу перешел к делу.

— Дом ведьмы обыщут, предметы изымут для экспертного заключения. Тавр, сможешь присоединиться к группе и предоставить отчет? Разумеется, анонимно.

Мы не хотели, чтобы в империи стало известно, кем был ее будущий правитель. Долгое время в стране преследовали и казнили ведьм.

— Он ее знает, — прошептала я.

Зубы графа скрипнули так громко, что впору было беспокоиться за их сохранность.

— Тавр, расскажи подробнее, — прозвучало приказом.

Принц снова вздохнул.

— Я был юн, когда мы познакомились. Она обучала меня не только магии... Мы были близки. — Видно, что Тавру неприятно об этом вспоминать, тем более при мне. — Магия Лорель, так зовут ее на самом деле, основана на жертвоприношениях. Когда дело шло о

смерти животных, я помогал ей, познавая новое. Но вскоре понял, что ее магия — это нечто темное, что Лорель идет против законов природы. И отказался ей помогать.

— Почему ничего не сказал, когда узнал о темной магии, что пронизала столицу? — Граф медленно оттеснял меня от принца в стремлении защитить.

Это было столь естественно, что я сама не поняла, что происходит. В любую секунду Роах был готов броситься на наследника престола. Я встала между ними, преградив ему путь.

— Я подозревал, что это может быть она, но сильно сомневался. В нашу последнюю встречу... Я был уверен, что убил ее.

Этого мы не ожидали.

— Как это случилось? — спросила.

Тавр заговорил быстро, словно сами воспоминания причиняли ему боль.

— Лорель была одержима идеей захватить мага воды и овладеть его способностями. Она похитила маленького Терениса и пыталась обуздать его дар. Я вовремя вмешался и смог спасти племянника. Лорель не ожидала, что я нападу на нее, иначе бы у меня не было преимуществ. Она истекала кровью, когда бежала из дворца, я ранил ее в живот. Теренису я постарался стереть память о произошедших событиях, но с тех пор он мучился кошмарами и все время боялся, что его попытаются убить. В этом есть и моя вина.

— Надо было сказать правду, — зло отчитал его Роах.

Еще бы, он столько лет верил Теренису-младшему, считавшему, что дядя желает его смерти, а история Тавра объясняла все.

— Это позор. Я впустил змею во дворец, — сказал принц, глядя куда-то в сторону. — Да, я был молод, а она завораживала меня своими знаниями и умениями. Но это не оправдание. Моя оплошность чуть не стоила жизни племяннику, а теперь и тебе.

Взяла ладонь Тавра, поцеловала место, где бился пульс. Я люблю этого мужчину. Я буду его женой, и кто, если не жена, простит ошибки молодости? В конце концов, я тоже допустила ошибку, ответив на поцелуй графа. О ней мне еще предстоит рассказать, я не буду скрывать случившееся от жениха. Роах видел мой жест, возможно, это его задело. Но он сам отдал меня Тавру, пусть и под влиянием старого императора. Теперь он пожинает последствия своего решения.

— Теренис жив, я тоже. Главное, найти ведьму и узнать, для кого она хотела похитить мою силу.

Небо прояснялось. Девушек отправили в лазарет, где им должны оказать помощь. Я обязательно навещу их и постараюсь помочь, если лекари не смогут. Но не сейчас. В первую очередь нужно отыскать Лорель, чтобы больше ни с кем не произошло ничего подобного.

ГЛАВА 6

— Ваше высочество, я понимаю, вы желаете вернуться к государственным делам, но постойте, пожалуйста, спокойно пять минут!

Повышенный голос Фиримара говорил о том, что я порядком его достала своим поведением. С помощью бесконечного количества острых булавок он подкалывал белое свадебное платье, по подолу которого вился синий узор, похожий на всполохи синего пламени или морские волны. Выглядело одеяние просто волшебным, облегая тонкую талию и подчеркивая грудь. При этом Фиримар умудрился скроить его так, что наряд не стеснял движений и делал меня визуально немного выше и уж точно гораздо заметнее. К платью полагалась фата из восточного кружева, вытканная вручную и украшенная мелкими сапфирами и аквамаринами. Новую корону Тавр заказал у лучшего мастера империи и на мой вопрос, к чему такое расточительство, заявил о необходимости подчеркнуть мой статус как императрицы, показать, что я не приложение к императору, а самостоятельный правитель.

Он куда лучше меня разбирался в символизме одежды.

Мне же не терпелось спуститься в дворцовые катакомбы, где допрашивались заинтересованные в моем исчезновении лица. Благодаря письмам, оставленным Теренисом-младшим, мы смогли очертить круг подозреваемых. Всего во дворец были приглашены двадцать глав крупных семейств, не желавших каких-либо изменений в установленном порядке, всем им, мягко говоря, я не очень нравилась. Кто-то из них обязательно должен был быть тем самым достойным, о котором говорила Лорель.

Роах беседовал с подозреваемыми, запугивая их, после чего Тавр отпаивал потерпевших вином, если те оказывались невиновны. На таком контрасте кнута и пряника будущий император представлялся наипрекраснейшей кандидатурой на трон, а количество наших врагов непрерывно таяло.

Конечно же мне хотелось спуститься к графу и посмотреть, как он ведет допрос! Может быть, помочь ему. А тут Фиримар со своими

платьями и булавками. Я дернулась, отчего маэстро воткнул иголку мне в ягодицу.

— Ай!

И тяжелый вздох в ответ:

— Идите, идите. Закончу сам.

Переодевшись в форму академии, побежала вниз. Стража услужливо расступилась. Я шагнула в темницы, брезгливо стряхивая красную пыль, моментально прилипшую к подолу. Голоса доносились из дальней камеры.

— Вы выводите меня из себя.

Я подошла и заглянула через решетку. Граф широкими шагами расхаживал по помещению.

— Я слышал, это не так-то просто. Может, вы стареете? — насмешливо отвечал красивый парень с большими темными глазами и орлиным носом.

Он сидел в неудобной позе с пристегнутыми за спиной руками. Кажется, представителя клана Горного Огня, жившего в одном из отдаленных районов империи, звали Маркус. Я и не знала, что и их не устраивала новая власть.

— Клан гор признает силу. Мы не будем подчиняться женщине.

— Ваш новый император — мужчина.

— Все знают, что принц Тавр еще женственной своей невесты и во всем ей потакает. Эта избалованная девица, воспитанная только для того, чтобы ублажать мужчин, совершенно случайно оказавшаяся носителем дара, не годится, чтобы стать правительницей.

Его слова подействовали на меня как пощечина. Распахнув отвратительно заскрипевшую дверь камеры, предстала перед говорящими.

— Девочка, а ты что здесь делаешь? — ласково поинтересовался заключенный.

— Принцесса Мари из клана Синего Огня, повелительница воды и избранная Чак-Чо, — представил меня граф.

Прикованный парень не сдержал улыбки:

— Красива, как и рассказывали. Это правда, что вы влюблены в эту девчушку?

Роах промолчал, а подозреваемый заулыбался еще шире. Я собью с него спесь.

— Значит, вы считаете, что я не достойна трона?

— Не обижайся, девочка, но нам хватило старика на престоле. Ребенок не нужен.

Роах возобновил допрос:

— Связывались ли вы с Синею ведьмой? Еще она называет себя Лорель.

К моему удивлению, мужчина не стал отпираться и кивнул.

— Захаживала такая. Говорила, что за хорошую плату может продать мне силу мага воды. — Мои глаза округлились, Маркус тем временем продолжал: — Только я не идиот, чтобы верить подобным сказкам. Выгнал ведьму.

Мы с графом переглянулись. До того как Роах успел освободить мужчину, я сказала:

— Вы, клан Горного Огня, признаете только силу. Что если я смогу победить вас в честном бою? Это заслужит ваше уважение?

— Я не дурак биться с магом воды, — хмыкнул он.

— Клянусь, что не буду использовать магию, если и вы не сделаете того же.

Маркус окинул меня быстрым взглядом.

— Если ты сможешь меня побить, я ничего не стою как мужчина. Но сомневаюсь, что ты это сделаешь.

— Если я смогу вас побить, вы присягнете мне на верность. И подпишете Кровавый договор, согласно которому вы и ваши потомки станете служить моим.

Я почувствовала, как напрягся граф. Парень же рассмеялся.

— А если нет, с меня снимаются все обвинения.

— Сегодня. Бьемся без оружия, на кулаках. Побеждает тот, кто устоит на ногах.

Мы назначили время и место, и Роах развязал Маркуса, после чего холодным тоном сообщил:

— Доказательств против него хватило бы, чтобы отправить его на рудники и конфисковать имущество. Это он, Маримар, заколдовал те стрелы, что полетели в тебя на празднике приветствия лета.

— Значит, он умелый маг. А мы не можем позволить себе роскошь разбрасываться умелыми магами.

Граф тяжело вздохнул.

— Маркус — бывалый воин. Он мужчина и совсем не похож на юнцов, с которыми ты дралась на ринге академии. Он может воспользоваться моментом и попытаться тебе навредить.

Я и сама понимала, как глупо себя повела. Но изменить сказанное невозможно. У Тавра есть способ справляться с врагами, заманивая их в путы своего очарования. У Роаха... Его репутация от замороженного во всех смыслах воина идет впереди него. У меня тоже должен быть такой способ. Я заставлю себя уважать, заставлю видеть в себе не девочку со способностями к магии воды, а воина и правительницу. Если ради этого придется поймать несколько стрел и кинжалов и получить пару раз по лицу, так и быть, я пойду и на это.

— Иногда мне кажется, было бы лучше, если бы ты была такой, как видит тебя Маркус, — признался Роах сам себе.

— Разве ты полюбил бы меня тогда? — ответила вопросом на вопрос, не боясь задеть его чувства.

Его любовь ко мне была фактом, замалчивание которого ничего бы не изменило.

— Нет, нравом ты волчица. Только такую женщину я бы и мог полюбить.

Я вышла из сумрачных катакомб, отряхивая красную пыль с туфелек. Роах остался продолжать допросы. Как оказалось, Лорель посетила многие дома аристократов, пытаясь продать мою силу, что усложняло поиск того «достойного», о котором она говорила.

Направилась наверх, в солнечные комнаты. Там звучал смех, раздавался звон бокалов, наполненных любимым сладким вином принца.

Распахнув двери, увидела Тавра. Волосы его сияли золотом в свете солнца, пробивающегося сквозь многочисленные окна. Он улыбался и шутил с теми аристократами, чья вина оказалась минимальной. Их мы планировали переманить на свою сторону. Трое мужчин и одна женщина, раскинувшиеся на удобных кушетках, усыпанных разноцветными подушками, вмиг замолчали и настороженно уставились на меня.

— Моя прекрасная невеста, Мари! Как продвигаются примерки? Меня терзает любопытство, что за платье Фиримар приготовит на день свадьбы.

Тавр обнял меня и поцеловал в губы, от ласки я невольно расслабилась, на секунду позабыв о делах, однако это продлилось недолго.

— Нам надо поговорить.

Принц еще раз улыбнулся гостям, нежно взял меня под локоть и вывел в другую комнату.

— Что случилось?

Я рассказала о разговоре в катакомбах. Тавр поморщился, узнав о назначенном бое с Маркусом.

— Ты снова собой рискуешь, — вздохнул принц.

Только сейчас я заметила, каким уставшим он выглядел. Ему явно надоело развлекать гостей.

— Я не рискую, а создаю репутацию.

— Мари, не все решается мордобоем, — из его уст было непривычно слышать подобное слово, — к тому же ты никогда не сражалась с настоящим воином. Маркус не просто так является главой клана. Откажись от боя, Мари. Удача не может вечно сопутствовать тебе.

Я упрямо склонила голову. И он туда же. Хотя бы от него ожидала поддержки. Стоило один раз попасть впросак с ведьмой, и мне больше никто не доверяет. Я знаю, что могу справиться с этим.

Тавр хотел что-то сказать, но я его перебила:

— Увидимся вечером. Моим секундантом будет Роман.

Тавр

Не люблю подземелья. Темно, грязно, пахнет смертью. Запаха смерти в моей жизни уже хватило. Когда мама горела на костре, отец подозвал меня смотреть. Помню, как он изучающе уставился на мое лицо, ожидая увидеть слезы. Я был совсем маленький, но не плакал. Маме это было не нужно. Мы смотрели друг на друга, она тихо шевелила губами, шепча, как любит меня, благословляя на всю мою жизнь. Я смотрел на нее и думал, что больше не позволю ни одной ведьме сгореть на костре.

Так и вышло. Я добился обещанного себе. Иногда думаю, что мне не нужна эта чертова империя, вот бы забрать ведьм, Мари и убраться в Черный лес, подальше от дворцовых интриг. Как ненавидел я

придворных, как презирал лживость, погоню за нарядами, бессмысленные балы. Мое место в лесной чаще, я хочу ходить босым и чувствовать ногами траву, хочу разговаривать с духами деревьев и земли. Но вместо этого пришлось стать лучшим в плеяде выдающихся лицемеров, иначе бы я не выжил.

Мари, Мари... Если она доживет до своего двадцатилетия, станет великой правительницей, тогда, может быть, я смогу оставить ее в качестве своей замены и уйти. Я никому не могу доверить судьбу ведьм. Если к власти подберется Роах, он снова откроет гонения.

Правда, с образом жизни Мари я начинаю в этом сомневаться. Мой отец тоже пьянел от своей силы. Считал, что может расправиться с любым врагом, даже со временем. И у него это получалось. Только вскоре он перестал считать жертвы, которые приносил в угоду своим амбициям. Мари пока рискует только собой, но ее жизнь слишком ценна.

Роах уже покинул казематы, что было мне на руку. Приказал стражнику отворить камеру Маркуса.

— Готов к бою с моей невестой? — спросил его, привычно улыбаясь.

Женщины в эту улыбку влюблялись, мужчины ее ненавидели, поэтому я не удивился злобной реакции Маркуса.

— Прикрываешься женщиной, не в силах сам за себя постоять?

— Ты не прав, я способен себя защитить. В конце концов, смог же заставить тебя оказаться в этой темнице.

Мой голос был медом и елеем, я годами учился говорить так, чтобы людям хотелось меня слышать. Красота лица не вечна. У меня в запасе двадцать-тридцать лет, а потом я потеряю свое главное преимущество.

— Сюда притащил меня твой ручной пес. Граф был очень дотошен, задавая вопросы.

Маркус повернулся ко мне одним ухом, из него сочилась кровь. Граф явно был сильно расстроен, раз применил свист. Если переусердствовать с этими звуками, человека можно свести с ума.

— Я распорядюсь, чтобы тебя вылечили, накормили, напоили и отпустили домой, если откажешься от боя, — перешел к делу.

У меня слишком мало времени, до свадьбы оставались считанные дни, а Маримар не проявляла особенного интереса к ее организации.

Мужчина смерил меня пронизывающим взглядом.

— И прослыть трусом? Ползи отсюда, змей. Я с легкостью могу победить твою невесту, и ты это знаешь. Вот и пришел сюда.

Он был слишком близок к правде. Мари не одолеть его в бою, что бы она о себе ни думала. Я попытался заглянуть в мысли мужчины, благо он сосредоточен на чем-то одном. Ого... За поясом припрятан кинжал, и Маркус думал только о том, как воспользоваться им против меня или Мари. Что ж, попытаюсь его спровоцировать.

— Ты и так прослынешь трусом. Ведь тебя легко удалось поймать. Да и попытка напасть исподтишка, заколдовав стрелы... — Я покачал головой и поцокал языком.

Маркус медленно багровел. Осталось добавить несколько капель яда, и чаша его терпения переполнится.

— Подумать только, и это глава клана Горного Огня. Нападать со спины, чтобы убить девушку... Храбростью тут и не пахнет.

Мужчина вскочил, выхватив нож, занес его надо мной.

— Зато я избавлю империю от тебя и твоей невесты!

— Брось! — приказал я, рука удивленного нападающего дрогнула, нож выпал.

— Ты же...

— Мой отец был магом воды. Неужели ты думаешь, что я не унаследовал от него никаких талантов? Стража!

Это была ложь. Моя магия не имела ничего общего с магией воды. Ментальные штучки были талантом Лорель, она меня и обучила.

Ворвавшиеся караульные скрутили Маркуса.

— За нападение на особу императорского рода ты проговариваешься к смерти. Немедленно. — Бросил быстрый взгляд на старшего охраны, тот меня понял и нанес смертельный удар.

Маркус упал на пол. Его кровь станет частью пыли, которой так знаменито это место. Я вышел из подземелий, позабыв о казненном и снова думая о Лорель.

Зачем ей понадобился маг воды? Сейчас, когда очевидно, что я собираюсь запретить гонения на свой народ, ей стоило бы меня поддержать. В конце концов, она меня когда-то любила. Так любила, что хотела уничтожить малыша Терениса. Напасть на ребенка — тяжкое преступление для ведьмы.

На верхних этажах дворца всегда царили смех и радость, пусть даже притворные. А внизу правили смерть и кровь. Я поднимался, оставляя позади ужасы подвалов. Нужно изучить меню к празднику и еще раз проверить список гостей. Политика, политика...

Мари точно взбесится, когда узнает, что я сделал, но я не могу рисковать ее безопасностью. Не могу ее потерять.

Маримар

В назначенное время я стояла на поляне в вечнозеленых садах и ждала. Десять, двадцать минут, но Маркус не показывался. Что могло пойти не так? Роман зевал, лицо его приобрело землистый оттенок — вчера он так лихо отметил сданные экзамены. Подозреваю, если кто другой выпил бы столько же, непременно умер.

— Что-то терзают меня смутные сомнения, что горец решил тебя прокатить. — Рыжий растянулся на земле и подложил руки под голову.

По небу неспешно проплывали тучные облака — показатель, что у меня медленно, но верно портилось настроение.

— Надо послать кого-нибудь во дворец, узнать, что случилось.

Словно в ответ на мое предложение по увитой розами лестнице к нам спустился принц Тавр. Его алые одежды развевались, волосы золотом сияли в летнем солнце, и при взгляде на него у меня на секунду перехватило дыхание.

— Сердце мое, — обратился он ко мне, — боюсь, твой соперник не явится.

Слова не сразу проникли в мое сознание. Роман, устойчивый к его очарованию, поинтересовался:

— Струсил?

— Умер. Маркус попытался напасть на меня.

Я подбежала к Тавру, выискивая на нем следы повреждений. Только капелька крови застыла на белом воротнике.

— Все в порядке, — принц нежно взял мое лицо в ладони, — я не пострадал.

В голове завертелась сотня вопросов. Почему Маркус напал на Тавра именно сейчас? Не спровоцировал ли его мой жених?

Он коснулся моих губ коротким поцелуем.

— Раз дуэль не состоится, может быть, проведем девушек, пострадавших от рук Лорель?

Я кивнула, мысли о Маркусе меня не тревожили. В который раз поймала себя на неприятной мысли: стоит человеку умереть, и я больше о нем не вспоминаю. Не умею я горевать по погибшим, когда есть столько нуждающихся во мне живых. Делает ли меня эта особенность плохим человеком?

— Я с вами. Жасмин ждет от меня подвигов. Может, смогу помочь кому-нибудь из бедняжек.

— Все еще не оставляешь надежды покорить Лесную деву? — спросил Тавр моего друга, когда мы двинулись к лазарету, где разместили девушек.

Тот залихватски улыбнулся, поправил волосы.

— За хорошенькими нужно побегать. Уж чем-чем, а временем на ухаживания я располагаю.

Роман никак не мог понять, что не все стены готовы пасть от одного упорства. Этот баловень судьбы не привык слышать слова «нет». А Жасмин не девушка, а зверь-покровитель. В первую очередь бессмертная золотая олениха, и только потом женщина и предок моего жениха.

— Иногда, чтобы добиться желаемого, мало всего времени мира, — с улыбкой заметил Тавр. — Я бы на твоём месте отыскал более человечную земную девушку.

Дельный совет. Однако Роман только усмехнулся.

— Может, попытаться завоевать сердце Маримар?

Я ткнула его в бок, друг рассмеялся. Тавр юмора не оценил, заявив сухо:

— Это сердце я не уступлю никому.

Миновав Вечные сады, через кованую калитку вышли к лазарету. Недалеко от дворца лечились все богатые люди столицы, здесь же проходили практику молодые врачи — маги земли, лучшие выпускники медицинской академии, которым суждено было отправиться в отдаленные уголки империи. Расположение лечебницы рядом с вечнозелеными садами объяснялось тем, что сразу за лабиринтом находилась небольшая территория, где больные могли гулять в любое время года, наслаждаясь теплым климатом нескончаемого лета.

Здесь мы и встретили жертв Лорель. При взгляде на них сердце обливалось кровью. Под наблюдением медперсонала они бродили меж деревьев, сидели на траве или тоскливо пялились на небо пустыми глазами.

При нашем появлении маги земли почтительно склонились. В одной из сестер милосердия я узнала Марину, сестру Романа и невесту нашего общего друга. Девушка махнула брату рукой, тот подбежал к ней, поднял на руки, словно сестра и не весила вдвое больше него.

— Я и забыл, что ты отправилась сюда работать. Как проходит подготовка к свадьбе?

Марина защебетала что-то о планах Самара. Мне она тепло улыбнулась, и я в который раз удивилась, как улыбка преображала эту девушку. Изначально родители Марины были против ее свадьбы со сквиром, даже несмотря на то, что Самар принадлежал к клану Серебряной Воды, побочной ветви императорской семьи. Однако парень, который был талантливым изобретателем, нашел доказательства, что у сквиров рождаются дети со способностями к магии, а значит, их с Мариной отпрыски имеют шансы быть магами воды. К тому же за друга горой встал Роман, пригрозив, что женится на ком-нибудь из квартала удовольствий, если родители не перестанут препятствовать двум любящим сердцам.

— Как поживают пострадавшие? — спросил Тавр Марину.

Та поглядела ему прямо в глаза без тени обожания, испытываемого большинством представительниц прекрасного пола по отношению к моему жениху. Нужно будет почаще приглашать их с Самаром во дворец.

С восторженного рассказа о предстоящей церемонии, которая через месяц должна пройти во владениях ее отца, девушка быстро переключилась на отчет о состоянии пациентов.

— Отделение магической сущности сопровождается такой болью, что вызывает смерть или потерю разума. И девушки более не восприимчивы к магии земли. Сколько бы энергии ни вливали в них лекари, не помогает.

— Им уже ничем не помочь, — грустно подтвердил Роман, оглядев потерянных учениц школы Танцующих леди.

Те, казалось, не замечали никого и ничего.

— Не могу с тобой согласиться, — возразила его сестра со свойственной ей деловитостью, вызвав во мне трепет надежды. — Я вижу положительные изменения, хотя мое мнение поддерживают немногие. Пусть никто из них больше не возобновит связь со своей стихией, но при должном уходе девушки смогут вернуться к жизни.

Марина поправила очки на носу. Мечтательность из ее глаз пропала, и этому уверенному взгляду хотелось верить.

— Я поговорю с лекарями, чтобы девушкам оказали всю посильную помощь. — Голос Тавра звучал виновато.

Я коснулась его руки, мысленно добавив: «Ты здесь ни при чем».

— Что мы можем еще для них сделать? — спросила сестру Романа.

Та покачала головой и тяжело вздохнула.

— Только не смейтесь надо мной, императрица Мари, — назвала меня титулом, который мне еще не принадлежал, — я молюсь за них. — Затем, словно пытаюсь оправдаться, Марина затараторила: — Я никогда не страдала чрезмерной религиозностью, но после того, как увидела этих девушек, стала часто ходить молиться в храм четырех стихий. И заметила, что пациентки пошли на поправку. Они перестали отказываться от еды, спят по ночам, не вздрагивая и не вскакивая от кошмаров. Говорят, молитва мага воды проникает в небеса и землю.

Еще год назад я бы похихикала над религиозной пылкостью Марины, но сейчас было не до смеха.

— Я помолюсь за них.

Тавр отправился переговорить с главным лекарем, Марина и Роман — осматривать других пациентов. Мой рыжий друг, воспринимающий любое событие, словно подарок судьбы, решил испытать свои силы на самых тяжелых больных. Я же присела в тени магнолии, вечно цветущей по прихоти одного из магов. Почему бы не помолиться прямо сейчас? Кто сказал, что для того, чтобы меня услышали, столь важны стены храмов?

«Богиня, земля, природа, дух всего живого... — Почувствовала себя немного глупо, но продолжила: — Эти девушки не заслужили подобной участи, магия в их крови была подарена им, и никто не имел права ее отнимать. Прошу, облегчите их судьбу. Верните рассудок и свободу воли, раз уж магия ими утеряна навсегда».

Я думала о несправедливости, о непоправимом уроне, который нанесла Лорель этим молодым прекрасным девушкам, об умерших во время ее страшных ритуалов, о том, что ленивые аристократы даже не задумывались, какой ценой они утоляют жажду молодости и силы.

Одинокая слезинка скатилась по щеке и упала на землю. Вторя ей, над больницей вдруг пролился теплый летний дождь. Я не раскрывала глаз, пораженная словами, что донес до меня ветер: «Справедливость будет восстановлена». Прозвучало, словно произнесено было всеми женскими голосами мира, так когда-то в храме на Востоке говорила со мной богиня.

Слезы смешивались с дождем, я оплакивала не погибших невинных, ведь их боли пришел конец, я печалилась о девушках, которым не суждено было стать любимыми и матерями, которые закованы в своих выцветших оболочках и которым я не смогла помочь.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, как резко высохли мои слезы. Оглядевшись, обнаружила столпившийся вокруг меня персонал больницы. После дождя, еще несколько секунд назад лившегося с неба, на зеленой полянке образовались переливающиеся круглые лужицы, капли на ветках и траве сияли, словно алмазы. Но не это приковывало взгляд. Рядом с тем местом, где я сидела, из земли бил чистый ручей, брызги воды взмывали в воздух, создавая яркую радугу.

— Истинная императрица, она правительница и жрица, — Роман одними губами прошептал не так давно прозвучавшее пророчество.

Словно очнувшись от дурного сна, девушки с удивлением озирались. Их волосы и глаза обрели прежние краски. Ожившие, они больше не походили на привидений.

— Где мы? Что мы здесь делаем?

Марина со слезами на глазах бросилась рассказывать им о случившемся. Девушки не верили объяснениям, одна из них попыталась призвать весенний ветер, и он тут же откликнулся на зов.

— С моими силами все в порядке! А последнее, что я помню, — прогулка с подругами. Потом меня подозвала женщина, красивая, добрая. И... все. Дальше туман.

— Это поистине невообразимо! — воскликнул почтенный лекарь. — Ваше высочество, не могли бы вы рассказать, что именно вы только что сделали?

— Помолилась, — ответила, не веря своим глазам.

Это было чудо. Настоящее чудо, доказывающее, что иногда слышимый в голове голос действительно принадлежит богине.

Ко мне стремглав подлетел Тавр, в его глазах светилась неподдельная тревога. Мне тут же вспомнились слова Роаха: «Согласно древнему закону жрец не может быть правителем». Я поднялась было, но снова опустилась на лавку из-за свалившейся на меня усталости. Принц все понял по одному моему растерянному взгляду.

— Ее высочество очень устала, — сказал он с чувством. — Мы отправимся обратно во дворец, а Роман, сын Родрика из Золотой долины, расскажет вам о том способе, которым помог принцессе снять злые чары.

Все взгляды обратились к моему рыжему другу, который после секундного замешательства расплылся в улыбке.

— Магия воды и земли могут подпитывать друг друга... — начал он свое повествование, словно был лектором в академии.

Я не знала, что Роман собирается напеть, но звучало убедительно.

— О чем ты молилась, Мари? — спросил принц, едва мы ушли с территории больницы.

Он поддерживал меня, потому как сама я шла с трудом.

— О восстановлении справедливости. О том, что девушки не заслужили того, что с ними случилось.

— Тебя слышит богиня, отвечает тебе. Значит, справедливости быть... — со странной смесью гордости и печали сказал Тавр.

— Видимо так.

Принц вдруг повернул в сторону лабиринта, где во время праздничных пиршеств обычно уединялись пары. Я не придавала значения смене направления, решив, что пройтись в тени деревьев куда как приятней. Тавр держал мою руку с благоговением, словно прикасался к чему-то святому.

— Ты ведь знаешь, что жрецы согласно своду древних законов не имеют права управлять государством? — спросил он, едва мы вошли под своды лабиринта, где зеленые стены создавали уютную тень.

Теперь понятно, почему принц повел меня этой дорогой. Есть забавное правило: «То, что происходит в лабиринте, остается там же». Когда-то я думала, что это касается только любовных утех

аристократов, но позже мне объяснили, что за пределы зеленых стен не выйдет любой секрет — они были заколдованы.

— Да, Роах сказал мне.

— Обо всем-то он первым узнает... — Тавр горько усмехнулся.

От его слов мне стало неприятно, действительно, стоило рассказать ему о том разговоре в карете. Я попыталась оправдаться:

— Не думала, что это так важно. Закон старый, Роах и сам о нем не узнал бы, если бы не произошедшее с Теренисом.

В тот роковой день Чак-Чо, мой волшебный зверь-покровитель, перегрыз монарху горло. Только ему было позволено совершить такое злодеяние и остаться безнаказанным. Император для наших земель важен как солнце. Поэтому-то мы знали, что, как только мы с принцем официально примем бразды правления, покушения должны прекратиться.

— Это чудо будет не единственным в твоём исполнении. Но даже у этого слишком много свидетелей, от всех избавиться я не смогу, — задумчиво протянул Тавр.

Я сжала его руку, мне не понравилось сказанное.

— Что значит — избавиться от свидетелей?

Не ответив, принц спросил:

— Скажи мне, Мари, что ты любишь больше — империю или меня?

Я обдумывала вопрос, поставивший меня в тупик. Мы шли по закоулку лабиринта, где когда-то я вывалилась на него из ветвей густых кустов, образующих стены. Тогда Тавр посчитал, что таким способом я решила его соблазнить...

Наконец ответила:

— Я люблю тебя гораздо больше.

— Предложи я убежать тебе... Прямо сегодня. Оставить трон, бросить все... Уйти в Черный лес и жить там. Быть жрицей, принимать и спасать ведьм и защищать со мной пределы Черного леса. Ты пошла бы на это?

Его слова ввергли меня в ужас. Думала, больше всего на свете принц мечтает стать императором, но сейчас, видя, как он передвигается в тени деревьев, вдруг вспомнила, как менялся он в королевском бору. Вспомнила тот день, когда Тавр, я и Роман оживили Черный лес и принц как заколдованный бродил среди

возрождающихся деревьев и выглядел счастливым. По-настоящему счастливым. Тогда я осознала, что обычно видела на его лице лишь бесконечную череду масок, а настоящий он — колдун, дитя природы.

— И кому тогда достанется империя? Пиявкам, что не брезгают пить зелья Лорель? Тавр, я люблю тебя, но не смогу простить себе, если стану причиной смуты. Потому что смута — это смерти. Так что нет. Предложи ты мне бежать, я откажусь.

Самой стало горько от своих слов.

— Ты действительно куда лучший правитель, чем я.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Да так, мандраж перед коронацией, — улыбнулся принц. — Ты ведь помнишь? Она уже через три дня...

Тавр так усердно готовился к нашей свадьбе, что я начисто забыла о его коронации. Словно свадьба была гораздо важнее того, что принц после положенного траура наконец примет принадлежащий ему по праву титул. Короновать Тавра должны были в храме четырех стихий, что располагался в центре столицы. В отличие от нашей свадьбы принц решил сделать церемонию скромной, а потом на улицах поставить праздничные столы, чтобы простой народ мог наесться до отвала. «Я не маг воды, — пояснил он мне свое решение, — поэтому церемонию лучше провести без помпы. Не стоит привлекать излишнее внимание к своей персоне».

— Забыла, — честно призналась.

Принц звонко чмокнул меня в нос в знак прощения.

— Просто не забудь встретить меня потом перед храмом. Внутри не заходи. Никто не должен знать о том, кто ты такая. Когда-то ты скрывала, что являешься магом воды, сейчас прошу тебя скрыть, что ты избранница богини.

— Но почему, Тавр? Какая разница, избрана я или нет?

— Что ты знаешь о жрецах храмов четырех стихий?

— Они мужчины, долго обучаются, раз в неделю проводят службы...

Я не была религиозна. Всегда считала себя сквиром, полагала это огромной несправедливостью, поэтому и не ходила в центральный храм в отличие от родителей, которые появлялись там время от времени.

— А еще им запрещено заводить семью и детей. — У меня по спине пробежал холодок. — Считается, чтобы служить стихиям, а когда-то богам, жрецы должны блюсти целибат, а жрицы оставаться непорочными.

— Значит, не быть мне жрицей, — рассмеялась.

Я хотела иметь детей, без них свою жизнь не представляла. Пусть не сейчас, а немного позже, но мне хотелось стать матерью. И я обещала себе, что какими бы мои дети ни были, какими бы дарами ни обладали, я всегда буду любить их. А целибат и дети — вещи несовместимые.

Тавр моего легкомыслия не разделял и даже не улыбнулся.

— Все не так просто. Я напишу письмо Ват, жрице, что так ревностно оберегала тебя в храме Кровавой богини, и узнаю о правилах целибата для женщин. Мы ведь не хотим навлечь на себя проклятье.

Вспомнила высокую стройную женщину в годах, которая была готова любой ценой защищать меня от свихнувшегося Ану. Как и я, Бат носила на руке символ избранности. А затем на память пришла Синяя ведьма, и я едва не стукнула себя по лбу.

— У Лорель на руке была татуировка! Она тоже жрица!

Тавр кивнул, но лицо осталось непроницаемым. Он всегда словно замирал, стоило ему вспомнить об этой женщине. Интересно, любил ее? Она-то точно его любила.

— Когда поймаем ее, узнаем о целибате. Потому что она его не соблюдала.

Вернувшись во дворец, сразу отправилась в свою комнату и, хотя было еще рано, бессильно повалилась на кровать. Чудеса стоят больших сил. Проснулась после заката и потом уже не могла уснуть. А когда все же забывалась коротким беспокойным сном, видела один и тот же кошмар — что принц оставляет меня одну. Обвиняя в том, что недостаточно его любила, уходит, и я остаюсь с болью в сердце и пустотой в душе.

ГЛАВА 7

— Это катастрофа! Полная катастрофа! Не знаю, что случилось, но большинство приглашенных на коронацию гостей прислали письма с отказом. И причина у всех одна — проблемы со здоровьем!

Фиримар, которому Тавр оказал величайшую честь, доверив написать и разослать пригласительные, столь активно жестикулировал, что не заметил, как его парик свалился и теперь лежал у ног, похожий на комнатную собачку. Отказ от посещения коронации старик посчитал своим личным провалом. Тавр тоже выглядел расстроенным.

— Они не видят во мне императора, — тихо сказал он сам себе.

А утро так хорошо начиналось...

Принц принес мне кофе в постель, нежно поцеловал и пригласил позавтракать в оранжерею, где усилиями магов выращивали экзотические фрукты и даже бобы, из которых делали мой любимый шоколад. Там нас бесцеремонно и прервал Фиримар со своей дурной новостью.

— Слишком много больных, — пришлось согласиться мне, — уж не планируется ли переворот?

Принц стрельнул глазами в мою сторону, не хотел, чтобы я вела подобные речи при маэстро. Старик понял этот взгляд и усмехнулся.

— Я знаю все дворцовые сплетни, и, если бы не умел держать язык за зубами, давно был бы мертв. Ваше высочество, я понимаю, что не уполномочен давать советы невесте императора, но на вашем месте я бы съездил к больным, чтобы справиться об их здоровье. Уверен, вы сумеете убедить, — он сделал ударение на этом слове, — их приехать.

Очень хорошая идея. И простая до невозможности. Я кивнула.

— Только не отправляйся одна. Возьми с собой фрейлин, Чак-Чо и своего советника.

Я вспомнила о Раухе. Тот ожидал свою супругу, одновременно страшась и предвкушая ее появление. Мужчина выглядел еще более подтянутым, чем обычно, не притрагивался к спиртному и обходил карточные столы. Сын так им гордился, что думал предложить ему прочитать курс лекций по боевой магии воздуха. Казалось,

напряжение, что годами висело между мужчинами, распалось в тот день, когда меня чуть не убила Лорель.

— И еще, ваше высочество. Вдовствующая супруга императора, как она себя называет, — мэтр говорил об Аназис, фаворитке Терениса-старшего, парочка все же успела обручиться до того, как старик умер, — действительно носит под сердцем ребенка.

— Сильно сомневаюсь, что от моего отца. — Лицо Тавра стало жестоким. Когда он злился, на нем проступали черты старого императора. Принц быстро взял себя в руки и улыбнулся, став прежним. — Думаю, Аназис захочется уехать отдохнуть на юг, на море, к родственникам. Распорядитесь, чтобы это произошло сегодня. Если воспротивится, напомните ей, как Теренис поступил с кланом Серебряной Воды. Я знаю, она в курсе. И подготовьте Кровавый договор.

Клан Серебряной Воды, побочная линия императорского рода, весь сгорел во время пожара. Выжил только мой друг Самар, оказавшийся сквиром. Император и его предшественники жестоко расправлялись с другими магами воды, своими возможными соперниками. Так жестоко, что во всей империи, кроме меня и Терениса-младшего, магов воды больше не осталось. Аназис хватит одного упоминания о тех событиях, чтобы она собралась в путь. Если действительно носит ребенка, то сделает все, чтобы его уберечь. Даже подпишет Кровавый договор.

Мы покончили с завтраком, я послала за фрейлинами и Раухом. Чак-Чо явился на зов, как только услышал звук моего голоса. Он снова вел себя относительно по-человечески, даже был способен общаться мысленно. Зверь был в приподнятом настроении, пообещал мне незабываемый подарок на свадьбу.

— Буду ждать. — Потрепала его по черной шерсти.

Фрейлины явились одновременно со своим наставником. Раух был одет в черный костюм, в нагрудном кармане голубой шелковый платок, подходивший к его северным глазам. Наученная в школе Танцующих леди не скупиться на комплименты, искренне сказала:

— Выглядите впечатляюще.

— Спасибо, ваше высочество. Вечером во дворец прибывает моя драгоценная супруга. — При этих словах глаза мужчины загорелись.

— Я бы очень хотела с ней познакомиться.

— Конечно, конечно. Тем более она приходится вам родственницей. Снежана — двоюродная сестра вашей матушки.

Его слова меня ничуть не удивили, в той или иной степени все аристократические семьи империи состояли в родстве. Значит, мы с младшей Снежей в некотором роде сестры.

— Что ж, а сейчас нам необходимо справиться о здоровье некоторых наших гостей, которые так захворали, что не могут попасть на коронацию.

Раух понял, что мы едем «говорить» с ними. Мои фрейлины рассредоточились, стоило нам выйти из дворца. Сопровождавшие меня днем и ночью девушки становились все более опытными охранниками, Бат гордилась бы своими воспитанницами.

В первую очередь мы отправились к герцогу Аламару из клана Синего Ветра. Мужчина шестидесяти трех лет отроду был старожилем столицы. Даже издали было заметно, что ставни его особняка, как и дома моих родителей, были выкрашены в синий, напоминая о том, что род Аламара идет от мага воды.

Карета остановилась перед воротами большого богатого поместья. Сонные лакеи в ливреях мигом проснулись и бросились сопровождать нас. Когда мы входили в этот красивый дом, я ожидала чего угодно — лести, лжи, готова была даже обороняться в случае нападения, но только не картины, которая предстала моим глазам.

В уютной гостиной сидела молодая жена герцога и горько плакала. Увидев нашу компанию, она бросилась к нам, распахнув объятия.

— Сама императрица приехала, когда узнала, что моему Аламарчику плохо! И с волшебным зверем! Как прекрасно! Скорее, скорее. Я провожу вас в его комнату.

Женщина, которая была лет на сорок младше супруга, промокнула веки и потянула нас за собой. Редко в неравном браке можно увидеть искренние слезы. Обычно, когда старый супруг начинает болеть и умирает, молодая жена пускается в пляс. Я не могла вспомнить ее имя, но слышала, что когда-то она тоже окончила школу Танцующих леди и была гордостью директрисы, ведь смогла же убедить супруга назначить себя старшей и остаться единственной женой.

У женщины были собранные в безукоризненную прическу каштановые волосы, теплые карие глаза и добрый взгляд. Когда она

распахнула дверь в спальню, в нос ударил едкий запах скорой смерти. Над постелью больного склонился мужчина, в котором я безошибочно узнала лекаря из лазарета.

Хозяин дома выглядел, мягко говоря, чудовищно. Кожа его покрылась струпьями и волдырями, из которых сочился гной. Он тяжело дышал, при каждом вздохе слышался хрип. С трудом узнала в герцоге того полного жизни стареющего франта, которого видела во время приемов во дворце.

Его молодая жена присела возле кровати, взяла изуродованную ладонь и вгляделась в полузакрытые глаза супруга.

— Что это за болезнь? — спросила я, инстинктивно поднося к носу платок.

Сочувствие сочувствием, а заболеть чем-то подобным ой как не хотелось.

— Мы не знаем, ваше высочество, — скорбным тоном сообщил лекарь, — знаем только, что она не заразна. — Украдкой убрала платок, заметив, что Раух сделал то же самое. — Герцогу стало плохо ночью, болезнь распространяется стремительно, и она не похожа ни что, виденное мной ранее. Более того, подобный недуг, насколько мне известно, поразил еще шесть аристократических родов. Больные в основном в годах, но есть и несколько молодых людей, сраженных этой напастью.

Лекарь, весь какой-то серый и неприметный, горел живым интересом к происходящему.

— Выйдите. Все, — вдруг прошептал герцог. — Я хочу поговорить с императрицей.

Просьба немало удивила присутствующих, но его послушались. Лишь Чак-Чо остался рядом со мной.

То, что и герцог назвал меня этим титулом, пугало. Неожиданно для себя почувствовала, что на моих плечах огромная ответственность.

Небо заволокло тучами, заморосил мелкий дождь.

— Это наказание, — проговорил герцог ссохшимися губами. — Я почти год пил зелья, укрепляющие силу и продлевающие молодость. Желал оставаться для жены молодым и сильным... — Понимая, что умирает, Аламар хотел объясниться. — Как только узнал, из чего они сделаны, прекратил их пить. А причину своей болезни понял, когда

лекарь назвал имена других слегших. Мы все пили зелья, которые создавались из жизненной силы тех девушек.

— Зачем вы мне это рассказываете?

Умные глаза внимательно смотрели из-под опухших век. Слабый голос звучал тихо, но уверенно:

— Я был на карнавале в тот день, когда ведьма произнесла пророчество о вас. И слышал о том, что случилось вчера в лазарете. Я прошу вас отпустить мне этот грех, потому что уверен: следующую ночь не переживу.

Тавр говорил, что новости разносятся быстро, но я и не подозревала, что настолько. Если прикованный к постели Аламар узнал о чуде, что я невольно сотворила, то другие аристократы — и не всегда сторонники — тоже в курсе событий. Мне бы выйти из комнаты и понестись во дворец, но Чак-Чо со строгим видом положил на колени лапу, принуждая остаться. Зверь прав, я обязана выслушать старика.

— Говорите, — попросила. — Я не умею отпускать грехи, но уверена, на душе у вас станет легче после исповеди.

Мужчина заговорил, рассказывая о своих самых страшных поступках, о том, как случайно убил человека, будучи еще юношей, как винил себя за женитьбу на столь молодой девушке, за то, что украл у нее юность и не подарил детей. Что не помогал бедным, хотя хвастался своей благотворительной деятельностью. Я слушала и кивала, замечая, что с каждым словом из его глаз уходит боль.

Аламар замолчал, вздохнул облегченно, как во сне, и больше не пошевелился. Я позвала лекаря, хотя уже знала, что он лишь засвидетельствует смерть Аламара. Герцогиня бросилась к нему на шею и тихо заплакала. Раух ожидал меня в дверях. Откланявшись, подошла к советнику и, стоило нам выйти в коридор, тихо попросила:

— Посетите все семьи, где заболели люди. Скажите, что это побочное действие некачественных зелий ведьмы, еще раз напомните об опасности их употребления. Все настойки, тонизирующие и укрепляющие, должны покупаться строго у магов земли. Напомните принцу, чтобы он подготовил указ о получении лицензии всеми травниками и лекарями империи. А всех, кто продает лекарства без лицензии, пусть допросят псы Роаха.

Псами Роаха, или ледяными гончими, в народе называли отряд из выпускников военной академии, которых граф завербовал для шпионажа и другой грязной работы, которую раньше выполнял клан Черного Ветра. Псы только появились, а уже снискали славу исполнительных, порядочных и верных бойцов, служащих своему командиру с собачьей преданностью.

Раух кивнул и умчался исполнять поручение. Мне же нужно было отправиться в трущобы, чтобы повидать Горану. Тетка Тавра должна была знать о молитвах жриц. Как ни крути, нам с принцем невыгодно, чтобы аристократы гибли как мухи. «Верные аристократы», — мрачно прозвучала мысль в голове.

Я попросила Чак-Чо вернуться во дворец с фрейлинами — Измари, одна из девушек из храма Кровавой богини, имела похожую на мою фигуру и при необходимости в сопровождении зверя-покровителя выступала моим двойником, когда мне нужно было отлучиться инкогнито. В трущобы я ехала не только узнать мнение Гораны о случившемся с аристократами, но и просто побыть вдали от дворца и придворных. Побывать наедине с женщиной, которая относилась ко мне с большей теплотой, чем родная мать. После того как подтвердилась новость о моем восхождении на престол в качестве императрицы, мама всеми силами пыталась наладить отношения — присылала мне подарки и письма, приглашала в наш собственный дом, великолепно отреставрированный за счет государственной казны. Я неизменно отвечала вежливым отказом, но не потому, что держала обиду на нее, а потому, что эта женщина была мне чужой.

Темные облака рассеялись, стоило приблизиться к заветному домику в трущобах. Из каминной трубы вился светлый дымок, значит, Горана готовит что-то вкусное для своих внучек.

Вошла без стука и была встречена объятиями младшей племянницы моего жениха.

— Прости, родная, у меня ничего нет для тебя сегодня.

Малышка, как и все ведьмы, очень любила сладости. Тавр говорил, что сладкое помогает восполнить магические резервы. А маленькая Гуля обладала сильным даром предсказания, который пока не очень хорошо умела контролировать.

— Ничего, ничего. Жалко, что потом долго никаких сладостей не будет. Мы же уедем в Черный лес.

Златовласая малышка, пританцовывая, побежала в сторону кухни, откуда доносились восхитительные запахи.

— Гуля говорит, вы скоро уедете, — тихо сказала я Горане, когда последовала за ароматами и оказалась в светлой трапезной.

Женщина вытаскивала из печки глиняный горшок с кашей.

— Ей снятся сны о том, как мы собираем вещи и покидаем этот дом. А если ей что-то снится...

— Значит, это скоро сбудется, — продолжила за нее.

— Что тебя тревожит, Маримар? — Горана обеспокоенно взглянула на меня золотистыми глазами.

Я кратко поведала ей о смертях, вызванных моими неосторожными просьбами о справедливости. Горана взяла меня за руки. Ладони ее были теплыми, шершавыми.

— Мы не можем оспаривать решения богов. Эти аристократы нарушили мировой порядок, и теперь всем им предстоит умереть.

— Но ведь многие даже не знали, что за зелья пьют.

Я просила о справедливости, но разве можно назвать справедливостью смерть герцога, который просто хотел похвастаться мужской силой перед молодой женой?

Горана замотала горшок в несколько полотенец, чтобы дать каше настояться.

— Это не имеет значения. Незнание закона...

— Не освобождает от ответственности за его нарушение, — закончила я. Горана позвала девочек на ужин, мне она тоже поставила тарелку, зная, что ее кашу я не променяю на самое изысканное блюдо во дворце. — Тавр и Роах считают, что я настоящая жрица, а им нельзя заводить мужей, семью. Ты что-то знаешь об этом? — задала мучивший меня вопрос после того, как обед был съеден, девочки убрали тарелки, а Горана заварила ароматный чай с мятой и медом.

— Я знаю, что ничуть не жалею о знакомстве с тобой. И иногда думаю, что ты слишком хороша для моего племянника. У моей сестры, матери Тавра, тоже была метка богини, она появилась уже после того, как Горалина родила сына. После появления метки она пыталась уйти от императора, вернуться ко мне в лес, сбежать вместе с сыном.

Я мало знала о Горалине, только то, что Теренис намеренно убил жену в надежде получить еще больше силы. Знала, что старый император любил супругу, но власть любил больше. Я не

расспрашивала Тавра о матери, замечая неизменную боль в его глазах, когда он думал о ней.

Горана продолжила:

— Моей сестре снились сны о будущем. Она была уверена, что Тавр станет императором, что он возродит Черный лес, считала, что через нее богиня обращалась к ее сыну. Сестра знала, что ей предстоит мучительная смерть, чувствовала, что муж отправился за ней в наше убежище. Но она была готова слепо исполнять волю богов, не задавая вопросов. — Я молчала, глядя на Горану, эта история и сегодня причиняла ей боль. — Ты не такая, Маримар. Ты задаешь вопросы и не хочешь быть куклой в руках богов. Сестра верила, что невозможно бежать от судьбы, и не противилась ей. Ты же считаешь, что сама хозяйка своей судьбы. Поэтому, если ты желаешь иметь мужа и детей, так тому и быть. И я, старая ведьма, с удовольствием буду нянчить ваших с моим племянником деток.

Женщина тепло улыбнулась, и на душе сразу стало легче. Ну их, пророчества и старые законы. А аристократы... впредь буду осторожна со своими мыслями и желаниями. Сейчас нужно короновать принца, затем отыграть свадьбу, а уж потом и законы новые напишем, и детишек заведем. Только мне бы академию окончить, два года всего осталось. Образованный правитель гораздо лучше необразованного.

С мыслями о том, как буду уговаривать Тавра дать мне пару годков на окончание учебы, я возвращалась во дворец. После разговора с Гораной настроение было боевым, Рыська его чувствовала и скакала бодрым галопом. Дворцовая стража, предупрежденная о моем возвращении, распахнула ворота и откланялась. Сейчас ее возглавлял Укр, мой друг из академии, который от неожиданного повышения так рвался хорошо исполнить работу, что временами слишком усердствовал. За месяц со дня назначения так вымуштровал разленившихся стражников, что те похудели, побледнели, но наконец начали верно нести службу и — о чудо! — перестали пить и спать на посту.

Уроженец Востока вышел поприветствовать меня, склонился.

— Ваше высочество. — Наедине Укр звал меня по имени, но вокруг были посторонние уши, поэтому приходилось блюсти церемониал. — Ану, повелитель огня, просит вашей аудиенции до того, как отправится на Дальний Восток.

Принесла нелегкая...

Я оправила платье и приняла невозмутимый вид. Хотя нас с Ану и связывали несколько не очень приятных историй, я должна была увидеться с ним до отъезда.

Мой некогда друг стоял возле окна, более не скрывая королевской осанки. Ану фактически был принцем восточных земель, формально входивших в состав империи. Он носил в себе силу элементаля огня и владел настоящим драконом, которого сам вывел из яйца теплом своего пламени. Наир, питомец Ану, в отличие от своих братьев, бывших немногим больше ящериц, мог парить в небе, неся на себе двух спутников. В этом я убедилась, когда сбрендивший из-за своей силы Ану решил похитить магину воды, посягнув таким образом на императорский трон.

Зеленые с золотыми искрами глаза ожили, стоило мне войти в комнату. Ану развернулся и отвесил глубокий поклон. Низко опущенная черноволосая макушка показывала, что он признает меня не просто равной себе, но правительницей империи. Для мужчины с Востока это был значимый жест.

— Рад, что ты согласилась встретиться со мной. Завтра я уезжаю.

Тон Ану звучал фамильярно, но одергивать его не стала. Я злопамятна, но не настолько.

— Пришел только попрощаться? Дракона в кустах нет? — спросила, памятуя свое похищение.

Парень поморщился, с чувством юмора у него всегда было не очень. Он поднял руки в браслетах с боцником, блокировавших его разрушительную мощь, и одним легким движением расстегнул их. Оковы с громким стуком упали на пол. Не успела испугаться, как Ану сделал несколько пассов руками, и в воздухе появилась синяя огненная бабочка, как живая трепетавшая крыльями. Она подлетела ко мне и села на руку, согревая, но не обжигая. Я дар речи потеряла от созерцания столь прекрасной магии.

— Это мой подарок. Как будущей правительнице от элементаля огня. Пока я жив, она будет гореть, только оставляй иногда для нее сухие ветки.

Бабочка уютно разместилась у меня в волосах, словно диковинное украшение. Я не знала, что ответить. На языке вертелись слова благодарности, но Ану не дал мне сказать.

— Я всегда думал, что умен, Мари. Но, как оказалось, я очень и очень глуп. Надеюсь, что со временем простишь мне предательство дружбы и твоего доверия и позволишь служить при дворе.

Я кивнула. Ану подобрал и снова закрепил на руках браслеты. Его сил хватило бы, чтобы спалить всю столицу, а он бабочек из огня создает. Подумалось, что это хороший знак, и я улыбнулась парню.

— Желаю тебе хорошего путешествия. Думаю, маги в горах научат тебя укрощать гнев. — Огневики черпают силу из полыхающего в их душе гнева, поэтому столь важно не позволять ему поглотить себя. — А когда вернешься, мы с радостью примем тебя при дворе. Я и император Тавр.

Ану подошел ко мне, бережно сжал мои ладони. Из-за того, что браслеты сковывали магию, руки его не обжигали, были лишь непривычно теплыми.

— И я на это очень надеюсь. — Улыбнулся и направился к двери. Напоследок подмигнул: — Только служить я буду тебе, а не ему. До следующей встречи, императрица.

Ану покинул дворец. Ему предстояло длительное путешествие с целью обуздать силу и ярость. Я верила, что у него получится. Может, мы даже встретимся с Ану в академии на следующий год. В конце концов, все возможно в этом безумном мире.

ГЛАВА 8

Коронация императора Тавра прошла стремительно и без лишней помпы. Аристократы явились все, даже неприглашенные, поскольку кому-то, вероятно Роаху, пришла на ум светлая идея связать странную болезнь и нелояльность короне. Суеверия творят чудеса, и принц за один день стал всеобщим любимцем. Никому не хотелось умирать. Про себя вообще молчу. Страх, который испытывала передо мной знать, казалось, можно было разглядеть.

Одетая в целомудренное голубое платье, я смотрела на своего коронованного жениха. Он взлетел над дворцовой площадью и вещал усиленным магией воздуха голосом:

— Я обещаю править честно и справедливо. Обещаю стоять не только на стороне сильных, но и защищать слабых. Обещаю не делать различий между стихийными магами и простым людом. Империя никогда не была более сильной и целостной, и под моим началом она будет только процветать, а вы больше не увидите войны.

Собравшийся народ взирал на Тавра как на золотого бога. Многие женщины плакали, не в силах сдержаться. Мужчины глядели сурово. Войны не хотел никто. Пусть мое поколение и не знало ее тягот, нас с малого возраста учили, что война не приносит ничего, кроме крови и боли.

Люди рукоплескали, радуясь новому императору и ломящимся от яств накрытым столам. Роах поднял меня над толпой, так, чтобы подлетела к принцу, мы взялись за руки и очертили победный круг. Фиримар предусмотрительно весьма хитроумно скроил мое платье, разглядеть что-то под юбкой было невозможно. Хотя стройные ножки будущей императрицы наверняка пришлись бы народу по вкусу.

Вечером, уже во дворце, Тавр снял тяжелую корону со сверкавшими голубыми топазами и протяжно вздохнул. Понимая, как он устал, сказала:

— Это был долгий день.

— И он еще не закончен. Сегодня я подпишу указ о разрешении пользоваться любой магией в империи.

Подаренная Ану бабочка вспорхнула, облетела вокруг моей головы и приземлилась обратно на волосы. Все дамы оценили живое украшение, а ювелиры — маги огня начали тренироваться в создании подобного. Пока попытки успехом не увенчались: огненные мотыльки, бабочки и цветы были нестабильны, рано или поздно нагревались и прожигали дамские шевелюры или попросту гасли.

— Ты возвращаешь империи магию. Я горжусь тобой.

Благодаря Тавру Горане и девочкам больше не придется томиться в трущобах.

— Хочу потом основать академию нестихийной магии. Сила ведьм, которая передается только по женской линии, должна быть доступна и мужчинам. Надеюсь, я успею... — тихо и печально добавил Тавр.

Последние несколько дней он выглядел сильно уставшим. Под глазами залегли тени, всегда золотистая кожа побледнела. Я опасалась отравления, но принц заверил, что все в порядке.

— Ну как же не успеешь? У нас вся жизнь впереди. — Коснулась принца рукой.

— Да, да. Вся жизнь. Моя хорошая Мари, — Тавр поцеловал мою ладонь, — хочешь отправиться в небольшое предсвадебное путешествие в Черный лес? Мне нужно собрать кое-какие травы, а ты отдохнешь от городской суеты...

— А как же империя?

— Не сомневаюсь, что наш верный пес и весь клан Ледяного Ветра отлично справятся с заботой о ней на время нашего недельного отсутствия.

Посмотрев на Тавра, решила, что ему точно не повредит небольшой отдых. Тем более что я планировала провести исследование и выяснить, где лучше всего организовать новое поселение ведьм, чтобы не потревожить возрождающуюся природу. Чтобы знать это наверняка, а то и заняться строительством, мне понадобится сильный маг земли.

— А Романа можно с собой взять?

— Можно. — Тавр улыбнулся. — Куда ж без него. Я подготовлю бумаги и оставлю распоряжения Роаху.

Утром следующего дня мы начали сборы в небольшое путешествие. Чак-Чо с удовольствием носился за бабочкой, я собирала

удобную одежду и обувь в дорогу, Тавр проверял корреспонденцию. Письмо от Бат он прочитал вслух:

«Уважаемый император, премного благодарю за ваши письма и еще раз прошу прощения за поведение моей воспитанницы...»

Брови принца поползли вверх, он-то не знал, что одна из моих телохранительниц так в него влюбилась, что едва не убила меня. К счастью, следующая часть письма интересовала Тавра куда больше:

«На ваш вопрос о жрицах могу ответить следующее: известны случаи, когда жрицы храма Кровавой богини были соблазнены и расставались с невинностью. Тогда гнев богини настигал мужчину, посмевшегося опорочить жрицу. Конечно, подобные истории имеют скорее характер сказаний, но это все сведения, которыми располагаю. Пусть время вашего царствования будет окутано солнечным светом и радостью. Бат, жрица храма Кровавой богини».

Тавр отложил письмо в сторону.

— С наследниками придется повременить, но мы обязательно разберемся с этой проблемой.

Я прильнула к принцу, поцеловала холодный лоб. Было стыдно признаваться самой себе, а Тавру тем более, но мысль о расставании с невинностью меня пугала. Чувственные наслаждения, которые описывались на страницах любовных романов, популярных среди студенток академии, волновали, но вместе с тем заставляли задумываться о несвободе, которая была платой за удовольствия. А если Тавр на самом деле меня не любит? Нет, сначала поженимся, потом разберемся с проклятьем. А пока будем наслаждаться тем, что нам не запрещено. Поцелуями и нежными объятиями.

Всю дорогу до Черного леса мы ворковали, невзирая на бесконечное брюзжание Романа. Золотая олениха в очередной раз куда-то сбежала, оставив его скучать.

— Хоть бы какие преступники попались! — воскликнул он, наблюдая, как теперь уже император кормит меня с рук клубникой. —

Маримар, не могу смотреть, когда ты такая... женственная, что ли. Пошли кинжалы пометаем?

Чем дальше мы отъезжали от города, тем лучше себя чувствовал Тавр. Его кожа снова стала золотистой, глазам вернулся блеск. Моя душа успокоилась, возможно, мне просто почудилось его недомогание.

Тавр рассмеялся.

— Идите, идите, я пока посижу в шатре.

Принц не признавал остановок в гостиных дворах. Всегда имея при себе шатер, раскрывал его на какой-нибудь поляне в лесу. Рядом сам разводил костер, раскидывал какие-то камушки, предсказывая будущее. Меня удивляло, как Тавр уродился магом ветра, а не земли, ведь в нем было гораздо больше общего с этой стихией.

Роман собрал кинжалы и потащил меня в лес. Чак-Чо побежал следом. Благодаря дару я ощутила, что он хочет поплавать в протекающей неподалеку реке.

— Ты представляешь, она без конца мне твердит, я твой зверь, я твой зверь, я не женщина, — брюзжал рыжий. — А я что, слепой? Грудь у нее на месте, бедра крутые, если это не женская фигура, то что тогда? Да, хвост и рога имеются, но это только изюминки добавляет.

Роман швырнул кинжал в доску, которую услужливо держали для него деревья.

— Почему ты ведешь такие разговоры со мной, а не с Самаром, например? — Неловко было слушать разглагольствования о чужой любовной драме.

— Да с ним, кроме как о паровых двигателях, и говорить не о чем. Со своими изобретениями совсем скучным стал. Укр утонул в подготовке к свадьбе, его теперь только цветочки, арки и бантики интересуют. Хотел было Роаху рассказать, но ты его знаешь, лицо кирпичом и: «Я ректор военной академии, Роман, а не твой друг». — Парень так смешно спародировал тон, которым обычно говорил наш ледышка, что я не удержалась и рассмеялась. — В общем, у меня с Жасмин не ладится, а тут еще вы с Тавром целуетесь каждые три минуты. Гады.

— Мы влюблены, Роман. И скоро женимся. А Жасмин права, она же не думает как человек, не ведет себя как мы. Вот если бы ты, например, умел в кота превращаться, стал бы на кошек запрыгивать?

— Фу-у-у! — скривился Роман, но, кажется, до него начало доходить.

Бросила кинжал, тот воткнулся ровно в центр деревяшки. Идея потренироваться была хороша, со всеми этими интригами того и гляди сноровку растеряю.

— То-то и оно. Тем более Жасмин не сильно везло с магами земли. Ты знаешь, что она приходится какой-то пра-пра-пра... бабкой Тавру?

Роман ошалело покачал головой. Видимо, в такие подробности биографии лесная дева его не посвятила. Я кратко рассказала суть истории.

— И она думает, я поступлю с ней как тот полоумный маг земли? — Глаза рыжего стали вдвое больше.

— Просто забудь мечту сделать себе девушку из волшебного зверя.

Очередной кинжал угодил в деревяшку. Чак-Чо одобрительно потерся об меня мокрой головой. Пора было возвращаться, Тавр наверняка нас заждался.

— Почему любовь так зла? — вздохнул Роман.

— Любовь не зла, просто нужно правильно выбирать, в кого влюбляться.

— Думаешь, Тавр правильный выбор?

Я покачала головой, понимая, какую глупость сморозила. Мы действительно не выбираем, кого любить. В зеленых глазах Романа таился вопрос, на который я была не в силах ответить. Как, наверное, и любой другой человек. Поэтому буркнула недовольно:

— Друг мой, заканчивай с этой сентиментальностью. Стал как девица из бульварного романа. Того и гляди стихами заговоришь.

Роман рассмеялся, пнул ногой сухую ветку. Та подлетела в воздух, падая, воткнулась в землю и мгновенно проросла, дав зеленые побеги. Магия земли в исполнении рыжего потрясла воображение. Друг нацепил трагическое выражение на лицо и продекламировал:

— Девичьей ножки прелестью плененный,
Я разрывался в сладостной тоске,
Но мукой страсти пусть и окрыленный,

Свиная ножка, о, явись же мне!

— Ну как из меня поэт?

— Увы, не очень.

Роман притворно вздохнул.

— Но поесть бы надо. Может, твой жених какую-нибудь дичь поймал? Кролика там...

— Или оленя... — пошутила и тут же поняла, что зря, так скривилось лицо Романа.

Вернувшись в наш небольшой лагерь, обнаружили, что Тавр и правда что-то варит в котелке, но, судя по запаху болотной воды, съестным это вряд ли было.

— Что делаешь? — Роман присел рядом на сваленное ветром дерево. — Я думал, ты что-нибудь поесть приготовишь...

— Я вообще-то император.

— А я кушать хочу.

— Вот и подстрели оленя.

— Муж и жена... — зло пробурчал мой друг.

Мы с женихом переглянулись и улыбнулись. Тавр помешивал свое варево, вглядываясь в вонючую жидкость, словно там были ответы на все вопросы. Я тоже заглянула в котел и поморщилась. В нем плавало нечто похожее на тину. Не успела ничего спросить, как мне пояснили:

— Пытаюсь разглядеть будущее. Это старый проверенный способ.

— И что ты видишь? — скептически поинтересовался Роман.

Император лишь криво усмехнулся.

— Вижу, что нас ждет дорога, путь будет легким, но в конце мы столкнемся с чем-то неожиданным.

Рыжий фыркнул:

— Базарная цыганка и то больше расскажет.

Тавр ответил ему улыбкой, от которой у меня защемило сердце.

— Я вижу, что ты повстречаешь ту, кого полюбишь по-настоящему. Ту, кого ты уже знаешь, но не пожелал разглядеть в погоне за иллюзией.

Не успел мой друг открыть рот, я спросила:

— А меня... Меня что ждет в будущем? — Никогда не любила предсказателей, но очень уж привлекательно смотрелся мой жених в

свете сумерек возле удивительного варева.

— Тебя... Много приключений, испытаний и... — Тавр замолк, вглядываясь в клубы дыма, — и большая-большая любовь.

Он поцеловал меня в нос, отчего Роман снова поморщился, и достал мешки с провизией. Ароматный сыр расплавился от тепла огня и легко намазывался на свежий хлеб, а вяленое мясо прекрасно восполняло силы. Императора пытались отговорить от путешествия без охраны, но Тавр был непреклонен, не желая привлекать к Черному лесу лишнего внимания, пока в силу не вступит закон о правах ведьм.

Утром следующего дня нас настигла нежданная гостья — верхом на коне, очень похожем на Рыську, прискакала моя кузина. Выражение ее лица было обеспокоенным. Она спешила и бросилась ко мне.

— Маримар, меня просили приехать твои братья и их жена! — Оторвав от завтрака, Алексис потащила меня в сторону.

Я бросила быстрый взгляд на жениха, тот кивнул. Киара должна была вот-вот разрешиться от бремени, и это была единственная причина, по которой братья могли послать кузину ко мне.

— Дети родились вчера ночью.

Я подсчитала сроки. Младенцы явились на свет слишком рано. Недоношенные.

— Двойня?

— Тройня.

— Здоровы? — Я беспокоилась за Киару, в конце концов, незаконнорожденная дочь императора была моей родственницей, а братья не видели смысла жизни без нее.

— Все здоровы. Девочки обладают магией огня и ветра, а мальчик... — Алексис поджала губы. — Он не показывает никаких способностей. Киара послала меня к тебе с просьбой не проводить испытание и записать его как сквира. Я не поняла, почему, но она сказала, что ты сама знаешь.

Кулаки сжались сами собой. Неужели она думала, что Тавр продолжит дела своего отца? В империи рождались маги воды разной силы, но детей убивали палачи, как только узнавали, какой магией те обладали: ребенок с таким даром, оказавшись под толщей воды, мог дышать. Именно клан Ледяного Ветра из поколения в поколение проводил испытание предполагаемым магам воды и выносил

приговор. Киара знала, что может родить ребенка с таким даром, и, как и любая мать, боялась, что ее дитя заберут.

Взглянула на Тавра — тот с помощью магии воздуха заканчивал сборы лагеря — и приняла решение, не посоветовавшись с ним.

— Я напишу Киаре, что ребенок признан сквиром. Никто из клана Ледяного Ветра и близко к нему не подойдет. Спасибо тебе за новости.

Выдавила улыбку. Когда-то мой отец понял, что я маг воды, и намеренно скрыл этот факт даже от меня самой. Я росла в унижении, презираемая в обществе аристократов, но смогла дожить до восемнадцатилетия и полного проявления способностей. Если ребенок Киары проявит способности к магии воды, заберу его во дворец, где он получит образование, станет моим приемным сыном. А до того не стану рассказывать Тавру о предположениях его сестры. Не доверяла она ему, судя по тому, что попросила Алексис обратиться ко мне.

— Что-то случилось? — Золотистые глаза императора светились неподдельным любопытством.

— Киара родила тройню. Дети недоношенные, но сильные.

— Как я рад! Дети — это благословение богини, а уж тройня! Восхитительно! — Император улыбнулся куда-то в небеса, а я почувствовала себя последней дрянью.

Если не лгу ему, то и всю правду не говорю. С другой стороны, это не моя тайна. Успокоив себя подобной мыслью, сказала:

— Может, и у нас родится сразу несколько детей. В клане Синего Огня такое не редкость.

— Значит, мы станем вдвойне счастливыми родителями. — Тавр посмотрел на меня с нежностью во взгляде.

Еще бы решить проблему с моей невинностью, будь она неладна. А то с помощью одних поцелуев детишек мы вряд ли заведем.

Кузина спокойно ожидала окончания нашего немого разговора, когда Тавр спросил:

— Алексис, думаю, мы сможем отправить письмо с поздравлениями в ближайшем городе. А ты не желаешь отправиться с нами в путь?

Я удивилась подобному приглашению со стороны своего жениха, Алексу он едва знал. Девушка, бросив быстрый взгляд на Романа, доедавшего яичницу, не слишком аристократически размазывая желток

хлебом, согласно кивнула. Я-то знала, что кузина к этому рыжему балбесу неровно дышит, но как об этом догадался Тавр?

Отправились в путь все вместе. Мы с Романом немного отстали, и я услышала начало разговора, ветер донес его до меня по воле императора.

— Я расскажу тебе кое-что о себе и своей матери. — Тавр явно желал ввести кузину в круг посвященных.

— Чего это твой жених вертится вокруг Алексис? — спросил меня друг тоном с отчетливо сквозившими в нем нотками ревности.

— Доверяет ей наши тайны.

— А не расширяет ли круг своих обожательниц?

Слова парня больно укололи сердце. Видимо, мстил за шутку про оленя. Тавр часто использовал свою внешность как орудие, я это принимала, но, когда он улыбался очередной дочери или жене аристократа, от осознания легче не становилось.

— Если и расширяет, какое тебе дело?

Роман буркнул, что я злюка бессердечная, и ускакал вперед.

Городок, в котором мы остановились, чтобы пополнить припасы и отправить письмо, был небольшим и очень уютным. Узкие улочки, как и в большинстве городов на западе империи, расходились от храма четырех стихий, образуя извилистые закоулки и уютные тупики, в каждом из которых прятались одна-две пекарни, наверняка соперничавшие между собой за звание места с самыми вкусными булочками. Рядом с храмом располагался рынок, где можно было пополнить припасы, а заодно посмотреть, на что способны мастерицы окрестных деревень. Я почти соблазнилась идеей остановиться в таверне и принять горячую ванну, когда путь нам преградила троица широкоплечих агрессивных мужчин с вилами наперевес.

— Я знаю, кто вы такие! — громко проговорил один из них и сделал шаг вперед.

Мы переглянулись. Заезжие путники часто останавливались в таких городках. Да, породистые лошади могли выдать в нас аристократов, но одежда была подобрана простая, и украшений мы при себе не имели. Тавр убрал волосы в хвост, даже намазал их на рассвете какой-то жидкостью, отчего пряди обрели каштановый оттенок, а Чак-Чо оставил нас, решив добраться до леса вплавь по реке.

— И кто же мы? — спросил Роман, спешиваясь и всем своим видом показывая «Я же такой хороший парень».

Мужчина, в котором можно было узнать младшего служителя храма четырех стихий, громогласно провозгласил:

— Ведьмы!

А остальные «встречающие» встали в позы, выставив вилы наподобие оружия. Не любил простой народ Тавра.

— Мы, что ль, ведьмы? — Роман непонимающе развел руками.

— Да не вы, бабы ваши! — воскликнул в ответ служитель с таким пренебрежением, что меня перекосило. — Уже месяц как бредут в сторону Черного леса. Уж я-то знаю, почему эта свора возродиться начала!

— И почему же? — поинтересовался император, подводя лошадь поближе к моей в стремлении защитить.

Да, идея взять охрану была не такой уж и глупой. Каким бы умелым ни был маг, толпа с вилами всегда может победить количеством.

Алексис активировала дар и создала небольшой сияющий шарик, который с преувеличенным спокойствием подбрасывала в воздухе. Этого хватило, чтобы народ опустил вилы. Мужик с заросшим щетиной лицом натужно улыбнулся. Нападение на мага-аристократа могло стоить ему головы, а уж наставить оружие на самого императора...

— Ох, да вы благородные! Ну, тогда и сами знаете. Та, что скоро императрицей станет, — ведьма. Украла у кого-то способности к магии воды, заколдовала молодого императора, и скоро примут они закон, что у ведьмы равные права с магами. И все тогда, всю империю к рукам приберут.

Было весьма любопытно послушать про себя подобные речи. Кто-то плел заговор против нас с Тавром, пытаясь уничтожить самую сильную фигуру на шахматной доске, его королеву. И избрали идеальную тактику, закон о правах ведьм уже подписан и готовится к публикации. Но как слухи просочились так быстро?

— Почему вы решили, что мы ведьмы? — спросила, рассчитывая, что простой люд не знает, как выглядит императрица Мари.

В столице я примелькалась и знала, что меня там любят, но то, что мы с Тавром засиделись во дворце, сослужило нам дурную службу.

Судя по всему, император думал о том же.

Служитель храма четырех стихий оправил серую рясу, обтягивающую круглый животик. Такой невозможно отрастить, соблюдай он все заповеди культа.

— Со всех концов империи едут и едут через наш город. Одинокие женщины и с детьми десятками начали проходить через Саратас месяц назад. Одно это срам-то какой!

Возмущение поддержал высокий худой человек, его кадык дергался при каждом слове:

— А потом мы поняли, что идут не куда-то, а в Черный лес. Они — ведьмы!

— А вам-то что ведьмы сделали? — не выдержал Роман.

Только было расслабившиеся деревенские воины снова наострили вилы. Меня тоже волновал этот вопрос, но я бы предпочла задать его в ближайшей таверне. К моему удивлению, услышала сразу три ответа, так местным хотелось излить душу «благородным».

— Знамо ведь, в каждой бабе ведьма спит. Если этой заразе дать распространиться, они нас, мужиков, со свету сживут, — произнес бородач, самый крупный в группе.

— Наши заповеди запрещают практиковать темную магию ведьмам да прорицательницам! За то гореть им на священном костре! — Бровь Тавра заметно дернулась, когда он услышал слова местного храмового служителя.

— Моя жена ведьма была. Годами скрывалась, притворялась нормальной, а как новости об их свободе пришли, забрала наших трех дочерей и ушла с обозом. Бросила меня, ведьма проклятая! — потряс он сухощавым кулаком, а я подумала, как же он измучил свою бедную супругу, что она от него с детьми убежала.

Народ, высунувшийся на улицу, чтобы поглазеть на нашу компанию, с интересом наблюдал за происходящим. Тавр легко надавил стремя носом сапога, чтобы лошадь сделала пару шагов вперед, и заговорил:

— Меня зовут Григор из клана Серого Огня, я служу графу Роаху из клана Ледяного Ветра и был послан расследовать, как вы это называете, «происшествие с ведьмами». — Мужики поверили и одобрительно закивали, все слышали о Роахе, его знали не только из-за военных успехов, но и потому, что он когда-то обеспечил всю империю

хлебом. — Со мной мои друзья, Роман из клана Вечного Камня и Алексис из Золотого Огня. А это моя младшая жена Лимар. И никакие они не ведьмы.

Тавр был хорошим актером и мое мнимое имя произнес с легким пренебрежением, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что я ничего не значащая пешка. Вот я и снова в роли Танцующей леди.

Спрятавшись за спиной императора, я потупила глаза, надела нежную заискивающую улыбку. От меня тут же демонстративно отвернулись. На чужих младших жен обращать внимание не принято. Их обычно брали с собой в дальние путешествия, чтобы не обременять старшую супругу мужскими потребностями. Хотя, если супруг пожелал бы, он мог запереть младшую жену где-нибудь в загородном имении без права выезда, забирая ее от случая к случаю.

Тавр отдал мне короткий приказ, ни у кого не вызвавший удивления:

— Лимар, найди ближайший гостевой дом и оплати нам три номера. Закажи поесть и жди там, а мы отправляемся к градоправителю.

Он небрежно бросил мне кошелек с деньгами, и я убралась подальше. Хорошо, что Роман и Алексис поддержали экспромт без тени сомнения. Пусть говорят с градоправителем, а я ненавязчиво выясню, что простые люди думают о новом императоре и обо мне, благо таверны и рынки испокон веков были источниками сплетен и слухов.

Сначала наведальась в таверну, примечательную разве что тем, что окна были из зеленого витражного стекла да над входом висел перевернутый меч, призывавший «Сложи оружие, путник». К сквирам народ относился доброжелательно и сочувственно, поэтому, когда я представилась необъятной тетке, стоявшей за широкой стойкой и разливавшей брагу утомленным работягам, та дружелюбно мне улыбнулась и выложила на стол три массивных ключа.

— Тебе с супружником комната с большой кроватью, а лордикам поменьше. Младшей женой-то хоть за молодого отдали? Сама ж совсем девочка.

— Молодого и красивого, — улыбнулась в ответ. Тетка неудовлетворенно вздохнула, и я поняла, что ей не хочется слышать истории о счастливом замужестве. Потупив глаза, тихо добавила: —

Поколачивает меня, конечно. — За что была вознаграждена любопытным взглядом.

Есть такие люди, что жалеть любят. А когда все хорошо, начинают ненавидеть. Женщина поправила льняной платок и уверила меня:

— Ты, девочка, потерпи. Мы, женщины, завсегда этих козлов переживем. Зато потом богатой вдовой станешь.

— Да хоть в жены взял! Знаете ж, что нас в школе Танцующих леди ждет, если в жены не берут. — Тяжело вздохнула, на сей раз натурально.

Женщина от любопытства перегнулась через стойку, серые глаза светились неподдельным интересом.

— А правда, что наша императрица тоже в этой школе училась?

Вот не зря я все детство с кухарками на кухне провела, умею общаться с простым людом и правильные находить.

— Училась. Я даже видела ее несколько раз, еще до всей этой истории с магией воды.

— Вот ушлая баба, окрутила и бедного императора, и генерала этого, который Роах. Красивая?

В таверну зашли несколько мужиков. Трактирщица поспешно налила им квасной напиток из дубовой бочки и шикнула, чтобы не околачивались у стойки, а шли за столы пить. Судя по всему, здесь ее слово много стоило.

Я задумалась, пытаюсь описать свою внешность.

— Да обыкновенная она. Не красавица, не уродина. Чего на нее заглядываются, понять так и не смогла. У нас и красивей девушки были, да в квартале оказались.

Я взяла ключи и собралась идти наверх, когда женщина меня окликнула:

— А хочешь, скажу, что это за ней увиваются?

Я перегнулась через стойку, уже зная ответ, тихо спросила:

— Почему?

— А ведьма она, — заговорщически прошептала тетка, — самая настоящая. Били, били их стихийные маги, да не добились.

— И кто сказал, что она ведьма? — изобразила живое изумление.

Трактирщица положила огромный бюст на стойку и поведала:

— Наш храмовый.

— А он откуда?.. — недоверие в моем голосе звучало искренне.

— А он в столицу ездит, на учения какие-то. Там ему их главный и рассказал.

Главный хранитель храма четырех стихий, Сириам... Какие мы идиоты! Пока гонялись за одними врагами, не заметили, как других нажили. Конечно, Сириаму не по нраву, что император почти не посещает храм, а императрица так и вовсе не ступает на его территорию. Что ни тот ни другой не исповедуются, не оплачивают грехи золотом и серебром. К тому же главный исповедник знал все секреты придворных, вот и проведал о законе, что подготавливала новая правящая чета.

— Ну... коли сам пресветлейший сказал, значит, так и есть, — рассеянно промолвила я и побрела вверх.

В ожидании своих спутников нервно мерила комнату шагами. Солнечную погоду сменил морозящий дождь, чему деревенские лишь обрадовались — чтобы колос напитался силой, пшенице нужна вода.

Топталась между двуспальной кроватью и деревянным шкафом, пока не появился промокший до нитки Тавр, сбросивший плащ прямо на пол.

— А где Алексис и Роман?

— Отправились по своим комнатам. Градоначальник ничего не знает об этой местной охоте на ведьм.

Я присела на кровать, мысли табуном унесли прочь. Как же Тавр красив! Вода стекала по волосам, смывая краску и проявляя настоящий цвет, рубашка облепила мощный торс, глаза на контрасте с пасмурным небом, казалось, сияли еще ярче. Принц подошел ближе, золото его глаз встретилось с синевой моих.

— Могла бы не устраивать ливень, моя прекрасная невеста, я и так спешил к тебе, прищпоривая лошадь.

Он коснулся губ поцелуем, задержался, дразня, заставляя меня открыться, желать большего. Короткий стон сорвался с моих губ, побуждая его, к дальнейшим действиям. Мокрая рубашка слетела с него, являя изумительную золотую кожу, жених нежно поцеловал мою шею, спускаясь ниже, расстегивая ворот рубашки. Не знаю, что заставило меня потерять голову, запах дождя от кожи Тавра, ощущение нескончаемой опасности или то, что мы наконец-то выбрались из душного дворца.

— Сладкая моя, сладкая Мари, — шептал он, — моя императрица.

Его слова заставили вспомнить о долге. И о том, что наших врагов становилось все больше, где-то бродила опасная ведьма, а народ начал ненавидеть меня еще до вступления на престол.

— Мне нужен Роах, — заявила, застыдившись после шутливого замечания императора: «А можно как-нибудь без него?» Не сразу поняв, о чем он, отстранилась, затем рассмеялась в голос. — Я узнала, кто стоит за слухами о том, что я ведьма.

— И кто же?

— Сириам, наш пресветлейший. — Меня неохотно выпустили из объятий. — Старый хрыч испугался, что я уменьшу количество золота в его подвалах, и решил помочь заговорщикам. Ненавижу эти слова, но нам действительно нужен Роах. По воздуху он доберется за считанные часы.

Я прикоснулась к кольцу, призывая графа, Тавр тем временем сушил свою рубашку с помощью магии ветра.

— Иногда мне кажется, что стена в виде Роаха между нами никогда не исчезнет.

Я подошла и обняла своего императора.

— Ты чувствуешь между нами какую-либо стену?

Тавр отстранился, взглянул мне в глаза.

— Всегда. И я сам виноват в том, что она есть. Видишь ли...

В дверь постучали.

— Голубки, одевайтесь и ужинать. Я все заказал, можете не благодарить! — раздался голос Романа из коридора.

Император надел рубашку и вышел. Что он хотел поведать, так и осталось загадкой.

Количество яств на нашем столе заставляло задаться вопросом, а не два ли у Романа желудка. Лорд уже ел, так и не дождавшись нас, рвал вареную курицу руками и ловил изумленные взгляды Алексис.

— Простите, леди, что ем, как свин, — счел он нужным извиниться.

Хороший знак, меня Роман за девушку не держит и не догадался бы извиниться.

— Я тоже люблю есть руками, правила этикета иногда просто убивают. — Моя кухня смело присоединилась к рыжему, пачкая соусом тонкие пальцы.

Мы ели, пили вино, смеялись. Трактирщица принесла мясной пирог, коротко глянула на Тавра и шепнула мне:

— И правда красивый.

— А я говорила, — ответила так же тихо.

— Смотри, чтоб другая баба не увела. За ними, красивыми, глаз да глаз, — со знанием дела добавила тетка, наступая мне на больную мозоль.

Время текло незаметно. Я успела выяснить, что Алексис отправила письмо моим братьям. Мне рассказали, что градоправитель побледнел и позеленел, едва они ступили на порог его далеко не скромного дома. Он-то думал, что в столицу кто-то о взяточничестве доложил. Я отыгрывала свою роль и фривольно сидела на коленях у принца, когда в таверну ворвался ледяной ветер, а затем стало тихо. Смертельно тихо. И я уже знала, кто здесь.

— Роах, — произнесла одними губами, глядя в его льдистые северные глаза.

Ненавижу свое глупое сердце за то, что оно продолжает сжиматься каждый раз, когда вижу графа. Ненавижу боль в его взгляде, когда смотрю на него. Ненавижу себя за то, что являюсь причиной этой боли.

— Лимар, принеси нам еще выпивки, — громко заявил Тавр и собственнически хлопнул меня по попе, когда я встала.

Подскочила, униженная подобным обращением, но быстро сообразила, для кого разыграно показательное представление. Нельзя, чтобы Роах раскрыл нас, используя настоящие имена.

Граф дураком не был.

— Мне черного чая, Лимар, — сказал он вдогонку, — горячего. Замерз в дороге. — И взгляд такой... ностальгический.

Мне тоже вспомнились наши поцелуи в театре, когда я отыгрывала роль Танцующей леди. Роах встряхнул волосами, с них слетели морозные снежинки и поплыли по воздуху, прежде чем истаять. Хм, что-то новенькое. Граф и раньше умудрялся понижать температуру в любом помещении, где находился, но чтобы снега напустить... На память пришла сказка о Снежном Короле.

— Ух ты, сам Роах пожаловал. Вот это мужчина!

Трактирщица оправила грязный передник. Не пожелав отдать мне заказ, сама поплыла к столу, гордо неся свою грудь как главное

достояние.

— Неужто считаете его красивей моего мужа? — не удержалась от вопроса.

Она бросила на меня короткий взгляд и тоном умудренной опытом женщины поведала:

— Красивей твоего мужа разве что принц Тавр, что в замке в столице сидит. Тот, говорят, такой красивый, что женщины кровью плачут, на него глядя. А Роах — Мужчина с большой буквы. За ним можно встать и ни о чем не думать. Как за каменной стеной. Ох и повезло императрице...

«Каменная стена» отсалютовала чашкой чая. Графа уже ввели в курс дела, и, судя по нахмуренным бровям, он был в ярости. Надеюсь, Сириам усердно молился духам стихий, потому что скоро за ним явится ветер во плоти.

— Мы вам всем обязаны! — Восторженно улыбаясь, трактирщица поднесла графу чай. — Спасибо вам за создание ветряного полога, который не позволил пескам Великой пустыни уничтожить наши поля, — сказала дрогнувшим голосом.

Роах принял благодарность и промолвил:

— Благодаря императрице и императору вам больше не нужна моя помощь. Пустыня больше не будет уничтожать все живое на своем пути.

Посетители прислушивались к непринужденной беседе трактирщицы и легендарного графа, хозяина ветра. Тот говорил с ней учтиво, словно со светской дамой, и щеки ее лихорадочно горели, несмотря на холод в помещении.

— Они же это для ведьм сделали... — сказала женщина, и в зале стало еще тише.

Граф сделал глоток, выбросил из чашки кубик льда и подлил себе еще кипятка.

— Какой вздор, — произнес высокомерным тоном прожженного аристократа. — Императрица знала, что пески Великой пустыни грозят захватить ваш и близлежащие города. Она, император и лорд Золотой долины рискнули жизнями, чтобы возродить Черный лес.

— Но наш храмовый служитель...

— Смещен с поста за клевету против короны. По причине своей глупости он не понимал, что его слова и действия могут стать

причиной волнений в империи. А вы знаете, какими кровопролитными они бывают.

Последнюю фразу Роах произнес громко, чтобы услышали все. А спустя пару минут, когда публика вернулась к своим кружкам и тарелкам, шепнул нам: «Вот так и рождаются слухи. Учитесь, кадеты». Народ в империи достаточно доверчив, чтобы уважать военачальников и принимать их слова на веру. А репутация графа была такова, что, стоило ему оказаться в каком-либо городе, половина его населения падала в обморок от восторга, другая от страха. В отличие от других аристократов Роах запросто мог заявиться в таверну перекусить, не останавливаясь в многочисленных замках, предпочитая во время походов быть ближе к народу. И за это его любили. Я же понимала, что, хотя волей судьбы мое положение сейчас гораздо выше, чем его, мне многому стоит поучиться у мага ветра.

Перехватив мой восхищенный взгляд на графа, Тавр отвернулся и принял равнодушный вид. Даже такому профану в вопросах чувств, как я, стало очевидно, что он ревновал.

— Надо составить список всех возможных врагов. Неспроста ведь Сириам решился на противостояние короне, — ляпнула первое, что пришло в голову, чтобы скрасить неловкую паузу.

— Ты права, кот... Маримар. — Роах нарочито закашлялся, а сам лишний раз проверил, как работает ветряной кокон, не позволяющий нас подслушать. Старое мое прозвище он едва не употребил по привычке, но сердце неприятно заныло. — И у меня есть одна догадка, правда, тебе, Тавр, она придется не по вкусу.

Коротко взглянув на Алексис, тем самым прося разрешения у императора продолжить разговор, посвятив ее в тайны заговоров, и дождавшись, пока мой жених кивнет в ответ, Роах продолжил:

— Вдовствующая императрица...

— Была отослана на юг в один из родовых замков, — грубо прервал его Тавр, как отрезал.

Почему-то мой жених старался избежать разговоров об Аназис. И уже не в первый раз. Роах продолжил ледяным голосом:

— Я боюсь, что ее семья снова пытается захватить власть, используя как карту еще не рожденное дитя от Терениса-старшего. В конце концов, они обручились, и именно Сириам засвидетельствовал их союз.

У Аназис живот еще не вырос, а она уже пытается стать во главе переворота. Хотя с ее ушлыми родственниками... Переворот планируют именно они.

Мой рыжий друг явно думал о том же.

— Они со старым императором были женаты без году неделю, а если учесть, с какой регулярностью старый хрыч менял жен, ее и императрицей-то назвать тяжело. — Роман спохватился и поспешно добавил: — Прости, Тавр, но твой папаша был редкостным гадом.

Возразить молодому императору было нечего.

— Если участие Аназис подтвердится, в чем я не сомневаюсь... — каждое слово Роаха звучало как порыв ледяного ветра, и я уже догадывалась, к чему ведется разговор. — Мы не можем позволить себе роскошь в виде другого наследника.

— Я не могу на это пойти. — Тавр тяжело вздохнул. — Шанс, что она родит мага воды, невелик. Я не уверен даже в том, что Аназис беременна от отца, он был слишком стар.

— Неужели вы всерьез планируете убийство беременной женщины? — вмешалась в разговор кузина.

Граф осадил ее одним лишь взглядом — «если так будет благостно для империи» — и Алексис замерла, глотая воздух, как выброшенная из воды рыба. Губы ее посинели, изо рта вместо слов вырывались клубы пара.

Что-то здесь было не так. Роах никогда не подавлял людей своей силой лишь за попытку ему возразить. Я взяла бокал с вином и, как мне казалось, незаметно прислонила его к плечу графа. Жидкость мгновенно замерзла.

— А если я скажу, что ради блага империи нужно вырезать половину аристократов?

Роах склонил голову.

— Я исполню твое пожелание.

Замороженная логика, лишённая сострадания. Плохо дело. Долетался. Как когда-то Ану уничтожало пламя, графа пожирал холод. Я схватила его за запястье, чувствуя, как немеют пальцы.

— Как долго ты провел в воздухе? — спросила, памятуя о своем отказе согреть Роаха.

Моя гордость могла стоять ему не жизни, нет, — души. Граф так много общего имел со Снежным Королем из моей любимой северной

сказки, что с ним могло произойти то же: «Ветер поселился в его сердце, заморозив его, лишив чувства сострадания, привязанности, милосердия».

Роах задумался.

— Когда ты позвала, я уже почти два дня находился в полете. — Император открыл было рот, чтобы спросить зачем, но граф опередил: — Множество аристократов погибло, оставшихся в живых нужно было убедить, что следование новым законам и лояльность власти императора их единственный способ выжить.

А мы бросили его одного, отправившись на свой «заслуженный» отдых. Чувство вины сжало сердце. Тавр бросил на меня быстрый взгляд и положил руку на плечо графа.

— Мы виноваты перед тобой.

— Мой долг — служить империи, — отчеканил тот в ответ. — Но мы отвлеклись от сути... Вы отдаете приказ о допросе Аназис?

— Нет! — в один голос прокричали мы с императором. И я добавила, поразившись, как Тавру эта идея в голову не пришла: — А вот ее брата стоит допросить с пристрастием. И если участие подтвердится, клан Черного Ветра должен быть лишен всех привилегий и имущества.

Я говорила кокетливо, то поправляя волосы, то картинно закидывая ногу на ногу. Но не потому, что хотелось подразнить графа, — на нас смотрело слишком много любопытных глаз, и было бы глупо дать им понять, кто на самом деле сидит за столом. Роах сказал: «Хорошо» и встал, собираясь откланяться. От резкого движения воздух снова завихрился в ледяной пляске, а в многочисленных факелах на стенах дрогнул огонь.

— Останься, — тихо попросила, встретившись взглядом с графом.

— Как вам будет угодно. — Расценив мои слова как приказ, Роах, словно деревянный уселся обратно на жесткий стул.

— Поешь.

— Если вам будет угодно.

— Драконьи пятки, да что происходит? — рывкнул Роман, не в силах наблюдать за разговором. — Он что, издевается? — Парень помахал руками перед лицом графа.

Маг ветра вяло проследил за движением.

— Прекрати, это привлекает внимание.

Сделав заказ, граф вернулся к беседе с императором, обсуждая преобразования, которые были необходимы нашим землям. Холодная логика и расчет, абсолютное повиновение — Роах был мечтой любого правителя. Стылый взгляд напомнил мне его прежнего, безропотно выполняющего приказы Терениса-старшего, мужчину, что пытался купить меня в школе Танцующих леди, заставлял мое сердце сжиматься и отчаянно желать прикоснуться к нему.

Время шло, напитки лились рекой, и Алексис с Романом уже вовсю хихикали, обнимаясь украдкой. Граф спиртное не пил, неизменно предпочитая очень горячий черный чай. Горячий ровно до той поры, пока к нему не прикасались его руки.

«Я должна согреть его», — билась в голове отчаянная мысль. Тавр благодаря нашей ментальной связи не мог ее не услышать. Он тихо прошептал графу:

— Не мог бы ты отвести Алексис и Романа в их комнаты и проследить, чтобы они разошлись по разным спальням?

Тавр прав, Роаху достаточно было посмотреть на парочку, чтобы остудить их подогретый алкоголем пыл. Авторитет ректора академии моментально заставил Алексис задуматься о своем поведении, она больше не млела и не хихикала от фривольных прикосновений Романа. Спать отправилась тоже без возражений. Мой рыжий друг бурчал о цепях, сковывающих его молодость и свободу, но послушно поднимался по лестнице впереди подгоняющего его графа.

— Отличная идея, — похвалила я Тавра.

В конце концов, Алексис аристократка, ее мужу не понравится, если в первую брачную ночь выяснится, что невеста не девственница.

— Я могу предвидеть, к чему приведет алкоголь и первые искры страсти. Любовь дарует терпение, страсть — нет.

Он прикоснулся губами к моим пальцам, как делал всегда, когда нужно было сосредоточиться. На стол поставили еще один чайник с чаем, заставив вновь вспомнить о Роахе.

— Я должна согреть его.

— Не должна.

— Прошу...

— Ты сама отказала ему в своих объятиях.

— И к чему это привело? — Попыталась мягко высвободить руку, но впервые император удержал ее силой.

— К тому, что мы имеем верного союзника, готового пойти ради короны на что угодно.

— Но это не тот Роах, которого я...

— Любишь?

— Знаю, — поправила деловито. — Неужели ты столь жесток, что готов иметь рядом с собой ледяного воина, тень настоящего?

— Я выжил во дворце, не имея способностей к магии воды, только благодаря тому, что умею использовать свои сильные стороны. — Принц сделал глоток душистого смородинового вина. — Ледяной воин, как ты выразилась, представляется мне куда лучшим вариантом, чем влюбленный романтик. Настоящий Роах ненавидит меня и любит тебя. Считай это эгоизмом, но я не желаю, чтобы ты снова пробуждала моего соперника.

Спорили мы с Тавром не впервые, и если раньше я нередко с ним соглашалась, то в этом вопросе не собиралась дать себя переубедить. Конечно, можно было продолжить обсуждение проблемы, вполне вероятно, Тавр привел бы больше аргументов в пользу «неразморозки» графа, но... я намеревалась не беседовать, а действовать. И, когда граф вернулся без нашей сладкой парочки, приблизилась к нему, чтобы вытянуть как можно больше холода. Контакта было недостаточно, хотя я «случайно» то брала графа за руку, то прислонялась к нему и следовала, словно на веревочке.

Заметив мои неуклюжие попытки подобраться к Роаху, жених тихо промолвил:

— Душа моя, ты совсем меня не слышишь.

Я слышала, но следовать его пожеланию не собиралась.

— Душа моя, ты себя не бережешь, — прозвучало следующее предупреждение, как и первое, оставшееся без внимания.

В конце концов принц устал наблюдать, как я вешаюсь на мага ветра, и с горькой усмешкой громко сказал:

— Лимар, я хочу, чтобы ты поднялась с графом Роахом в наши комнаты. Он устал с дороги, нужно его согреть.

Фраза «случайно» проникла за пределы магического кокона и была услышана в таверне. На секунду воцарившееся молчание сменилось оглушительным смехом и пожеланием хорошо провести время. Делиться младшими женами — распространенная практика среди аристократов.

Граф вопросительно глянул на меня, я же перевела глаза на жениха. Вот же мстительный ведьмак! Очевидно, сильно обиделся. С другой стороны, Тавр дал возможность помочь графу, не ставя под сомнение нашу «легенду». Что ж, дорогой, я тоже умею играть на нервах.

— С удовольствием. Здесь слишком жарко. — Подхватив упирающегося графа под руку, потащила его наверх.

Сопровождали нас многочисленные взгляды и шепотки: «Аристократы совсем стыд потеряли», «Меня б жинка за такое сковородкой по лбу приложила». Когда за нами наконец захлопнулась дверь комнаты, сердце мое колотилось в горле.

— Маримар, я не понимаю для чего этот спектакль. Если тебе нужно поговорить наедине, я создам ветряной поток.

Кто бы сомневался... Граф вообще мог сделать все на свете. От поднявшегося ледяного ветра погасли магические огни, и мы остались вдвоем, освещаемые скудным светом полной луны, льющим из большого окна.

— Ты замерз, Роах. Тебя нужно согреть.

Плевав на двусмысленность слов и действий, я прильнула к магу ветра. Объятие было подобно прикосновению к ледяной колонне. Пальцы замерзли в то же мгновение, как я дотронулась до него, дыхание в легких замерло, грудь сдавило от необъятной боли — бушевавший внутри меня океан подернулся льдом. А холод все прибывал. Изумленный граф медленно расслаблялся, струна, что была натянута с момента встречи, ослабевала. Он зарылся носом в мои волосы и жадно дышал, теперь не я обнимала, а меня прижимали все крепче, словно желая сделать частью себя, желая поглотить все мое тепло. У меня уже не было сил отстраниться, отвернуться от холодных поцелуев. Опомнился маг ветра, когда у меня в буквальном смысле подкосились колени.

— Котенок! — закричал граф, удерживая меня в объятиях.

Если бы не он, свалилась бы на пол. «Я океан, я океан», — рвалось напоминание в моем сознании, удерживая от падения в пучину холода. Эта мысль помогла мне открыть глаза.

— Было хуже, чем обычно, — прохрипела. Роах подал мне дрожащую руку. — Еще остался холод?

— Это не от холода, от страха, — откровенно признался он.

Интересно, чего испугался Роах, неоднократно водивший в бой армии и видевший тысячи смертей? Спросить не удалось, потому что вновь подогнулись непослушные колени. Граф подхватил меня непривычно теплыми руками и уложил в постель. Он было дернулся к двери, но я остановила.

— Куда ты собрался?

— Принести горячее питье. Поможет восстановить силы. — Выразительные глаза Роаха вновь наполнились чувствами, разгадать которые мне было не под силу.

— Мы отправились в спальню минут семь назад. В школе Танцующих леди нас учили, что столь короткое время свидания недопустимо, поскольку может уничтожить репутацию мужчины.

Аделина говорила, что даже если «акт любви» длился пять минут, изображать страсть надо еще минимум полчаса, иначе свет поднимет любовника на смех. Меня всегда удивляло, отчего в высшем свете наравне с непорочностью женщины так чтилась опытность мужчин. По справедливости и мужчины тогда должны быть девственниками.

— Да плевал я на свою репутацию.

— Останься пока со мной, — хотела попросить ласково, но слова прозвучали как приказ, и Роах не мог ему не последовать.

Растеряв свой внутренний холод, граф стал выглядеть моложе. Сел у кровати, взял меня за руку, ласково и с какой-то обреченностью провел по безымянному пальцу, на котором красовалось кольцо Тавра.

— Лучше бы ты не возвращала мне чувства снова и снова, — сказал тоскливо. — Позволь мне замерзнуть, на мою верность, как ты видишь, это никак не влияет.

— Два часа назад ты считал, что убийство беременной женщины — приемлемая плата за спокойствие империи. Ты все еще так считаешь? — Мне было необходимо услышать ответ.

— Если это цена твоей безопасности, я готов ее заплатить. — Голос не дрогнул.

Роах наклонился ко мне, а затем лег на бок рядом. Кровать жалобно скрипнула. Лицо графа было в нескольких сантиметрах, дыхание пахло морозной мятой. Мне было некуда бежать от его напора, впрочем, как и всегда. Не знаю, сколько мы так лежали в темноте, но впервые со смерти императора отступило гнетущее чувство на душе.

— Снег идет, — прошептал граф.

Поднялась на локте и выглянула в окно. Пушистые крупные хлопья медленно кружили и таяли прямо в воздухе. Люди выбежали на улицу, чтобы воочию посмотреть на чудо — снег в середине лета.

— Нужно возвращаться, — пробормотала сонным голосом. — Думаю, твоей репутации больше ничего не угрожает.

— Давай еще немного так полежим? — Граф был очень уставшим.

Не знаю, что двигало мной, но я согласилась и почти мгновенно провалилась в сон.

Проснувшись я одна, Тавр сидел в кресле и, судя по его виду, всю ночь не сомкнул глаз. Он демонстративно меня игнорировал, но на вопрос, отчего так дуется, ответил:

— Как бы ты реагировала, застав меня в постели с другой женщиной?

Картина, возникшая в голове, больно уколола сердце. Понимала, что поступаю глупо, все равно попыталась оправдаться:

— Мы просто уснули рядом как щенки.

— Когда я вошел в комнату, Роах смотрел на тебя далеко не со щенячьим выражением. — Тавр хотел еще что-то сказать, но без труда прочитав виноватое выражение на моем лице, со вздохом произнес: — Забыли, мое сокровище. Для неженатой пары мы с тобой слишком часто ссоримся. Предлагаю позавтракать и продолжить путь. Эта поездка уже оправдала себя, но кто знает, что еще нового нас ждет.

Когда мы спускались вниз по деревянной лестнице, я была готова к косым взглядам со стороны видевших вчерашнее «представление». Под пристальными взглядами трактирщицы и нескольких завсегдаев таверны еда в горло не лезла. Я равнодушно ковыряла оранжевый желток яичницы-глазуньи и давилась свежим черным хлебом, в то время как Алексис и Роман перебрасывались загадками собственного изобретения.

— Ой, а эту знаешь: кто быстр, как птица, а недоволен, как слон?

— Ха, проще простого — Роах!

— Ла-а-адно, сейчас посложнее: у кого голова, как луна, а кулаки со звезды?

— Это Эльдар! — воскликнула моя кузина. Бритоголовый Эльдар и правда сиял лысиной, как ночное светило. — Давай я загадаю?

Роман кивнул и приготовился слушать.

— В чьих глазах играют лисята, в волосах живет закатное солнце, а в сердце — весна?

Романа не на шутку смутила загадка. Алексис лукаво улыбалась, я же внимательно разглядывала свою тарелку, чтобы скрыть улыбку.

— В сердце весна — значит маг земли, — рассуждал Роман, — закатное солнце — рыжий. Вот только лисят в глазах отгадать не могу. Дай еще подсказку!

Тавр тихо рассмеялся, ответ был очевиден. Алексис задумалась и добавила:

— И реку вина может выпить, не захмелев.

— Так это же я! — радостно провозгласил Роман.

Они с Алексис обменялись многозначительными взглядами, и даже такой неопытный в вопросах любви человек, как я, мог с уверенностью сказать, что между ними пробежала искра.

Кое-как закончив завтрак, поднялась наверх. У двери меня окликнул незнакомый женский голос:

— Лимар, Лимар, идите сюда, — звучало из ниши, где, скорее всего, хранились швабры да тряпки.

Привыкшая к постоянным покушениям, прежде чем пойти на голос, нащупала за поясом острый кинжал, смазанный соком бошника. Больше я не полагалась исключительно на свои способности к магии, помня, как самонадеянность едва не стоила мне жизни.

Я встала так, чтобы отпрыгнуть в любой момент, но из ниши показалась худенькая девушка лет шестнадцати с большими водянисто-голубыми глазами и мышиными русыми волосами. С ее комплекцией, худенькими запястьями и повязанным застиранным передником, она вряд ли была наемным убийцей.

— Что вы хотите?

— Мы знаем, как с вами обращается муж, — быстро заговорила девушка. — Он предложил вас другому, словно вы какая-то вещь. Мы защищаем женщин, подобных вам, от их отцов, братьев, мужей. Присоединившись к нам, вы больше никогда не будете унижены.

— А кто «вы» такие? — поинтересовалась, уж очень расплывчато девушка рассказывала о тайной организации.

Организации, судя по фанатичному блеску в глазах, религиозной, а я религию не люблю.

— Поклянитесь кровью, что не расскажете о нас ни единой живой душе. — Девушка была не глупа, несмотря на кажущуюся простодушной внешность.

Я достала кинжал, надавила на палец. В воздухе начертила символ, что помогал создать устный Кровавый договор.

— Я, Лимар без способностей, клянусь не разглашать ничего из услышанного ныне.

Девушка не могла знать, что клятва не имела никакой силы, поскольку имя не мое. В голове роились кровожадные мысли. Если это очередные заговорщики или какой-то культ — натравлю псов Роаха, и пикнуть не успеют.

Девушка выпрямилась так, что ее осанке могли бы позавидовать аристократки, и сказала с гордостью:

— Мы — ведьмы, и мы строим город Отверженных в Черном лесу.

Новость словно обухом по голове ударила. А с другой стороны, этого стоило ожидать. Мы оживили лес, в котором раньше жили ведьмы, вернули им убежище, очевидно, что выжившие пожелают отправиться туда. Мы с Тавром даже рассчитывали на подобный исход. Однако меня смущал темп, в каком ведьмы взялись восстанавливать порядки двухсотлетней давности. По-своему истолковав мое молчание, девушка, чьего имени я так и не узнала, предложила:

— Мы приглашаем тебя, Лимар, присоединиться к нам. Стать частью нового мира, нового порядка. Мы видели унижение твое и скорбь твою и предлагаем тебе очиститься в водах Вечного озера.

Она говорила явно заученную фразу, однако слова звучали искренне, не проникнуться я не могла. Вечное озеро... Уж не тот ли иссохший кратер, который я заполнила водой несколько месяцев назад? В какой момент он стал «вечным»? Девушка-вербовщик все вещала о каких-то незримых благах, когда я спросила напрямую:

— Когда и куда идти?

Опешив от такой прямолинейности, она произнесла:

— Если желаешь, можешь завтра отправиться к Вечному озеру со мной и еще несколькими избранными.

— Я пойду, — не дала себя уговаривать. Заметив тень подозрения на лице девушки, вспомнила, что я «страдающая душа», и даже сумела выдавить поддельные слезы. — Наша встреча как ответ на мои

молитвы. Моя жизнь невыносима, только недавно я задумывалась о том, чтобы оборвать свое жалкое существование.

Мне понимающе кивнули.

— Отправляемся в путь на рассвете. Возьми с собой все свои вещи и, главное, драгоценности. Строительство требует затрат.

Я понимающе кивнула, подумав про себя, уж не это ли причина, по которой они решили спасти страдающую жену аристократа? Вот завтра и выясню.

Девушка скрылась в нише, оказавшейся тайным ходом.

Понимая, что с головой ныряю в расследование новых загадок, лишь бы больше не ссориться с женихом, поспешила рассказать ему о своем плане. Мы договорились остаться еще на день, а после моего «исчезновения» Тавр должен был гневно возмущаться, грозясь пуститься в погоню.

— Только будь осторожна, моя любительница приключений.

Император поцеловал меня, и я невольно сравнила эти сдержанные нежные поцелуи с ревущей мощью Роаха. Нет, я невеста, а затем и жена Тавра, а Снежный Король пусть ищет себе Ледяную Королеву.

— Люблю тебя.

Роах

Я убью Тавра. Прекрасное в своей простоте решение проблемы пришло в голову, когда накануне вечером я глядел в синие глаза Маримар. Это моя женщина, она создана для меня. Никому не позволю прикоснуться к ней. И удивительно, как я мог так долго держать себя в руках. Возможно, помог холод. Возможно, этот ведьмак, что пахнет жженым сахаром, затуманил мне разум.

Они отправляются в Черный лес. Я бы мог коршуном спикировать на Тавра и легко утащить в небо, падение с высоты убило бы его. Или мог бы уронить ему на голову что-нибудь тяжелое, несчастные случаи происходят сплошь и рядом. Маримар погоревала бы, но ее сердце юно, оно бы не могло кровоточить вечно. А как же империя... Я привычно запер в себе рвущийся на волю холод и протянул руки к огню. Правильной идеей было пересечь на лошадь и на время

отказаться от полетов. Хотя я и попросил Маримар больше не возвращать мне чувства, лишь они делали меня живым.

— Принести еще что-нибудь? — Пышногрудая девица, что разносила пенное пиво, а для меня в виде исключения вскипятила вино, оперлась на стол, тяжелая золотая коса рухнула с плеча.

Равнодушно окинув взглядом пышущую здоровьем красоту, попросил:

— Еще вина, горячего.

— Для вас все что угодно, — двусмысленно произнесла она, не вызвав во мне никакого интереса.

Сделал глоток и вспомнил вчерашний вечер. Обычно я не пью спиртное, но горячее вино помогало справиться с холодом. Хотя воспоминания о живительных поцелуях Маримар и тепле ее тела согревали лучше, чем все вина мира.

Тавр вошел в комнату в тот момент, когда я обдумывал свое решение.

— Ты хочешь похитить ее или убить меня.

Отрицать очевидное было глупо, и я согласно кивнул.

— Маримар жрица, а ты знаешь, что это значит.

Проклятье... Осквернивший жрицу будет наказан богиней. Вот только в отличие от Тавра мне плевать на проклятье, если хоть раз смогу держать в руках любимую женщину. Наоборот, оно давало гарантию, что император не станет осуществлять права супруга. Возможно, только поэтому я еще не сорвался и не убил его. А еще потому, что понимаю, Маримар никогда меня не простит, если узнает. Напыщенный сластолюбец... Стоп! Я еще раз окинул взглядом девицу. В свою бытность принцем Тавр славился тем, что в его постели перебивало огромное количество женщин. Вешающиеся на красавца были готовы пойти на что угодно, чтобы удержать его внимание. Пользуясь этим, принц вел тайную политику, имея пару ушей и стройных ног во всех уголках дворца. Может быть, прежние любовницы ввиду вынужденного целибата смогут вновь завладеть вниманием Тавра, и тогда Маримар увидит его таким, каким вижу я.

ГЛАВА 9

Маримар

Самые ранние пташки в городе обычно пекари, но и они еще спали в своих кроватях, а я уже ждала в назначенном месте, ежась от утренней прохлады. В мешке за поясом звенели золотые монеты и несколько украшений, очень дорогих, но для меня особой ценности не представляющих. Раскидистый красный бук сиял кровавой каплей посреди парка, так что найти место встречи оказалось предельно просто. Император должен был отправиться в путь вслед за мной, предварительно устроив сцену, укоряя «неблагодарную сбежавшую младшую жену» в воровстве. Тавр попытался отговорить меня от очередного «сальто мортале» и не делать из себя живую наживку, но конечно же у него не вышло. «Иногда мне кажется, я женюсь на упрямой ослице, — закончил он свою проповедь, поняв, что я осталась непреклонна. — Самой прекрасной ослице на свете», — добавил, заметив, что я вот-вот обижусь.

Когда свет алого рассветного солнца коснулся листвы бука, к нему подошли еще четыре женщины. Помимо моей знакомой, что вербовала новых ведьм, здесь были молоденькая хорошенькая девушка, женщина постарше, явно ее мать, с обреченным видом прижимающая к груди немногочисленные пожитки, и пожилая дама из тех, кого боятся дети, потому как кожа ее была покрыта многочисленными черными родинками. Я-то знала, что такое иногда случается с прекрасными северянками, чья кожа не приспособлена к сильному солнцу юга, но местные жители во всем — бородавке на носу, россыпи родинок на щеках, в редких волосах — готовы видеть дурные предзнаменования. Эта троица, за исключением провожатой, у которой, как и у меня, имелась собственная лошадь, сидела на обозе, который тащил крупный золотистый тяжеловоз.

— Мы отправляемся в путь. Попрощайтесь со своей старой жизнью прямо сейчас и идите в новую, полную приключений и опасности, но, главное, свободы. И не бойтесь, ведь с нами императрица! — воскликнула она, а я испуганно оглянулась, решив,

что узнана. Меж тем девушка продолжила: — Она поддерживает наши благородные начинания.

С этими словами проводница тронула носками сапог белую с коричневыми пятнами кобылу, что вальяжно направилась вглубь парка, а оттуда в рощицу, граничащую с лесом. Лошадь явно знала, куда идти.

— А почему вы решили, что императрица с нами? — не могла не поинтересоваться.

— Наши предсказательницы предвидели, что очень скоро она придет к нам и благословит наш труд.

Меня начинали утомлять бесконечные высокопарные речи. Много слов и мало дела. Где план строительства города? Где программа его обеспечения? Да и чем, в конце концов, собирается заниматься целая толпа девушек и женщин? Не одну меня томили вопросы, мать красотки произнесла на удивление нежным голосом:

— Вы стали нашей последней надеждой. После того как в мою Ирири влюбился местный лорд, мы много скитались, избегая его внимания, но все было тщетно. Он уничтожил нашу ткацкую мастерскую, убил жениха моей дочери. Сделал все, чтобы взять ее младшей женой. И как мы, простой люд, можем противостоять избалованным аристократам?

— Никак, — согласилась старуха. — Меня вон тоже местные хотели на костре сжечь, когда половина коров передохла. Решили, что я ведьма и заколдовала их. А теперь придется и правда становиться, — говорила она трескучим голосом, а я запоминала информацию и мысленно била себя по лбу за то, что не предприняла подобную поездку раньше.

Лорд, который возомнил себя выше закона, деревенские, угрожающие сжечь на костре, непонятная организация, собирающая возможных ведьм... Куда смотрел Теренис-старший? Старик повернулся на власти, хотел все больше и больше, а о том, что делается в подконтрольных ему территориях даже не думал. А теперь мне, восемнадцатилетней пигалице, придется разбираться в этом балагане. Хорошо, что есть Роах, его клан и его псы. Нужно будет поинтересоваться у Ирири, как зовут воспылавшего к ней любовью лорда, а у старухи узнать, где именно люди вместо того, чтобы лечить скотину, пытаются спалить якобы виновную на костре. Захваченная

размышлениями, не заметила, что женщины выжидающе смотрят на меня, желая услышать и мою историю. В порыве вдохновения ляпнула:

— А я что, родилась аристократкой, но сквиром. В семьях к нам относятся хуже, чем к челяди. В пятнадцать выдали замуж младшей женой. Муж меня ценил как одну из своих скаковых лошадей. А потому частенько разрешал друзьям покататься на мне.

Потрясенные женщины молча переваривали историю.

Ехать долго не пришлось. Молодые деревья в возрождающемся Черном лесу радовали глаз изумрудными кронами. Шустрые белки сновали по ветвям, птицы вили гнезда. Все вокруг было пропитано жизнью, и я не могла не гордиться собой за то, что приложила к этому руку. Листва зашуршала, словно это место узнало и приняло меня. Услышанное мне не показалось, проводница воскликнула:

— Лес приветствует нас!

Этой девушке в театре бы играть, столько эмоций в звучном голосе.

Мы неспешно двигались мимо причудливых «танцующих» деревьев, мимо красных стволов сосен и бесконечного количества дубов с листвой почти черного цвета. Я никогда не видела подобных растений и начинала понимать, почему утеря Черного леса для ведьм стала такой трагедией. Мои спутницы смотрели на окружающий пейзаж с таким же восхищением.

— Он живой! — воскликнула красавица Ирири, когда корень одного из черных дубов услужливо отодвинулся, давая дорогу нашей небольшой группе.

— В ком-то из вас есть сила, — заявила провожатая, приглядываясь.

Ирири тут же решила, что речь о ней, и радостно улыбнулась. Ее прагматичная матушка поинтересовалась:

— О какой силе идет речь? Я думала, что все женщины могут овладеть магией ведьм.

Проводница охотно пояснила:

— Существуют целые семьи уцелевших ведьм Черного леса, есть даровитые девушки и даже отмеченные богиней жрицы. Их-то и узнает Черный лес. Конечно, все, кто к нам приходят, получают тайные знания и смогут лечить, не используя магию земли, противостоять

злой воле, разбираться в помыслах людей и даже убеждать без магии воды. — Последняя фраза не на шутку взволновала женщин. — Как вы знаете, у ведьм не рождаются сыновья, только дочери. Об этом мы предупреждаем всех, кто желает овладеть нашим искусством.

Стоп, а Тавр тогда кто такой? Я поравнялась с провожатой, стараясь не обращать внимания на то, как раздвинулись ветви, пропуская меня вперед, даже сделала вид, что сама отвела ветку рукой. Лишний интерес к моей персоне ни к чему.

— Я лично знаю одного сына ведьмы, — промолвила. — Даже нескольких, — добавила, вспомнив сыновей Синеи ведьмы.

Девушка посмотрела на меня внимательнее, чем мне бы хотелось.

— Тем из нас, кто увлекся темным искусством или как-то прогневал богиню, она в наказание посылает сыновей. Может, ты ошиблась, приняв юношей-слуг за детей ведьм?

— Может быть, — пробормотала, решив, что при встрече задам Тавру пару вопросов.

С помощью деревьев, которые, отодвигаясь, строили для нас короткий путь, мы все быстрее продвигались к Вечному озеру. Теперь я понимала, почему двести лет тому назад тогдашний император предпочел сжечь лес дотла. Деревья просто не пропустили бы того, кто шел с дурными намерениями. Даже сейчас лишь оживающий лес мог запутать любого странника.

— Как же вы отбираете, кого приводить сюда? — спросила у провожатой, она не так проста, как показалось на первый взгляд.

— Как и первые, кого кровь позвала в лес, когда он начал возрождаться, я принадлежу к старому роду ведьм. Сила позволяет мне разбираться в тайных помыслах людей. Например, я вижу, — ее голубые глаза на мгновение вспыхнули, — что ты что-то скрываешь, но не представляешь для нас опасности, наоборот, являешься другом.

Надо было побольше узнать о ведьмах, прежде чем к ним соваться. С другой стороны, лес признавал меня, я действительно пришла сюда, чтобы помочь, значит, худшее, что может случиться, — во мне кто-нибудь узнает императрицу.

Мы шли еще несколько часов, солнце начало клониться к горизонту, когда деревья расступились, открывая широкую площадь на берегу бескрайнего озера.

Увиденное потрясло. Здесь действительно строили город! Не деревушку, не поселение, хотя на привольных лугах паслись стремительно набирающие вес коровы и козы. Дома возводились сразу в несколько этажей, по стенам буйной зеленой пеной вился виноград. Я насчитала около семидесяти зданий, и это строительство только начиналось! Озеро уже обросло набережной, где удили рыбу, плетеные корзины наполнялись крупными жирными карасями. А ведь недавно это был просто кратер, пустой и безжизненный.

В центре города по соседству с огромными черными елями возвышалась башня. На самой верхушке, опершись на перила, на строительство взирала высокая черноволосая женщина, показавшаяся смутно знакомой.

Город так тесно соседствовал с растительностью, что сомнений не оставалось — Черный лес скучал по своим жителям и услужливо распахнул для них объятия, будто сам освобождал место для каждого нового здания, деревья отодвигались в сторону, а перед теми, которые все же приходилось рубить, стояли женщины и что-то шептали.

Заметив, что я наблюдаю за происходящим, провожатая пояснила:

— Они договариваются с деревьями. За каждое срубленное мы сажаем два новых, тем самым расширяя территорию леса. Поэтому он и позволяет нам селиться здесь. Маги разучились слышать голос земли, но мы это еще умеем.

Как много я, оказывается, не знала о ведьмах! Судя по всему, Тавр тоже. Особенностью его рода была ментальная магия, умение воздействовать на сознание и строить иллюзии. Я думала, подобным ограничиваются таланты всех ведьм, но нет, здесь были говорящие с деревьями и камнями, слышащие умерших, способные проклинать и даже убивать взглядом. Обо всем этом мне поведала идущая рядом девушка.

— Но как получилось, что стихийные маги почти уничтожили ведьм?

Меня не оставлял в покое вопрос «как», но я прекрасно понимала «зачем». Вся наша иерархическая система держалась на магии. Маги воды — высшая каста, другие стихийники — следующая ступень, где маги огня и воздуха, как правило, воины. Люди без способностей — челядь. Лишь потому, что в последние несколько десятилетий в семьях аристократов рождалось все больше детей-сквиров, стало возможным

обучение в таком престижном месте, как Академия пяти дорог. А еще в прошлом столетии все учебные заведения были только для магов.

— Ведьмы, как кошки, мы привязаны к месту. Уничтожь наш дом, и мы становимся почти бессильными. Лес был нашей последней защитой. До этого стихийные маги уничтожили наши поселения на Золотых островах, которые затопили маги воды, в Изумрудной долине и в Синих горах на востоке.

Я шла за проводницей и запоминала. Для начала надо будет восстановить Золотые острова. Я смогу отогнать воду, особенно если там ей не место. Потом возвести на уровень со стихийной магию ведьм. Они не жаждут титулов, просто хотят жить. Затем законодательно прописать, что ведьмам делать можно, а за что их ждет тюрьма или даже казнь. Но самое главное, никаких больше костров.

— Сейчас отведу вас к нашей предводительнице, она определит ваши способности и соответственно им поможет найти жилье.

Как я и ожидала, нас подвели к башне. Высокая статная женщина, оказавшаяся главной, увидев нас, улыбнулась, обнажив ряд жемчужно-белых зубов. Она спрыгнула с балкона башни и, раскрыв руки как крылья, медленно слевитировала вниз. При этом, готова биться об заклад, женщина использовала что-то отличное от магии воздуха. Однако размышления о способностях мигом выветрились из моей головы, когда я рассмотрела ее и поняла, кого она мне напомнила синим оттенком волос и изумительной голубизной глаз. Сомнений в том, что это родственница Лорель, не оставалось.

— Рада приветствовать вас в городе Отверженных. — Она по очереди подходила к каждой из нас и на секунду брала за руки, коснувшись меня последней, вздрогнула. Мельком улыбнулась мне, одними губами прошептала: «Все хорошо, не бойся», а затем возвестила:

— Меня зовут Лизабель и по воле обстоятельств я здесь главная. Вы, — указала на старуху, — отправитесь в сторону березовой рощи, вас примут наши целительницы и обучат ухаживать за больными. — Быстрый взгляд на мать Ирири. — Вы владели ткацкой мастерской, здесь для вас найдется работа. А вы, — она посмотрела на девушку, — поможете матери. Но если все обязанности повесите на нее, как делали это раньше, отправитесь восвояси, бездельники нам не нужны. — Затем посмотрела на меня и с улыбкой, в которой читалась

неподдельная доброта, сказала: — Вас же попрошу последовать за мной.

Она взмахнула рукой, дверь башни отворилась. Интуиция шептала, что бояться нечего, и я смело шагнула вперед. За спиной послышался недовольный голос Ирири:

— Как всегда аристократам достается лучшее.

Я была уже в проходе, ведущем к лестнице, когда услышала ответ ведьмы:

— Все это время вы шли бок о бок с императрицей. Как возродившая Черный лес, она действительно заслуживает лучшего.

Лизабель ступила за мной на винтовую лестницу из белого камня, и дверь закрылась, оставляя пораженную Ирири и других позади. Мы поднимались вверх. В каждом лестничном пролете располагались светлые комнаты, где трудились женщины, от руки делавшие записи на пергаменте. Лизабель объяснила:

— В нашей культуре было не принято записывать знания, и это нас едва не погубило. Теперь подобно магам мы создадим библиотеки, где будет указано наше виденье истории, наши подходы к магии. Что позволит будущим поколениям самим выбирать, каким путем следовать. — Она говорила так, будто давно меня знала. — Мы поднимемся, и я представлю вас всем. Я обещала, что императрица придет, но вы же знаете женщин, они быстро теряют терпение. Надеюсь, вы не в обиде за то, что я рассказала, кто вы такая?

Ее строгого взгляда хватило, чтобы любопытные носы оторвавшихся от работы снова уткнулись в книги.

— Откуда вы...

— Это моя сила. Я знаю очень многое, прошлое и будущее. Вижу настоящее в любом конце мира. — Она продемонстрировала на руке подобную моей печать, изображавшую книгу.

— Вы жрица.

— Как и вы. Это я тоже знаю.

На всякий случай я понизила голос, чтобы никто не услышал:

— Вы дочь Синей ведьмы.

При упоминании матери женщина скривилась.

— К своему стыду, да. Я знаю, по какому пути пошла матушка ради молодости и богатства, и не поддерживаю его. Она присылает

деньги, чтобы мы могли закупать ткани, предметы обихода, и я вынуждена их принимать, хотя знаю, какой ценой они ей достались.

Мы поднялись на самый верх удивительной башни, которая внутри оказалась куда больше, чем выглядела снаружи, и вошли в мастерскую Лизабель, расположенную прямо под открытым небом. Мебель была простая, на широких полках расставлены склянки всевозможных цветов и размеров, разложены многочисленные свитки. В помещении витал аромат сушеных трав. Я поглядела вверх на безоблачно-синее небо. Не каждому магу воздуха под силу создать постоянный ветряной поток, имитировавший потолок и защищающий от дождя. Магия показалась бесподобной, но я перешла сразу к делу. Нет времени отвлекаться.

— Вы знаете, где она сейчас?

— Знаю, но не скажу. Во-первых, она моя мать, и я обязана ей за свое рождение, во-вторых, судьба уже наказала ее.

Она не желала продолжать разговор, и я без сантиментов готова была приказать ей сказать правду, используя магию голоса, когда Лизабель попросила:

— Не стоит.

— Что?..

— Не стоит уподобляться своим предшественникам. Боги даруют силу, но наказывают за неправильное распоряжение ей. — Она взяла с полки лист бумаги и пишущее перо и протянула мне. — На этом листке вы напишете грамоту, которой своей волей дадите Черному лесу независимость от империи и ее законов.

Если это шутка, то неудачная. Я рассмеялась самонадеянности этой женщины.

— Я не собираюсь ничего писать.

— А я и не говорю, что вы сделаете это сейчас. Просто имейте бумагу и перо при себе следующую пару недель.

Судя по тому, что я уже увидела, ведьмы были круты, а способности Лизабель так вообще поражали воображение. В сознание закралась мыслишка, не стоит ли снова спалить дотла Черный лес, но я ее отмела. И где носит Тавра, когда он так нужен? К слову, наверное, местных нужно предупредить о его приходе. Судя по всему, ведьмаков они не жалуют.

— Кстати, за мной следуют друзья и мой жених, император Тавр.

Ответ нисколько меня не удивил:

— Я знаю. Они придут с закатом солнца. Лес их пропустит, а здесь окажут радушный прием. Возможно, слишком радушный, — добавила она, опустив голову.

Мое представление ведьмовскому сообществу прошло как во сне. Лизабель говорила что-то о новой эпохе, о том, что теперь магистрийники и ведьмы научатся жить в гармонии и не лезть в дела друг друга. Когда подошел мой черед, я сделала неловкий шаг вперед и от волнения чуть не свалилась с башни. Подстраховал ветер, незримым потоком окружающий здание.

— Меня зовут Маримар, я была одной из тех, кто возродил Черный лес. — В толпе послышались одобрительные выкрики. — Но я же ответственна за преследования нарушивших закон ведьм. — Эта фраза заставила всех смолкнуть, а Лизабель понимающе улыбнуться. — Я стою на защите простого народа. А потому живите в мире и законе, и я гарантирую вам безопасность. А если нет, — не успела договорить, как вода в Вечном озере вышла из берегов, и из нее выпрыгнул Чак-Чо.

Зверь выглядел устрашающе, он прошел мимо присмиривших девушек и женщин и сел возле башни. Это была лучшая демонстрация силы, чем любые слова.

— Сегодня мы устроим пир! — воскликнула Лизабель, прерывая меня на не слишком радостной ноте. — К нам в гости пожалуют элементаль земли, что вернул жизнь деревьям, и сам император.

Женщины принялись поправлять волосы и одежду. Когда Лизабель распустила толпу, я готова была поклясться, сейчас добрая половина побежит к ближайшему зеркалу прихорашиваться. Я устало присела на покрытую овечьими шкурами лавку. Надо попросить Роаха найти для меня учителя по ораторскому мастерству. Что-то не очень вдохновляюще у меня выходит...

— Ты хорошо держалась, — похвалила меня предводительница ведьм, — но в следующий раз, когда тебе доведется произносить речь, будь немножко добрее. Они все-таки слабые женщины. Пойдем, я покажу тебе город.

Молча последовала за ведьмой. Никогда ранее мне не приходилось общаться с кем-то подобным — Лизабель предупреждала каждую мою мысль, наперед знала о чувствах, мечтах и идеях, но при

этом ни словом ни делом не давала почувствовать себя не в своей тарелке.

Ведьмы на единственной пока улице устанавливали столы, к ним подтаскивали широкие лавки под разноцветными покрывалами. Все находилось в радостном возбуждении. Похожие как сестры рыжеволосые женщины призывали из леса светящихся насекомых, которые парили в воздухе, источая зеленоватое сияние. Моя бабочка вспорхнула с волос и полетела к ним. Подарок Ану иногда словно обладал сознанием и сейчас радостно носился, играясь в салки со светлячками.

Мы обходили удивительные домики, уютно расположенные в стволах переплетающихся между собой дубов, дорогу под нашими ногами выстилала гибкие корни растущих вдоль нее деревьев. На небольших огородах, расположенных тут и там, росли огромных размеров почти черные помидоры, разноцветный перец, кукуруза и другие овощи.

— Никогда не видела подобных чудес, — призналась я ведьме.

— Черный лес обладает сознанием, душой, если хочешь знать. — Ведьма коснулась дерева, ей на руку спрыгнула рыжая белка, и Лизабель почесала ее за ухом. — Мы поделимся знаниями, больше не будем передавать их лишь из поколения в поколение. Мне кажется, нас наказала богиня, потому что мы замкнулись в себе, стали высокомерными, скрытными. Единственное табу, которое сохранится, — наши знания не для мужчин.

Рыжая непоседа еще несколько секунд поластилась к ведьме, а потом вернулась к своим беличьим делам.

— Не могу понять, почему вы так не жалуете мужчин.

Несмотря на то что обучалась в школе Танцующих леди, я мужчин любила. Мне нравилось, как они думают, нравилась их беспомощность в житейских делах.

— Скажем так, мы, женщины, не равны с мужчинами. Мы слабее, наши руки не могут держать оружие так же хорошо, как их. Ежемесячно испытываем недомогания, а когда носим детей, становимся абсолютно беззащитными. Знания тайн ведьмовства хоть немного уравнивают наши возможности.

С этим не поспоришь. Свет закатного солнца упал на волосы Лизабель, в его лучах они переливались фиолетовым. Следовавший за

нами Чак-Чо глухо зарычал на небольшую избушку, из трубы которой валил дым. Я не заметила, как мы оказались вдали от центра города.

— Здесь ты найдешь ответы на многие вопросы. Они тебе не понравятся, но кто я такая, чтобы останавливать тебя? — сказала предводительница ведьм, но прежде чем я шагнула к двери, остановила.

— Не сейчас. Твой жених заждался тебя.

Она поплыла по лесным тропинкам, а мне ничего не оставалось, как последовать за ней; Когда мы вернулись, совсем стемнело. Звучала веселая музыка, в воздухе витал запах дичи. Увешанные венками Тавр и Роман стояли посреди поляны, вокруг них толпились девушки и женщины, каждая стремилась преподнести небольшой подарок «вернувшем жизнь лесу». Не помню, чтобы было много желающих отблагодарить меня. Роман, как за спасательный круг, хватался за руку Алексис.

— Мари, моя прекрасная невеста! — через всю поляну крикнул император и поспешил ко мне, чтобы заключить в объятия и запечатлеть не слишком целомудренный поцелуй. — Милая, спасай, пока нас не растерзали, — с придыханием произнес мне прямо в губы.

От его недомогания не осталось и следа, Тавр двигался легко и грациозно, словно деревья давали ему силы.

На помощь пришла Лизабель. Она подняла руки вверх, гомонящие послушно замолкли, и сказала коротко и просто:

— Да будет пир!

Шум возобновился с новой силой. Нас усадили за стол, Алексис все же не уберегла Романа, и его окружили две рыжеволосые ведьмы-хохотушки. Тавра оторвать от меня оказалось не так просто. Мы ели, смеялись. Когда принесли жаренного на вертеле, истекающего соком кабана, я расслабилась.

Лизабель держалась в стороне. Женщина, что так открыто и радушно говорила со мной, моим друзьям не сказала ни слова. Когда я попыталась втянуть ее в разговор, она мягко обратилась ко мне:

— Ты же видишь на моей руке символ богини. Я не могу говорить с мужчинами, таков мой обет.

— А мой символ? — задала давно мучивший меня вопрос.

С каждым днем метка с цветком-пятилистником наливалась красками. Бат говорила, что прикоснувшийся ко мне будет проклят, но

вдруг она ошиблась.

Лизабель нахмурилась.

— Это знак власти. Властвовать тебе над пятью силами — огня, воды, земли и воздуха, а также силами ведьм.

Наш разговор, к моему удивлению, ни Тавр ни Роман, как ни желали, расслышать не могли. Догадалась об этом по их непонимающим лицам. Видимо, все сказанное ведьмой могут слышать только другие женщины.

— Но я обладаю только магией воды и немножко могу колдовать.

— Он, — Лизабель указала на Романа, — подчинен тебе, связан узами дружбы, а с ним и земля. Бабочка в твоих волосах — страсть мага огня, а ветер, — она втянула воздух и улыбнулась, — безграничная любовь того, кто, казалось, на нее не способен.

При упоминании о Роахе сердце болезненно кольнуло.

— Эта любовь не взаимна, — сказала скорее себе, чем ей.

— Жизнь очень долгая, Маримар. Рано или поздно нашими сердцами овладевают те, кто всегда рядом.

— Он рядом, — кивнула в сторону Тавра. — Он — моя судьба.

— Он — твоя любовь, но не судьба, — загадочно шепнула Лизабель и вышла из-за стола. — Наслаждайся трапезой. И не забудь навестить ту хижину на отшибе.

Уход предводительницы окончательно развязал руки девушкам, и покушения на моего жениха стали настойчивыми. От развязного «Проведите сегодняшнюю ночь со мной, ваше величество» до куда более хитрых манипуляций. Тавр был непреклонен, а я не могла понять, с чего местные женщины такие... голодные.

Ночь продолжалась. Дичь съели, на замену мясу пришли сладкие медовые пироги. Краснощекая веселая девушка поднесла императору вино, тот едва не сделав глоток, с силой втянул запах.

— Приворотное зелье... Милая, я такие варил, когда ты еще говорить училась. — Он строго посмотрел на девушку, та отвернулась, щеки запылали еще ярче.

А моему терпению пришел конец. Я уже привыкла к повсеместному оголению, попыткам соблазнить, совратить, да просто перевести моего жениха в горизонтальное положение, но приворот... Это переходило все границы. Я забралась на стол и в наступившей тишине громогласно заявила:

— Сестры! — Почему-то подобное обращение пришлось по душе. — Дорогие ведьмы и обучающиеся колдовству, не вы ли бежали от посягательств на вас мужчин? Не вы ли решили укрыться под защитой Черного леса? А теперь поступаете точно так же! И если ваша совесть не остановит вас от посягательств на моего жениха и моего дорогого друга Романа, то это сделаю я. Ты, — обратилась к девушке, используя магию голоса, — зачем лезла к императору?

— Так зачать бастарда, — пробормотала она, разведя руками.

Судя по хитрым мордашкам и опущенным головам, не ее одну посетила такая светлая мысль. Не всем нравился аскетичный стиль жизни под предводительством Лизабель, многие женщины рассматривали город Отверженных как временное пристанище и искали местечко потеплее.

— Бастардов не будет, — сказала я строго. — А если еще раз замечу, что кто-то лезет к моему жениху, заставлю искупаться в озере.

— И ко мне не надо! — подал голос Роман.

— И к нему не надо, — добавила.

После этого выступления всеобщее веселье несколько поутихло. К Тавру все же сунулась парочка любвеобильных ведьм, но я отправила их поплавать. Обещания надо выполнять.

— Любовь моя, ты просто волчица, — тихо сказал император. — И хотя я сам в состоянии отбиться от поклонниц, признаюсь, мне льстит твоя ревность.

Он поцеловал меня с нежностью, но вдруг прервался и замер, вглядываясь в темноту. Я успела заметить промелькнувшую сторбленную фигуру. Остаток вечера Тавр сидел дерганный и несчастный. Он больше не шутил, отвечал так, будто витал в облаках, постоянно терял нить разговора. Когда праздник закончился, мы отправились спать в одну из уютных хижин, образованную деревьями, будто переплетенными в объятиях. Пожелав друг другу доброй ночи, завалились спать на одну кровать. Я старательно имитировала сонное дыхание, зная, что Тавр не спит и собирается улизнуть, как только удостоверится в моем крепком сне. И в самом деле, вскоре он поднялся с постели и, перешагнув через Чак-Чо, направился к выходу.

Дождавшись, когда он уйдет, поспешила за ним в темноту леса. Следуя подсказке Лизабель, я бесшумно бежала в сторону хижины на

окраине. Деревья не давали заблудиться, а мягкая листва поглощала звуки шагов.

В хижине горел свет, на пороге стояли двое.

В первом я безошибочно узнала Тавра, а вторая... Что ж, больше не нужно беспокоиться о злой ведьме. Она сама стала причиной своей гибели. Волосы Лорель выпали, обнажив бледную кожу и проступающие кости черепа. Старушечьи морщины погребли под собой черты красивого лица, и только глаза по прежнему горели необыкновенно синим пламенем.

Лизабель не выдала мать напрямую, но дала возможность ее увидеть. Жаль, что я не сдержу данное Горане слово и не узнаю тайны магии Лорель, но... Поделом ей. Я пригнулась пониже и, пользуясь ловкостью и приобретенными в академии навыками, бесшумно подобралась ближе и засела в кустах барбариса.

— Любовь моя, — протянула ведьма некогда томным голосом.

Тавр приблизился и с жалостью коснулся ее щеки. От того, какими глазами он смотрел на Синюю ведьму, мне стало не по себе. Похоже он смотрел на меня.

— Зачем ты пришла на праздник?

— Попрощаться. Твоя невеста меня погубила.

Сказано было с такой обидой, что мне на секунду стало стыдно. А потом я вспомнила, что натворила эта женщина, и жалость как рукой смахнуло. Ветка куста больно колола и царапала оголенную ключицу, но сильнее меня беспокоила разворачивающаяся перед глазами сцена. В голове всплыли слова Лизабель: «Ты найдешь ответы, но они тебе не понравятся». Что ж, мне не нравилось уже то, что император сбежал из комнаты, чтобы встретиться со старой подругой.

— Ты сама себя погубила, — молвил он. — Как ты прошла в Черный лес? Ты же запятнала себя тьмой.

— А ты не запятнал? — Она зло рассмеялась. — Я ведьма, одна из выживших во время Великого пожара. Лес знает песню моей крови.

Она подняла изрезанное запястье. Тавр прикоснулся к нему, а потом взмахнул рукой, и я смогла увидеть, что и его кожу покрывает сеть свежих порезов. Магия иллюзии такой силы? Я ведь даже на ощупь не чувствовала, что кожа его шершава. Что еще может скрывать Тавр...

— Лорель, Лорель. Ты причина того, что и я запятнан. Зачем ты напала на нее? Так влек тебя звон золота? Кому хотела отдать ее силу?

— Тебе! Я делала это для тебя! — По испещренным морщинами щекам потекли слезы. — Как ты не понимаешь, с ее силой ты стал бы великим правителем!

Тавр горько рассмеялся.

— Мне не суждено им стать. А ты зря на нее напала. Мари всегда защищает себя и своих любимых. Все ее враги неизменно повержены, и это меня в ней восхищает. И это делает ее великим правителем.

Лорель тоже засмеялась, только зло. От следующих ее слов защемило сердце, я едва сдержала слезы.

— Ты сам просил, когда узнал, кто она. Или забыл, как примчался ко мне после праздника в королевских садах? Как заманивал ее, опутывал сетями лести? Как последовательно уничтожал ее зарождающиеся чувства к магу ветра и заменял на любовь к себе? Ты делал это шаг за шагом, играл ее чувствами, эмоциями. Строил из себя нелюбимого сына, жертву. Да она не знает и десятой доли того, что ты со своим скульптурным лицом делал! Как ломал волю отца, подводил его к безумию. Как, словно пешками, играл придворными. Как избавился от старшего брата, истинного наследника...

— Замолчи, — приказал Тавр. — Это не имеет значения и было до того, как я ее полюбил.

— Ты любил меня! — Она топнула ногой, словно капризная девчонка.

— Я. Никогда. Тебя. Не любил, — отчеканил император каждое слово. — Я учился у тебя, пользовался твоими знаниями, преклонялся перед твоей силой. До тех пор, пока не узнал, откуда ты их берешь.

— Ты оправдываешь себя. И я знаю, ты переступишь через нее так же, как перешагнул через меня. — Нескрываемая брезгливость во взгляде Тавра унизила Лорель сильнее слов, и она дернулась как от удара. — Прощай, Тавмар. Я хотела помочь, но теперь не буду. Надеюсь, магия твоей невесты стоит тебе жизни, как мне.

Она уже развернулась, чтобы уйти в хижину, но вдруг с улыбкой, некогда сногшибательной, посмотрела на Тавра.

— А знаешь, наведаюсь-ка я завтра к Маримар и все ей расскажу. С удовольствием понаблюдаю, как изменится влюбленная мордашка принцессы, когда она узнает, какому мерзавцу отдала свое сердце.

Лорель вновь улыбнулась. Самодовольно, бесстрашно. Коротко. Потому что Тавр прошипел:

— Не расскажешь.

Дальнейшее произошло так быстро, что я даже не поняла, что именно он сделал. Ноги ведьмы подкосились, глаза, на секунду изумленно распахнувшиеся, погасли, и она рухнула на деревянный пол домика. Тавр прикоснулся к земле, из-за деревьев выползли гибкие змеи лиан и утащили мертвое тело в лес. Император невозмутимо вытер острый кинжал, опустил на колени, зашептал:

— Прости меня за грех, богиня. Прости за все совершенные злодеяния. Я делал их ради возрождения твоего народа, чтобы защитить твой народ. И, умоляю тебя, не дай ей никогда узнать обо мне правду.

Тавр, не оборачиваясь, поспешил в сторону нашей хижины. Я же уселась на землю, не в силах пошевелить и пальцем. Тавр... Таврам — убийца. Жестокий, коварный преступник, который любой ценой желал заполучить трон. Но он сказал Лорель, что любит меня. Разве это что-то меняет? Это меняет многое. Если бы оказалось, что император все это время играл моими чувствами, я бы не выдержала. Даже одна мысль, что Тавр лишь пользуется мной, заставляла слезы подступать к глазам. Но он меня любит. А любовь заслуживает прощения.

На душе было тяжело. Только что я своими глазами увидела, как император без зазрения совести убил старую подругу, услышала, что это из-за него спятил Теренис-старший. В чем еще обвинила его Лорель? Ах... Тавр был рожден сквиром, но как-то заполучил магию воздуха. Не иначе Лорель помогла. Значит ли это, что на его руках еще как минимум одно убийство? И как мне реагировать? Уйти?..

Имею ли я право строить из себя святую, когда из-за моих молитв погибли люди в пятнадцати кланах аристократов? Да, своими руками я не оборвала ничьей жизни, но... Теренис-старший, охотники на Чак-Чо — меня не печалила их кончина, на самом деле мне и на смерть Лорель было по большей мере наплевать. Тавр считает, что я увижу в нем чудовище, и потому готов пойти на все, чтобы замести следы своих преступлений, но он забывает, что я такое же чудовище, а главное, что люблю его сильнее всего на свете.

Решено. Попробую вывести императора на откровенность, а если он не откроется, поговорю с ним, как только станем мужем и женой.

Скажу, что знаю все и мне наплевать. Единственное, что убивало в этой ситуации, Тавр боялся открыть мне правду, боялся, что я не выдержу.

А пока мне нужно оказаться в постели раньше него. Я поднялась, поправила одежду и побежала в лес, гостеприимно указывающий мне самый короткий путь летающими алыми светлячками.

Когда Тавр вошел в спальню, я уже лежала под одеялом, стараясь дышать как можно тише. Он склонился ко мне, провел рукой по прядям темных волос. Я не видела его лица, но отчетливо услышала тяжелый вздох:

— Больше ничего не имеет значения.

ГЛАВА 10

Подготовка к свадьбе пролетела как во сне. Я стояла перед зеркалом в белом платье, по подолу которого тянулся узор из искусно вышитых цветов, и смотрела на свое бледное лицо. Хотела ли я выходить замуж? Я не знала. Нужно ли это империи? Безусловно. И покушения на меня должны прекратиться, как только официально получу титул императрицы, ведь он священен.

В комнату влетела моя матушка, еще год назад и за человека меня не считавшая. Она плакала, умудряясь сохранять макияж в первозданном виде, обнимала меня, верещала что-то про неслыханное счастье, которое выпадает на долю матери, когда ее дочь выходит замуж. Я спокойно слушала «концерт», роль обожающей свое дитя родительницы удавалась ей все лучше.

— Где папа? — Он был единственным человеком, которого мне бы хотелось видеть рядом.

— Последний раз он был с каким-то черноволосым мужчиной. Вроде родственник наш. Очень красивый, — мимоходом заметила она. — Они искали графа.

— Зачем? — Голос немного не слушался, сказывалось волнение.

Сегодня я войду в храм четырех стихий вместе с любимым. Главный храм на городской площади по такому случаю был украшен, я лично создала разноцветные водяные сферы, которые перемещались вокруг него по часовой стрелке. Тавр поднял в воздух лепестки роз, но те норовили опуститься на землю, будто магия не хотела его слушаться.

В последнее время он был задумчив, даже мрачен. Несколько раз я пыталась вывести императора на разговор, заявляла, что мне безразлично его прошлое, что он может все мне рассказать, но жених при первых же фразах испарялся как дым из комнаты. Этим искусством Тавр овладел в совершенстве, поскольку атаковавших его девиц стало в разы больше. Я не понимала причины подобного поведения девушек, Тавр же предполагал, что красавиц кто-то подкупал, чтобы поссорить нас перед свадьбой. Кто бы это ни был, его попытки оказались бесплодными.

— А кто их знает... Сдается мне, чтобы не натворил глупостей. — Матушка кокетливо обмахнулась веером. — Ох, как это волнующе! Сильнейший в империи маг ветра желает похитить мою дочь из-под венца.

— Мама, ты начиталась фривольных романов. Роах слишком рассудителен для подобных действий.

Матушка только снисходительно улыбнулась, как милой маленькой девочке.

Мастерицу, которая должна была меня накрасить, я отправила восвояси вместе со всеми ее кисточками и пудрой. Благодаря воспитанию в школе Танцующих леди я и сама способна нанести макияж.

По традиции мужчинам, если они не являлись членами семьи, запрещено посещать комнату, где невеста готовилась к церемонии. Поэтому, как бы мне ни хотелось, я не могла перекинуться парой шуток с Романом. Отец не приходил, а братья были настолько увлечены своими малышами, что не покидали дома. Даже Чак-Чо куда-то запропастился, поди, вылавливает из пруда последних золотых рыбок. Надо будет распорядиться, чтобы хоть карасей туда запустили. Все равно больше двух недель не живут, прежде чем их мой зверь съедает, так и казна целее...

Старалась думать о чем угодно, лишь бы не представлять, что меня ждет. И цветочки, которыми заставили всю комнату, понюхала, и по несуществующим складкам платья прошлась, даже правила этикета для членов королевской семьи почитала. Томик, к слову, я должна была изучить еще несколько месяцев назад, но из-за постоянных покушений было немного не до того.

В дверь постучали. Рассчитывая наконец-то поговорить с отцом, я немного опешила, когда в комнату вошел незнакомец.

Черноволосый, он был высок и статен. Внешностью мог даже с императором посоперничать, молодое мужественное лицо светилось какой-то дикой красотой. Двигался мужчина с грацией крупного животного, щегольской камзол, в котором я безошибочно узнала творение Фиримара, явно стеснял его движения.

— Маримар, — проговорил-промурчал незнакомец, подходя ближе. На узких губах играла улыбка, обнажавшая зубы и выделявшиеся острые клыки-клинки. — Неужели не узнаешь меня?

Я смотрела в похожие на мои синие глаза, обрамленные черными ресницами, и молчала. Странное предположение вертелось на языке, но оно было столь маловероятно, что произнести вслух не решалась. Между тем мужчина поклонился и представился:

— Луциан Синеглазый, твой пра-пра- и много раз пра- дед. Ты знаешь меня как своего зверя-покровителя Чак-Чо.

Челюсть моя медленно отвалилась. Так вот о каком преображении говорил зверь, столь долго державший в тайне свое происхождение.

— Но как? — только и смогла произнести.

Сомнений в том, что Луциан говорил правду, не возникало. Вспомнила старый портрет этого красавца, висевший на чердаке нашего дома. Признаться, ребенком я была немного влюблена в ученого предка, первого мага воды, который научился превращать воду в смертоносные кинжалы. Он пропал, когда ему исполнилось тридцать три года, поговаривали, что эксперименты свели его в могилу. Не свели...

Луциан сел напротив, было видно, что в одежде ему неудобно и немало сил уходит на сдерживание звериных повадок.

— Знаешь ли ты, моя дорогая внучка, что все настоящие Чак-Чо вымерли? — сказал с улыбкой. — Из-за их удивительной шкуры волшебных зверей вылавливали и уничтожали маги воды. — Я слушала, а он смотрел на меня почти моими глазами. — После этого и началось наше проклятье. Природа, как ты узнала из знакомства с ведьмами, стремится к равновесию, и, когда образуется пропасть, ее нужно заполнить. С тех пор, если маг оставался в воде более трех суток, он превращался в зверя. Как и многие мои предшественники, я искал способ избежать проклятья, но, как видишь, не нашел. А потом и о проклятье забылось, и о Чак-Чо. Но, когда ты нашла меня в сетях, я понял, что наша встреча не случайна. Хотя ты и не веришь в судьбу, в нее верю я.

Взгляд на секунду стал абсолютно звериным, но мужчина, несколько раз моргнув, вернул ему человечность.

— И как у тебя получилось превратиться обратно? — обратилась к предку на «ты».

Он был старше меня на несколько столетий, но почти полгода спал в ногах моей постели в качестве домашнего любимца.

— А за это должен благодарить тебя. — Луциан опустился на одно колено. — Как твой зверь-покровитель я получил возможность возвращать человеческое обличье. Пока не знаю, как часто и на сколько, но в те минуты, когда тебе рядом будет нужен не зверь, а человек, я им и буду. — С этими словами «дедушка» поцеловал мою руку. — И я счастлив, что это произошло, ведь мне многое нужно тебе рассказать. То, что я не помню как зверь. А потому потороплюсь.

В комнату влетела очередная дама, чтобы «поправить невесте прическу», но Луциан зашипел на нее по-кошачьи, и девушка, выронив ножницы, скрылась.

— Запомнила, как она выглядит? Посади в темницу, ножницы отравлены, отсюда чую, — мимоходом заметил он. — Итак, помнишь ли ты документ, который нашла, когда я убил Терениса-старшего?

Смутно. Вроде согласно тому Кровавому договору потомок Луциана Синеглазого, обладающий магией воды, должен быть немедленно уничтожен. Теренис тогда взбесился и выставил меня из комнаты.

— Так вот, существует пророчество, что мой потомок уничтожит императорский род и воссядет на трон.

Еще одно пророчество. Нет, идея запретить колдовство кажется мне все более здоровой. Не хотелось говорить раздраженным тоном с тем, кто ради меня сбросил звериную шкуру, но контролировала я себя с трудом.

— Я собираюсь не уничтожить императорский род, а породниться с ним.

— И я здесь, чтобы помочь тебе в этом. Видишь ли, маг воздуха надеялся разрушить вашу церемонию...

Мама говорила, что видела отца с каким-то «красивым мужчиной» и они искали графа. Сердце кольнула от страха за него.

— Что вы сделали с Роахом? — Подскочила я с места.

— Ничего! Всего лишь приказал ему отправиться в таверну и пить за здоровье молодых до заката. Тогда ты уже станешь женой императора и разрушишь пророчество.

Хорошо, что Роах в порядке. Мысль, что мы справились с одним из предсказаний ведьм, меня успокоила, но все же не спросить я не могла:

— Почему так важно его разрушить?

— Императорский род никогда не сменялся. Это может стать закатом нашего королевства.

— Может или станет? — Не люблю, когда говорят загадками.

— Я не знаю, Маримар, но не хотел бы узнать. Дело в том, что правителей с детства готовят к бремени власти, а главное, учат контролировать себя и свои желания. Ведь если твои возможности станут поистине безграничными, власть может свести тебя с ума, как сводила менее достойных правителей.

— Поэтому ты всегда шипел на Роаха? — Было странно вести разговоры с Чак-Чо в человеческом облике.

— Если бы маг воздуха соблазнил тебя, ты бы оставила Тавра. Мне нужно было, чтобы он держался от тебя подальше. Как зверь я не очень хорошо помнил почему, поэтому выражал свое недовольство как мог. — Луциан рассмеялся, смех его был низким, бархатным, с примесью кошачьего мурчания.

— Ты сегодня останешься человеком? Или превратишься в зверя?

— Думаю, вместе с твоим отцом смогу проводить тебя к алтарю в этом обличье. Если ты, конечно, этого желаешь.

Как я могла отказаться? В любой форме, волшебного зверя или человека, он был мне родным.

В комнату вошел отец, скупко поздоровался с Луцианом. Одной из сильных черт характера папы было умение принимать любые чудеса так, будто они были в рамках повседневности. Ну и что, что явился почивший триста лет назад родственник и заявил, что требуется изловить мага воздуха, чтобы тот не помешал свадьбе? Надо — будет сделано.

— Идемте, все уже готово.

На отце был похожий костюм, что я видела на Луциане. Вдвоем они, что ли, к Фиримару наведались?

Мы вышли из дворца, по дороге нас забросали душистыми полевыми цветами. Сели в карету, которая должна была подвезти меня к храму четырех стихий. По традиции невеста заходила в храм первой через ворота согласно своим способностям. Инкрустированные серебром и золотом ворота для магов воды сияли в лучах солнца. Тавр должен был зайти с другой стороны, через вход для магов воздуха. Каждый шаг приближал меня к счастью. Скоро я увижу своего

императора, поцелую его, и мы станем мужем и женой. Этот день походил на сказку, хотя в детстве я такие сказки не любила.

Луциан прошел со мной в ворота для магов воды, арка засияла, признавая нашу силу. Народ на площади ахнул и заплодировал, хотя никто не знал, откуда взялся второй маг воды. Я шествовала по инкрустированному сверкающими кристаллами полу, новый главный храмовник услужливо улыбался мне тонкими губами.

— Невеста, избранная нашего великого императора, прибыла!

Зал, куда пустили только самых знатных аристократов, мою семью и друзей, традиционно загудел. Отец с Луцианом провели меня к украшенному белыми цветами алтарю и оставили там, чтобы я встретила своего суженного, который вот-вот должен был войти.

Я ждала, сжимая в руках бело-синий букет, вглядывалась в сторону ворот. Я ждала и ждала... А Тавра не было.

По залу пронесся тревожный шепот:

— Где император? Вы не знаете, где император?

А потом крики:

— Он пропал! Император Тавр исчез!

Роах

Очень странный выдался день. Помню, что планировал утащить Маримар из-под венца, влетев ледяным вихрем в храм, но потом мне встретился ее отец с каким-то диковатым мужиком, и все мысли были вытеснены одной: нужно идти в таверну и пить за здоровье молодых. Что я и делал последние четыре часа. Признаться, мне так и не удалось полюбить алкоголь. Голова была тяжелой, руки не слушались, как, впрочем, и магия. Когда высокий парнишка на кривых ногах бросился ко мне с видом, будто я был ответом на все его молитвы, он ничего не смог от меня добиться, кроме недовольного удара по хлипкому столу.

— Иди в драконью пасть, не видишь, я пьян! — взревел я, желая, чтобы эта назойливая муха куда-нибудь испарилась.

Таверна меня поддержала, посетители были необычайно счастливы тому, что «благородный» весь вечер их угощал.

Парень не унимался:

— Случился большой скандал, император сбежал!

Видимо, я допился до галлюцинаций, по крайней мере слуховых.

— Отрапортовать по форме, что случилось и когда, — приказал, мгновенно трезвея.

Парень вытянулся во фрунт и мямлить прекратил.

— Его императорское величество Тавр не явился в храм четырех стихий на венчание. Согласно оставленным им письмам бремя власти оказалось слишком тяжелым, и он ушел в Черный лес. Для вас он также приготовил письмо. — Парень дрожащей рукой протянул конверт.

Нетерпеливо распечатал его, чтобы увидеть одну строчку, написанную знакомым замысловатым почерком: «*Береги ее*».

В этот же миг солнце закатилось за горизонт, и с меня слетело оцепенение. Немыслимо! Кто-то заставил меня находиться в таверне, наложив чары магии воды, куда более умело, чем Маримар. Тонкие чары, которые подменяют волю своей, и ты не в силах разобраться, почему поступаешь именно так.

Я оторвался от земли, чувствуя, как неохотно повинуется магия, и пьяной ласточкой взмыл в небо.

— А мне что делать? — крикнул курьер, выбежавший из таверны следом за мной.

Он так старался меня догнать, что даже умудрился зависнуть в воздухе. Не слабак.

— На сегодня свободен. Завтра утром явись ко мне в академию. Учить буду.

Все так же, с небольшим креном влево, я полетел к дворцу. Путь преграждали сильнейший ливень и молнии, норовившие испепелить все живое. Маримар...

Двери распахнула растерянная стража. Никто не знал, что делать.

— Какой был план? — спросил я строго.

— Праздновать... — неловко пробормотал Укр.

Этого парня я хорошо помнил, толковый.

— Ну так и празднуйте. На престол взошла императрица.

— Но...

— Я сказал: праздновать, — повторил приказ и полетел в комнату Мари.

Там как курица-наседка сидела ее мать и вопила что-то вроде «этого не может быть». Рядом крутился незнакомый маг воды, который

и отправил меня в таверну. Уж не новый ли претендент на сердце Мари и трон?

— Кто вы? — решил начать с самой животрепещущей для меня темы.

— Луциан Синеглазый, — представился франт, поправляя манжету.

Я с трудом пытался вспомнить знакомое имя.

— Это Чак-Чо, — тусклым голосом пояснила Маримар.

Не было времени удивляться, что зверь обратился в человека. По крайней мере не очередной влюбленный. Ревнивый я дурак.

Увидел заплаканное лицо любимой. Слезы прочертили мокрые дорожки по бледным щекам. Мари была столь прекрасна в свадебном платье и с инкрустированной сапфирами золотой короной на голове, что у меня что-то сжалось в груди. В руках она мяла похожий на мой конверт.

Маримар дала мне прочитать письмо, что свидетельствовало о полном ее отчаянии.

Прости меня, моя прекрасная невеста, но, как ни пытался, я не смог тебя полюбить. А жениться на нелюбимой я не желаю. Каким-то образом ты узнала о моем прошлом и должна понимать, что мне не место на троне. Я ухожу в Черный лес, зов крови оказался сильнее, чем я предполагал. Я больше не могу ни минуты терпеть окружение чужого мне народа. Оставляю тебе империю и надеюсь, твое горе не будет долгим. Прошу не искать меня, знай, я счастлив там, в темноте и тишине деревьев, там, со своими людьми.

Тавр

— Подлец! — сорвалось с моих губ, и Мари вздрогнула.

— Его наверняка заставили, — сказала уверенно. — Точно! Его принудили, может быть, похитили. Он не мог... Горана! Горана знает. Отнеси меня к ней.

В синих, как ночное небо, глазах загорелась надежда.

Мог ли я отказать ей? Никогда. Мы вышли на широкий балкон, безразлично проигнорировав вопросы и всеобщую сумятицу, я притянул к себе ее тонкий стан и взлетел. Мари показывала дорогу, и вскоре мы оказались в районе трущоб возле сказочного двухэтажного домика с красными ставнями, от которого за версту разило мятой и ведьмовской магией. Огни в домике не горели, и с виду он казался пустым, но я все равно опустил Маримар на крылечке.

Девушка распахнула дверь и вбежала в пустую гостиную, насколько я понял, здесь жила какая-то родственница нашего беглеца по материнской линии.

— Горана, девочки!

Мари бегала из комнаты в комнату, все с большим отчаянием распахивала двери, за которыми находились уже пустые помещения. Было видно, что собирались в спешке, беря только самое необходимое. Постели так и остались не заправленными, посуда и прочая утварь стояла в шкафах, было даже что-то съестное.

— Кто бы здесь ни был, уехали они, скорее всего, сегодня утром.

Маримар сверкнула в мою сторону глазами. Она поняла, что ни Тавра, ни его семьи в столице нет, и теперь ищет виновного. Наши взгляды встретились, и я на секунду позволил холодному безразличию ко всей этой ведьмовской семейке скользнуть по моему лицу. Увиденное убедило Мари в моей невинности, как не раз убеждало Терениса.

— Я пойду в Черный лес и найду его. Мне нужна лошадь и... и...

Она ходила по брошенному дому, от запаха которого меня передергивало. Со спокойствием, присущим мне благодаря магии ветра, я произнес:

— Ты ничего не решишь, если сорвешься сейчас в Черный лес. Стране нужен правитель, и это не я. Больше всех на роль императрицы годишься ты, котенок, поэтому возвращайся во дворец и ложись спать.

Маримар воинственно вздернула подбородок, я же принялся холодно рассуждать:

— Тавра охраняли?

— Да. Телохранители сказали, что император сел на лошадь и уехал на запад, дав приказ не следовать за ним.

— Его семья тоже уехала, — продолжил я. — Не похоже, чтобы они были похищены. Кому-то еще были оставлены письма?

— Совету, насколько знаю. Он написал отречение от престола в мою пользу, — добавила она сдавленно из-за слез, которые старалась не проливать.

Маримар уже понимала, к чему я клоню.

— Почерк на всех совпадает с почерком императора?

— Да. Но, может, его заставили...

— Был ли Тавр подавлен в последнее время? Или вел себя странно?

— Он был отстранен, будто хотел от всех спрятаться или сбежать.

Мари заплакала, губы ее дрожали. Чтобы хоть как-то ее успокоить, я сказал:

— Мы найдем Тавра и спасем, если его похитили. Сегодня же организую поисковую группу. Но сейчас есть дела поважнее, мы не имеем права впадать в панику. Завтра утром ты будешь представлена совету и знати как новая властительница империи.

Мари покачала головой, даже сделала шаг назад. Конечно, не так она представляла себе свое будущее. Не думала, что может случиться нечто подобное, и она останется одна. Хотя нет, одну я ее никогда не оставлю.

— А что они скажут?

— Они будут кричать «Да здравствует императрица Мари!», или я быстро заставлю их замолчать, — мрачно произнес в ответ.

Мы вернулись во дворец. Под множеством любопытных взглядов я на руках отнес свою любимую в ее спальню — утомленная и заплакавшаяся Маримар уснула еще в полете. Мне предстояло много работы, очень пригодился маг воды, который так кстати оказался рядом. Луциан мягко подменял мысли готовых взбунтоваться дворян, так что они были даже рады отсутствию Тавра. Сложнее всего было убедить его поклонниц забыть предмет воздыханий, но и тут родоначальник клана Синего Огня справился.

— Хороший зверь, — похвалил я его с усмешкой.

Луциан ничуть не обиделся. Жаль, он не мог зачаровать Маримар. Хорошо, что котенок была не глупа и прислушалась ко мне, хотя в одном я ей солгал. Искать беглого императора я не собирался.

И только утром понял, что зря понадеялся на ее благоразумие. Я пришел, чтобы пригласить на завтрак и рассказать о том, что так и не

случившийся бунт подавлен. Увы, в покоях обнаружил только пустую постель. Императрицы и след простыл.

ГЛАВА 11

В первый и, надеюсь, в последний раз в жизни я украдала лошадь. Даже не украдала, а купила без ведома владельца, оставив пригоршню золотых монет. Мне не хотелось, чтобы кто-то заметил меня по пути в Черный лес, а потому я оделась в мужскую одежду, подвязала волосы и скрыла лицо за куском ткани, как делают юноши, неудачно переболевшие оспой, если кожа, невзирая на старания магов земли, осталась обезображена маленькими шрамами.

Рано утром на секунду мне показалось, что прошедший день был просто приснившимся кошмаром. А потом я обнаружила на себе изрядно потрепанное свадебное платье с любезно ослабленной кем-то шнуровкой корсета, и воспоминания нахлынули с болезненной ясностью. Письмо Тавра, пустой дом Гораны. Дом, в котором мне всегда были рады, дом, куда, как я думала, смогу обратиться с любой бедой, встретил меня закрытыми дверями и пустыми комнатами.

Я пришпорила лошадь, стараясь убежать от мыслей. Наверняка что-то случилось. И еду я в Черный лес, чтобы увидеться с Лизабель, возможно, она поможет мне найти Тавра. А может, это она его похитила? Скорее всего, женщина знает, что именно император убил ее мать. Но где тогда Горана?

Рассчитывая, что меня не хватятся как минимум до обеда, мчала во весь опор. Только Роах может решиться зайти пораньше, чтобы убедиться, что с брошенной невестой все в порядке. Эта мысль заставила меня проглотить слезы обиды и свернуть с главной дороги. Пусть так медленней, но зато он не выследит меня с воздуха. Не желаю смотреть в глаза главе академии. Не после того, как он видел меня жалкой и рыдающей. Фу! Я не размазня и не нюня, я проблемы решаю.

Цепляясь за эту мысль, пересекала деревню за деревней. Ночевать останавливалась на окраинах, в хлевах у фермеров, чтобы не привлекать к себе внимания или не спала вовсе. Лошадь, которая от подобного обращения захворала, пришлось сменить на другую. Но так даже лучше, меньше шансов, что меня обнаружат. В том, что поиски беглой императрицы уже организованы, сомневаться не приходилось.

Но происходили они тайно, в народе же распустили слух, что я заболела, огорченная предательством жениха. А я ехала вперед с упорством и упрямством мула и слушала. Слушала, что говорят в тавернах и на улицах, о чем беседуют поутру на рынке. Луциан зря считал, что падение императорского рода станет гибелью страны. Людям не нужен был принц Тавр на троне, всем была нужна императрица Мари, с каждым днем ее любили все сильнее. Оказывается, я и больных прикосновением лечила, и еду голодающим раздавала, и сиротский приют в столице открыла. Знакомым холодным стилем были написаны десятки писем от моего имени, согласно которым магам земли не из аристократических семей даровались наделы, обладающие магией были приглашены в столицу для обучения, опять же без оглядки на происхождение. Женщины мой образ вообще любили, «я» запретила выдавать их замуж без их на то согласия. Аназис, правда, пыталась распускать слухи о моей порочности, но была не столь успешна, мне даже довелось как-то услышать разговор двух торговок:

— Слыхала, на нашу императрицу-то напраслину возводят, будто это она жениха порешила, а сама того самого со всей дворцовой стражей...

— Так прямо со всей? — удивленно спросила ее товарка. — Брешут, со всей-то точно никак. Да даже если так... Ну и пусть, что баба любвеобильна, зато она в этом году налог на торговлю понизит.

Надо будет при встрече поблагодарить своего заместителя. Роах развел бурную деятельность по созданию положительного образа императрицы.

Меж тем до Черного леса оставалось совсем немного. Я практически чувствовала дружелюбное пение деревьев и была рада вернуться.

В лучах закатного солнца я вошла в темноту леса и вдохнула свежий влажный воздух. Шла по темным тропинкам и думала, куда же мне податься. Первой мыслью было найти дорогу в поселение ведьм, в город Отверженных, но я ее отбросила.

— Дорогой лес, — я не знала, как обращаться к живым, мыслящим деревьям, но листва вдруг зашуршала, значит, обращение пришлось по вкусу, — отведи меня, пожалуйста, к Горане.

Тысячи светлячков появились из ниоткуда и устлали мой путь словно крошечные указатели. Я пошла за ними и вскоре оказалась на небольшой поляне, что находилась неподалеку от города. Прямо в холме, что располагался по центру, была сооружена уютная хижина, перед ней стояла тетя Тавра и помешивала в котелке очередную свою вкуснейшую похлебку. Девочки сидели прямо на земле, каждая была занята делом.

— Горана! — закричала я, распахивая объятия, но ответом мне стала холодная отстраненность.

— Все в дом, — коротко приказала она племяшкам.

— Но... — протянула младшая Гуля, которая была ко мне очень привязана, — это же тетя Маримар!

Я улыбнулась малышке, которая однажды спасла мне жизнь. Но под строгим взглядом Гораны девочка понуро поплелась в домик.

— Где Тавр? — спросила я с надеждой.

— Он не желает тебя видеть. — Горана отвернулась к огню.

Куда делась та женщина, что рассказывала мне древние сказки ведьм, учила меня шить и заговаривать зубную боль?

— Я никуда не уйду, пока не поговорю с ним. — Надежда на то, что Тавр покинул меня не по своей воле, рассеивалась как туман. — Пожалуйста, Горана.

Женщина все так же стояла ко мне спиной, плечи ее дрогнули, будто она подавила рыдание.

— Ты не знаешь...

Знакомый, такой любимый голос прервал ее:

— Тетушка, все хорошо. Я поговорю с ней.

Из-за деревьев вышел Тавр. На нем была простая льняная рубашка, волосы собраны в узел. Но при этом он никогда не выглядел так хорошо. В руке держал полное трав и грибов лукошко.

— Тавр! — подпрыгнув, воскликнула я и бросилась ему на шею, но обнимала будто каменную статую.

— Мари, я же просил не искать меня, — раздраженно сказал он, прежде чем меня оттолкнуть.

— Что произошло, Тавр? Тебя кто-то заставил уехать?

— Давай поговорим в другом месте.

Оглянувшись, заметила наблюдавшую за нами Горану и послушно поплелась за беглым императором. Он шел все дальше и дальше

вглубь леса, пока не остановился возле каких-то каменных развалин.

— Этот дом принадлежал пра-пра-бабке моей мамы. Здесь же жила мать Лорель. — Он пнул ногой камень, и тот откатился в сторону. — Ты ведь знаешь, что я убил ее?

Мужчина спросил меня с вызовом в голосе, я с таким же вызовом ответила:

— Я все видела.

— И это не вызвало отвращения? Ведь я могу снова поступить так же. — Тавр бродил по развалинам, ни на чем надолго не останавливая взгляд. На меня он и вовсе не смотрел. — Мать говорила, что меня ждет великая судьба, что я стану правителем империи, тем, кто возродит Черный лес...

— Так и случилось, — произнесла, не дав ему договорить.

— Но она не знала, какой ценой. Вряд ли думала, что ее маленький мальчик займется черной магией, совратит добрую половину дворца, сведет отца в могилу, почти женится на нелюбимой женщине... — Слова били хлеще пощечин, однако Тавр с холодной яростью в голосе продолжал: — Маримар, я же говорил тебе, что монаршие браки не строятся на любви. Я восхищался тобой, наслаждался каждой секундой общения. Но я не люблю тебя. Отпусти меня, не держи возле себя оковами. Любовь между нами невозможна. Подслушав наш с Лорель разговор, ты и сама должна была понять, что ничего для меня не значишь.

— Но ты сказал ей, что любишь меня, — пробормотала едва слышно.

Мчась во весь опор в Черный лес, я и подумать не могла, что наша встреча будет такой.

— Пропуском на трон была ты, а она чуть все не испортила до моей короны. Поэтому напоследок я решил сделать ей больно. Признаюсь, это было низко, но я не удержался.

Я задохнулась от накатившей боли. Тавр чеканил каждое слово так, словно бил меня.

— Уходи, Маримар. Уезжай из Черного леса. Оставь меня среди моего народа. — Принц деловито поправил накидку с длинными рукавами. — Как ты заметила, большинству ведьм я очень приглянулся.

Он меня бросил. Глаза наполнились слезами, но плакать больше не могла. Он никогда меня не любил и ясно дал это понять, а я... Глупая, глупая, глупая.

Ярость, копившаяся с каждым его словом, на секунду затмила разум, а когда злость отпустила, я обнаружила себя стоящей с кинжалом, который прижимала к горлу Тавра. Он не удивился.

— Ну же, убей меня! — воскликнул, насмехаясь. — Стань великим правителем и исполни пророчество, как желал мой отец. Ты ведь ничем от него не отличаешься.

Рука дрогнула. Кинжал почти касался горла Тавра, а он смеялся надо мной, золотые глаза искрились, отражая свет заходящего солнца. Вдруг вспомнились слова Лизабель: «Нет грешников и нет святых. Каждый человек считает себя правым». Таковым считал себя старый император, гонясь за бессмертием, таковыми считали себя те, кто уничтожал Черный лес.

Я сильнее сжала рукоятку, потом отбросила кинжал далеко в сторону.

— Убирайся, — сказала ему. — Уходи так далеко, чтобы я никогда больше тебя не видела. Иначе... Иначе убью тебя.

— Убраться, милая, придется тебе, — напоследок прошептал Тавр и запечатлел на губах короткий издевательский поцелуй.

Я отвернулась и побежала, забыв про лошадь и про то, что осталась одна в опасном, населенном неизвестно кем лесу. Я бежала, а ветки, не успевавшие убираться с пути, царапали мне лицо и руки. Бежала как трусиха и сама себя ненавидела за свой поступок. Но Тавр... Любовь всей моей жизни...

Не помню, сколько времени прошло, но инстинкты вывели меня к воде. Замерев перед бескрайним озером, посмотрела с обрыва вниз. Первой мыслью было броситься в воду. Тогда я стану зверем, как Луциан. Между пальцами появятся перепонки, тело начнет изменяться, становясь все более гибким и ловким, а потом... Потом я превращусь в Чак-Чо, и мне уже будет плевать на любимого, бросившего меня, на семью, никогда меня не любившую, на империю и власть, не принесшую ничего, кроме разочарований.

И на Роаха...

Лес замер, даже птицы не пели, и в голове воцарилась звенящая пустота.

Нет.

Я активировала кольцо, призывающее графа, опустилась на камень и глядела вдаль, пока совсем не стемнело. Не знаю, сколько я просидела, пока не почувствовала знакомый порыв ледяного ветра, едва не сбившего меня с валуна.

На плечи опустилось теплое шерстяное одеяло.

— В небе холодно, — спокойно сказал Роах.

Он не спрашивал, как прошла встреча с императором. Наверное, далекий шторм без слов выразил мои чувства.

— Я даровала тебе свободу, но ты всегда возвращался. Даже когда я выбрала другого. Почему?

— Потому что я создан, чтобы любить тебя. Меня не остановят соперники, глупые пророчества или твой отказ. Я всегда буду за тебя бороться.

— Даже если я никогда тебя не полюблю?

Роах только усмехнулся, словно знал что-то, неизвестное мне. Обнял меня и воспарил к небесам. Мы летели в молчании, пока я не заметила маленькую голубую пташку.

— Что это за птица?

— Синяя птица удачи. Мой зверь-покровитель, — словно это ничего не значило, сказал мужчина.

Пташка радостно что-то прочирикала и исчезла в вышине.

— Почему она не с тобой?

Меня Чак-Чо никогда не оставлял, а зверя Роаха я видела впервые.

— Удача своенравна, ее нельзя поймать и посадить в клетку, — объяснил граф со свойственной ему мудростью.

А я подумала, что вот и собрались четыре элементария, у каждого из них появился зверь-покровитель, как и написано в древних пророчествах. Где же великие изменения, которые обещали старинные книги? Или же все великие носились, как и мы, влюблялись, теряли и горько сожалели и не предполагали, какой след оставят в истории?

Во дворце меня встречали с восторгом, будто я победила огнедышащего дракона. Оказывается, граф столь умело скрывал мое отсутствие, ведя дела от моего имени, что большинство дворян приняло переворот с радостью. А про любовь простого люда к императрице Мари и говорить нечего. В горле стоял ком, но я

улыбалась и царственно кивала головой, благо годами обучалась этому искусству в школе Танцующих леди.

Пока раздевалась и ныряла в постель, Роах отвернулся, но я была настолько разбита, что совсем потеряла чувство стыда.

Луциан все еще находился в человеческой форме и занимал соседнюю спальню, а я с сожалением подумала, что не-зверь не может спать у меня в ногах. Только огненная бабочка, подарок Ану, порхала вокруг моей головы, бросая причудливые отсветы на стену.

— Что мне делать дальше? — спросила графа, устраиваясь на неудобной перине.

— Как ректор академии скажу — закончи учебу. Как твой подданный — будь справедливой императрицей. Как любящий тебя мужчина — знай, что я рядом.

ГЛАВА 12

Год спустя. Маримар

Мое разбитое сердце не заживало, с каждым днем лишь сильнее болело. Но я не подавала вида, улыбалась, танцевала на приемах, организованных в честь единения империи, увлеченно училась в академии. Ночами же ревела в подушку, бессильно вырубаясь после полуночи.

Роах всегда был рядом. Он утешал меня, развлекал, ругал, когда я делала что-то не так или ленилась выполнять обязанности правителя. Раух тоже поддерживал меня, как и Луциан в человеческом или зверином облике.

Роман все чаще пропадал в лесах вместе со своей хранильницей и Алексис, уверяя всех, что у него есть великая миссия. Какая точно, никто не знал, но сын Родрика Золотого был столь убедителен, что даже Эльдар выписал ему освобождение от своих занятий, а заодно убедил супругу отпустить Алексис.

Мужчины клана Ледяного Ветра, как глубокомысленно объяснял мне Раух, любят один раз и навсегда. Он говорил, что, к своему стыду, был равнодушен к первой своей супруге, матери Роаха, на которой его насильно женили еще подростком, но вторую боготворил. Мне довелось близко познакомиться с ней на одном из балов, организованных в честь восшествия Королевы Океана, то есть меня, на престол. Жена Рауха была похожа на Снежу, если той прибавить двадцать лет и пятьдесят килограммов, и умела приковать внимание, ничуть не стесняясь своих габаритов, напротив, несла себя с достоинством.

— Ваше величество! — воскликнула она, обращаясь ко мне впервые. — Спасибо вам, что приблизили моего супруга. Гарантирую, он вас не подведет.

Женщина так посмотрела на Рауха, что тот побледнел, тут же покраснел и, наконец, улыбнулся. Он действительно любил свою в буквальном смысле сногшибательную супругу.

И ведь правда — не подвел. Раух взял под свой контроль северные земли и даже обнаружил где-то жидкость, которую прозвал «кровь дракона». Иссиня-черная, пахучая, она горела похлеще пламени этих самых драконов. Самар и весь инженерный факультет академии, который я щедро проспонсировала за счет урезания бюджета на дворцовые украшения и платья императрицы, уже искали применение этому удивительному веществу.

Незаметно в делах прошло полгода, затем год. Я ловила себя на мысли, что постоянно веду внутренние диалоги с Тавром, спрашиваю, как бы он поступил в той или иной ситуации. Мой бывший жених, хоть и не замечал этого, куда лучше меня умел справляться с ретивым дворянством. Меня преследовали размышления о том, как он, наверное, счастлив в окружении себе подобных, среди ведьм, схожих с ним по образу мыслей и действий.

В одну из ночей, когда меня одолевали ревность и жалость к себе, я стояла возле окна и вдруг заметила промелькнувшую в тени деревьев мужскую фигуру, из-под низко опущенного капюшона виднелись золотые волосы. Не помня себя, слетела вниз по лестнице, игнорируя удивленные приветствия стражи, и устремилась в сторону королевского лабиринта. Я бежала по извилистым зеленым коридорам, и ветви цеплялись за одежду.

Выбившись из сил, остановилась и поняла, что очутилась в том месте, где мы с Тавром впервые встретились. Тогда я свалилась на него с живой изгороди, а он подхватил меня в воздухе. Пели цикады, усиливающаяся влажность говорила о том, что вот-вот начнется дождь...

Сейчас, оказавшись здесь в одной ночной рубашке, я не могла позволить себе роскошь разрыдаться. Тавра нет, он не вернется, и уж точно не сторожит под окнами моей спальни, а глупое сердце все не давало мне признать это.

По возвращении к себе я знала, что делать. Бумага и перо, выданные мне Лизабель и целый год пролежавшие без надобности, оказались в руке. Не задумываясь, написала кровью:

Я, императрица Маримар из клана Синего Огня, хозяйка Чак-Чо, повелительница стихии воды и Королева Океана, дарую жителям, проживающим на территории Черного леса,

независимость от империи и ее законов. Тавр из императорского рода, назначенный правителем тех земель императором Теренисом-старшим, имеет право распоряжаться ими по своему усмотрению. Если же какая из ведьм нарушит закон на территории империи, судить ее будут по всей строгости закона.

Прочитав еще раз расплывающийся текст, поставила под ним размашистую подпись и, пока не передумала, отправила секретарю. Потом вызвала садовника, сонного и немного трясущегося от страха, и приказала:

— Срубить королевский лабиринт, вместо него разбить сад со снежными розами и вырыть несколько небольших озер. Когда вернется Роман, пусть вокруг них вырастит рощу из северных кленов и белых дубов.

Не дав себе времени на раздумья, попросила вызвать ко мне графа, и тот в считанные минуты прилетел из академии.

Роах стоял на моем балконе, одетый с иголки, и только несколько обескураженный вид выдавал, что графа подняли из постели.

— Что случилось? — спросил он, замечая и распущенные вьющиеся волосы, и белую ночную рубашку. — Котенок, что...

Ринулась к нему в объятия, не дав договорить, целовала его, стремясь смыть другие поцелуи, растворялась в сильных руках. Граф глухо застонал, когда я начала смело расстегивать пуговицы его сюртука и тянуть за собой в спальню.

Роах несмело переступил порог, споткнулся и едва не свалился на меня. Чем больше я прикасалась к его закаленному в боях телу, тем меньше мыслей оставалось в моей голове. Вот уже сюртук полетел прочь, со звоном свалив хрустальную вазу. Этот звук привел Роаха в чувство. Он отстранился и поглядел в мои глаза.

— Это то, чего ты хочешь? — спросил прямо. Я упрямо кивнула, и Роах вздохнул. — Я возненавижу себя завтра за эти слова, но так дело не пойдет. Сначала ты должна выйти за меня замуж.

— Обычно на браке настаивают девушки, — попыталась кокетливо отвертеться, но граф выглядел непреклонным. Он действительно хочет жениться на мне или же... — Это для того, чтобы

стать императором? — спросила, чувствуя, что слезы готовы брызнуть из глаз, — пропуск к трону, я всего лишь пропуск к трону...

За окном раздавались глухие удары топора, садовник буквально понял мое пожелание и принялся уничтожать лабиринт.

Граф, обычно черствый и нечувствительный, легко считал мои мысли.

— Это для того, чтобы быть с тобой каждый день. И, котенок, если бы я хотел стать императором, я бы сел на трон еще лет десять назад. Мне поступало множество заманчивых предложений.

В последнем сомневаться не приходилось.

Ответ «да» сорвался с губ неожиданно легко.

— Правда, у меня есть одно условие, — произнес граф, взяв меня за руки.

— Какое же? — Любопытство всегда было моей второй натурой.

— Ты должна окончить академию.

Я и сама хотела просить о том же, но не смогла удержаться от возгласа:

— Но это же целый год!

Я императрица, а мысли в голове как у распутницы. Или забыть обо всем на свете заставляла мужественная фигура графа?

Роах громко и радостно расхохотался.

— Года будет достаточно, чтобы ты полюбила меня по-настоящему.

Я снова обняла графа и поцеловала его горячие губы. Прижимаясь к нему всем телом, зарылась пальцами в коротких густых волосах.

Мужчина буквально вырвался из моих объятий и побежал на балкон, прыгнул с него, не сразу вспомнив, что умеет летать, а потому приземлился и только потом воспарил в воздух.

С алыми щеками и горящими глазами я смотрела ему вслед. Сердце щемило, словно желая выставить меня предателем, но я подавила его немой крик.

Роах мое настоящее и будущее, а прошлое... пусть остается в прошлом.

Еще год спустя. Роах

Маримар получала диплом военной академии. Моя гордость, лучшая ученица, моя императрица, моя невеста...

Императрицу Маримар любили, ей восхищались, некоторые даже боготворили. Неизменно с волшебным зверем Чак-Чо в животном или человеческом обличье, со мной и свитой женщин-воинов молодая правительница объездила все уголки империи, побывала на Черных островах, на севере, востоке и западе страны. Она училась править, училась делиться властью. Императрица Мари, или Маримар, как она просила называть себя, не брезговала трапезой с простым человеком, могла танцевать на празднике, как обычная горожанка, и обставляла оплывших жиром генералов в стратегии. Она открыла бесплатные подготовительные курсы во всех учебных заведениях, поощряла науку и ремесла. Поговаривали, что для империи наступает Золотой век, что императрица Мари — посланница богов.

Я же видел любимую женщину, которая с каждым годом становилась все прекраснее. Мечтал о том, чтобы видеть ее в тридцать, сорок, пятьдесят лет, чтобы быть рядом с ней, учить ее и учиться у нее.

Маримар первой получала документ об окончании академии. Она вышла на сцену как простая скромная студентка, и я вручил ей диплом. На публике мы не афишировали отношения, ограничившись официальными поздравлениями. Знаю, что потом с визгом «Роах» она бросится мне на шею и подарит множество счастливых поцелуев.

Я знаю, что после побега Тавра ее сердце было разбито, но я сделал все, чтобы излечить его. Помню наш первый настоящий поцелуй этой зимой. Мы стояли под открытым небом, снег валил так обильно, что не было видно ни земли, ни неба. Я притянул Маримар к себе и не почувствовал привычного сопротивления. Не почувствовал, что в ее мыслях обитает другой. Мари с тихой нежностью посмотрела мне в глаза, спросила:

— Мне от тебя никуда не деться?

— Никуда и никогда, — ответил честно.

Маримар сама потянулась ко мне и поцеловала, сначала неловко, потом все с больше возрастающей страстью. Из ее души никогда не уйдут воспоминания о Тавре и его предательстве, но я смог взрастить в ней надежду и доверие к себе.

Получив диплом, Маримар под гром аплодисментов спустилась со сцены, ее ждали друзья. Не было только Романа, тот все еще шлялся

неизвестно где вместе с Алексис. Эту парочку не отчислили только потому, что они обещали вернуться с единорогом, а в подтверждение своих слов прислали несколько волосков с его гривы, в подлинности которой сомнений не возникало.

Вручив документы об окончании обучения еще нескольким талантливым ученикам, передал эту честь кураторам групп и вышел в зал. Меня не покидало чувство, что кто-то следит за церемонией, но, сколько ни вглядывался в густой парк, окружающий академию, так никого и не увидел. Ругая себя за паранойю, взлетел и отправился на поиски неизвестного источника дискомфорта.

А, вот и он, пытается сбежать через северные ворота. Судя по движениям и походке, какой-то старик. Приземлившись рядом, понял, что мое предположение оказалось неверным.

— Назови мне причину, по которой я не должен прямо сейчас проткнуть тебя мечом, — обратился к сгорбленной фигуре.

Невыносимо сладкий запах ведьм, исходивший от беглого императора, не спутать ни с чем.

Исхудавшая рука откинула с головы тяжелый капюшон. Я призвал все свое самообладание, чтобы не отшатнуться. Вся кожу Тавра покрывали язвы, волосы выпали, обнажив тонкую, как бумага, кожу черепа.

— Не думаю, что это навредит мне сильнее.

— Что с тобой случилось?

Даже злейший враг не заслуживает такой кары. Неужели это цена за предательство Маримар?

— Неужели не видно? — Принц вздернул бровь. Когда-то своей мимикой он покорял женские сердца, сейчас же вызывал отвращение. — Я умираю. Если честно, не думал, что ты меня заметишь, до этого чары срабатывали безупречно.

— Зачем ты здесь?

Я наблюдал за Тавром, как обычно ожидая от него подвоха, но передо мной был просто уставший, больной человек. Он присел на землю, словно черпая из нее силы. Деревья, зашуршав без всякого ветра, приветствовали Тавра, и он слабо улыбнулся.

— Хотел посмотреть на нее. Может быть, в последний раз. С каждым днем ее сила расцветает, Мари становится все прекрасней. — Глаза Тавра, последняя красивая черта его лица, искристо заблестели.

— Ты все-таки любил ее... — Я был потрясен, ведь уверенность в том, что Тавр играл влюбленного, не оставляла меня ни на минуту.

— Любил и люблю. Поэтому и ушел. Если узнает, что стала причиной, — он указал на свой безобразный облик, — это ее сломает.

Тавр прав, Маримар не пережила бы подобного знания. Не так давно она призналась, что хотела прыгнуть в Вечное озеро и стать зверем, как Луциан, чтобы забыть о боли. Только мысль обо мне остановила ее. Смогу ли я ее спасти, если она узнает, что Тавр все это время любил свою невесту и скрывался, чтобы защитить ее чувства? Не знаю.

Император тем временем вытащил флягу, протянул мне:

— Это ром и травы. Будешь?

Я замотал головой, Тавр сделал глоток. Встряхнулся.

— Видимо, судьба свела нас сегодня. Хочу рассказать тебе правду. Ты всегда был моим врагом, а враги куда ценнее друзей. — Тавр взглянул на голубое небо и заговорил спокойным, размеренным тоном: — Прекрасная Горалина, моя мать, героиня своего народа, о которой Лизабель пишет книги, соблазнил моего отца, сделала так, чтобы он женился на ней. А потом понесла сына. По ее плану я должен был родиться магом воды и возродить ведьмовской род. Ради этого мама пожертвовала жизнью, с этой мыслью растила меня. Но она просчиталась. Я унаследовал способности матери, не получив никаких талантов по линии отца. Тяжело быть сквиром в императорской семье, но я был милым ребенком, и отец рассчитывал, что с возрастом приобрету красоту матери и через постель со мной можно будет покупать верность аристократок. Расчет оказался верным, поэтому меня баловали, учили, пользуясь внешностью, доводить женщин до безумия. Когда Лорель, старая мамина подруга, обнаружила меня, шестнадцатилетнего, я утратил надежду на обретение магии воды, но уже был прекрасно знаком со своими сильными сторонами. Лорель полюбила меня, а еще она была верна маме и желала помочь нам всем. Невзирая на запрет, она стала учить меня магии ведьм. Нашла старого мага воздуха, последнего мерзавца, и забрала его способности, чтобы отдать мне. Это у нее получилось блестяще, и я могу делать так, — он взмахнул рукой, и листья поднялись в воздух, — но где было найти мага воды? Убить Терениса-младшего я не позволил. Как и отца, он был нужен, чтобы официально передать мне власть. И тут появилась

Маримар. Буквально с неба на меня свалилась. Я сразу понял, какими способностями обладает твоя мнимая невеста. Сначала думал предложить ее Лорель в качестве жертвы, но мне хотелось найти в ней изъян, что-то порочное, чтобы не чувствовать угрызений совести. Но чем больше я узнавал Мари, тем лучше понимал — она совершенство. Верная, чистая, с неукротимым огнем внутри, при этом такая наивная и доверчивая. Я как дурак искал новых встреч, полностью позабыв о своих планах на трон. Потом вынудил отца, играя его разумом, отдать мне Мари в законные жены. Папенька ведь сам собирался на ней жениться... Ух и много я тогда крови пролил... — Тавр задрал рукав, оголив исчерченную зигзагообразными шрамами руку. — А потом были магия, возрождение Черного леса, пьянящее чувство силы и любви, но ты сам знаешь, какие эмоции охватывают рядом с ней...

— Но почему ты назвал Маримар своей гибелью?

— Ее молитвы. Она молилась о справедливости. Чтобы те, кто пользовался чужой силой, получили по заслугам. Все это время я, сквир, пользовался чужой магией, а мечу божественного правосудия неважно, каковы были мотивы. Я понял в первый же день, что моя любовь выписала мне смертельный приговор. Просто надеялся, что смогу продержаться подольше, что смогу любить ее, жениться на ней... Но в день свадьбы я уже не мог скрыть магией свой облик, а потому бежал. Черный лес на какое-то время возвращает мне красоту и здоровье, но стоит его покинуть, и увядание настигает с новой силой.

— И ты все равно ездил, чтобы посмотреть на Мари?

— Я люблю ее, Роах.

Сказано было тихо, со спокойной обреченностью. Тавр принял свою судьбу.

— Тебе можно как-нибудь помочь?

Раньше сам не поверил бы, что когда-нибудь произнесу подобное, еще и по своей воле. Но я жестоко ошибался в принце, теперь уже императоре.

— Я расплачиваюсь за свои грехи, расплачиваюсь по справедливости. Просто не рассказывай обо мне Маримар. И люби ее. Люби так сильно, как она того заслуживает.

С этими словами Тавр ударил себя по руке острым ножом, который все это время прятал в полах длинной мантии, и исчез, растворился словно дым. Но я уже знал, что это только иллюзия, а на

самом деле когда-то самый красивый мужчина королевства, император и повелитель ведьм ковыляет в сторону Черного леса.

И сказал пустоте:

— Обещаю.